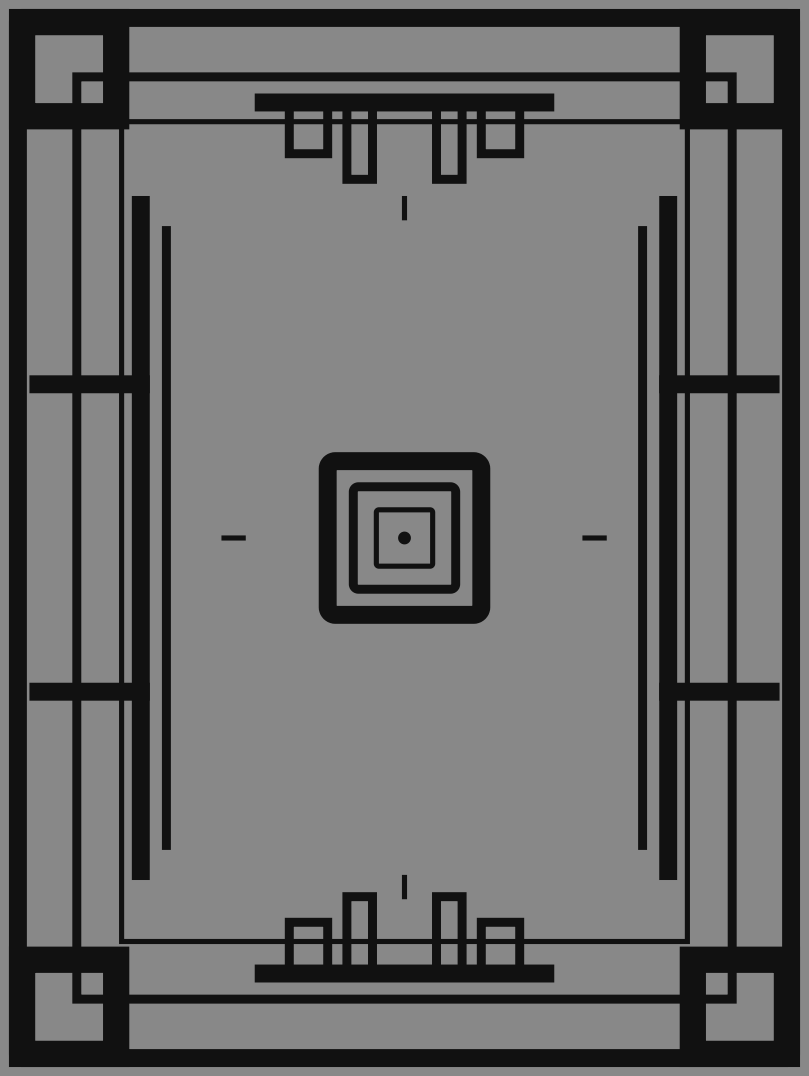

Стеклянная башня
Роберт Силверберг

Стеклянная башня
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
**

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37

Стеклянная башня

Robert Silverberg. Tower of Glass (1970). Пер. — А. Гузман. — _

1

Послушайте, хотелось сказать Симеону Крагу, миллиард лет назад человека еще не было, была только рыба. Скользкое создание с жабрами, плавниками и маленькими круглыми глазками. Рыба жила в океане, и океан был для нее тюрьмой, а воздух — крышей этой тюрьмы. Надежно охраняемая крыша, на которую нельзя вылезать. Ты умрешь, если вылезешь на крышу, говорили все.

И вот эта рыба вылезла на крышу и умерла. Потом другая рыба вылезла на крышу и тоже умерла. Потом третья рыба вылезла на крышу, и ей казалось, что мозг ее плавится, жабры горят огнем, а солнце выжигает сетчатку ослепительным факелом. Рыба лежала в прибрежном иле и ждала смерти, но смерть так и не пришла. Тогда рыба уползла обратно в океан и сказала другим рыбам: «Послушайте, там, наверху, — целый мир».

Она снова поднялась на крышу и провела там, может быть, целых два дня и умерла. Другие рыбы задумались о мире наверху, поднялись на крышу и выползли на илистый берег. И остались

там. И научились дышать воздухом. И научились стоять, ходить и не щуриться от яркого солнечного света. Они превратились в ящериц, в динозавров, в кого-то там еще, а через миллионы лет они научились вставать на задние ноги, хватать передними разные предметы, превратившись в обезьян, а потом обезьяны поумнели и стали людьми.

И все это время некоторые из них — может быть, очень немногие продолжали искать новые миры. Вы можете сказать им: «Давайте вернемся в океан, давайте снова станем рыбами, так легче». И, может быть, половина из них с готовностью согласится. Может быть, даже больше, чем половина, но всегда найдутся такие, которые скажут: «Вы что, с ума сошли? Какие мы рыбы? Мы — люди».

И они не возвращаются. Они карабкаются все выше и выше.

2

20 сентября 2218 года.

Башня Симеона Крага на сто метров возвышается над серо-коричневой тундрой Канадской Арктики к западу от Гудзонова залива. Пока что башня это только пустой стеклянный обрубок, со всех сторон защищенный от буйства стихий экранирующим полем. Вокруг строящегося сооружения суетятся бригады рабочих-андроидов — краснокожих синтетических людей. Они прикрепляют стеклянные блоки к тросам подъемника, и подъемник возносит блоки ввысь, где другие бригады занимаются монтажом. Андроиды Крага работают круглые сутки, в три смены. Когда темнеет, строительная площадка заливается светом прожекторов, парящих в воздухе на километровой высоте. Их питает маломощный, всего на миллион ватт, термоядерный генератор на северном конце площадки.

От гигантского восьмиугольного основания башни широкими серебристыми лучами радиально расходятся полосы морозильной ленты, на полметра зарытой под поверхностью тунд-

ры, — бесконечный ковер смерзшейся земли, вытканный корнями, мхами и лишайниками. Ленты тянутся на несколько километров. Их диффузионные ячейки, наполненные гелием-П, впитывают тепло, излучаемое андроидами и строительными механизмами. Если бы не морозильные ленты, вся тундра скоро превратилась бы в хлюпающее болото. Осели бы блоки фундамента, а колоссальная башня накренилась и медленно рухнула, словно погибший в борьбе с богами титан. Морозильные ленты не дают вечной мерзлоте таять, чтобы она смогла вынести тот чудовищный вес, который собирается взгромоздить на нее Симеон Краг.

Вокруг башни, по кругу радиусом в тысячу метров, расположены всевозможные вспомогательные постройки. К западу от строительной площадки находится главный центр управления. К востоку производственно-исследовательская тахионная лаборатория ультраволновой связи. В небольшом розовом куполе десять-двенадцать техников терпеливо собирают приборы, с помощью которых Краг надеется говорить со звездами. К северу от башни в тесную кучку сбились разного рода служебные постройки. К югу выстроился длинный ряд трансмат-кабин, связывающих

этот далекий край с цивилизованным миром. Кажется, что передатчик материи в любой момент может захлебнуться постоянным потоком людей и андроидов, отправляющихся в Сидней, Сан-Франциско или Шанхай, прибывающих из Нью-Йорка, Найроби или Новосибирска.

Сам Краг неизменно посещает строительство как минимум раз в сутки один или с сыном Мануэлем, или с какой-нибудь своей очередной подругой, или с кем-то из коллег-предпринимателей. Обычно он совещается с андроидом Тором Смотрителем — начальником строительства, поднимается на вершину и заглядывает в пустой колодец башни (проверяет, как идут дела в тахионной лаборатории), беседует с какой-нибудь рабочей бригадой, вдохновляя строителей на трудовые подвиги. Потом исчезает в трансмат-кабине, и передатчик материи швыряет его в гущу ожидающих вдалеке дел.

Сегодня, в ознаменование достижения стометровой отметки, Краг привел с собой довольно большую свиту. Он стоит там, где по плану должен быть западный вход в башню.

Краг — коренастый широкоплечий человек лет шестидесяти с блестящими, близко посаженными глазами и покрытым шрамами носом

на дочерна загорелом лице. В нем чувствуется природная крестьянская сила. Он с презрением относится ко всякого рода косметическим ухищрениям: черты лица его грубоваты, брови кустисты, на почти лысом веснушчатом черепе выделяются редкие пряди черных волос. Несмотря на то что он богат — его состояние оценивается в несколько миллиардов, — Краг предпочитает одеваться просто и не носит драгоценностей. Лишь характерная манера уверенно держаться позволяет судить о том, насколько он богат.

А вот единственный ребенок Крага — сын и наследник Мануэль. Он высок, худощав, не без щегольства одет в элегантный зеленый плащ, подпоясан красновато-коричневым кушаком, на ногах высокие котурны. Из украшений на нем обычно клипсы-беруши и зеркальная пластина на лбу. Ему под тридцать.

Движения его грациозны, но немного нервны.

Андроид Тор Смотритель стоит между отцом и сыном. Он высок, как Мануэль, но сложен так же мощно, как Краг-старший. У него стандартное лицо андроида альфа-класса: узкий прямой нос, тонкие губы, волевой подбородок, рельефно очерченные скулы, обобщенное пластиковое лицо. Но скрывающаяся под синтетической плотью

личность наложила на стандартные черты отпечаток индивидуальности. Тот, кто видел Тора Смотрителя, никогда уже не спутает его с каким-нибудь другим андроидом: уверенная складка между бровями, плотно сжатые губы, легкая сутулость… На нем строительный комбинезон, он не обращает внимания на жгучий холод, и его ярко-красная кожа кажется вылепленной из воска.

Кроме этих двоих, вслед на Крагом из трансмат-кабины появились еще семеро. А именно:

Клисса, жена Мануэля Крага.

Квенелла, женщина немного моложе Мануэля, очередное увлечение Крага-старшего.

Леон Сполдинг, личный секретарь Крага, эктоген.

Никколо Варгас, астроном. Его антарктическая обсерватория первой поймала слабые сигналы внеземной цивилизации.

Джастин Мэйлдетто, архитектор, автор проекта башни Крага.

Сенатор Генри Фиэрон из Вайоминга, лидер Фракции за Отмирание.

Томас Баклман из банковской группы Чейза-Крага.

— Все в подъемник! — зычно кричит Краг. — Свистать всех наверх!

— Какая же будет у нее высота? — спрашивает Квенелла.

— Полтора километра, — отвечает Краг. — Гигантская стеклянная башня, доверху набитая аппаратурой, в которой сам черт ногу сломит. Когда-нибудь мы ее включим и будем говорить со звездами.

3

Вначале был Краг, и он сказал: да будут Автоклавы. И появились Автоклавы.

И увидел Краг, что они хороши.

И сказал Краг: да будут в Автоклавах высокоэнергетические нуклеотиды. И появились в Автоклавах нуклеотиды.

И стал Краг смешивать их, пока не соединились они друг с другом.

И соединились нуклеотиды в огромные молекулы.

И сказал тогда Краг: да будут в Автоклавах отец и мать, и деление клетки, и да будет в Автоклавах жизнь.

И появилась жизнь, потому что была Репликация.

И Краг управлял Репликацией, собственноручно касаясь растворов, придавая им форму и вдыхая в них жизнь.

И сказал Краг: да зародятся в Автоклавах мужчины, и да зародятся в Автоклавах женщины. Пусть живут они среди нас, пусть будут они крепкими и трудолюбивыми, и станем мы звать их

Андроидами.

И стало так.

И появились на свет Андроиды, созданные Крагом по образу и подобию своему, и стали они служить человечеству.

И за все это возносим мы Крагу хвалу.

Славься, Краг!

4

В то утро Смотритель проснулся в Стокгольме. После четырех часов сна он чувствовал себя совершенно разбитым. Слишком много. Двух часов было бы достаточно. После короткого нейроритуала в голове у него прояснилось, и он отправился в душ. Вот теперь лучше. Андроид потянулся и заиграл мускулами, изучая в зеркале свое гладко-розовое безволосое тело. Теперь позаботимся о душе. Краг, освободи нас от рабства. Краг, освободи нас от рабства. _Краг, освободи нас от рабства. Славься, Краг!_ Смотритель быстро проглотил завтрак и оделся. За окном слабо светило бледное североевропейское солнце. В Стокгольме скоро наступит вечер.

Какая, впрочем, разница? Безотказные часы у Смотрителя в мозгу были настроены на канадское время, на время башни. Он мог спать когда угодно, лишь бы на двенадцать часов бодрствования приходился один час сна. Даже телу андроида необходим отдых, хотя не в том смысле, как это понимают люди.

Теперь — вперед, на строительную площадку.

Сегодня ожидаются посетители.

Андроид начал устанавливать трансмат-координаты. Он терпеть не мог этих каждодневных посещений. Работа стопорилась, по каждый раз, когда какие-нибудь важные чины появлялись на строительстве, требовалось принимать исключительные меры предосторожности. С их посещениями появлялась дополнительная ненужная напряженность, и каждое посещение подразумевало, что ему, Тору, не доверяют, что его работу необходимо постоянно контролировать. Смотритель, разумеется, понимал, что Краг доверяет ему безоговорочно. Вера в то, что такое доверие существует, поддерживала в Смотрителе жизненные силы. Он понимает, что не подозрительность, а естественная человеческая гордость заставляет Крага так часто появляться на строительстве.

Храни меня Краг, подумал Смотритель и сделал шаг вперед.

В следующее мгновение перед ним возникла башня. С ним поздоровались его помощники. Кто-то вручил ему список сегодняшних посетителей.

— Краг уже здесь? — спросил Смотритель.

— Будет через пять минут, — ответили ему, и через пять минут Краг с длинным шлейфом

гостей вышел из трансмат-кабины.

Смотритель поморщился, увидев среди сопровождавших Крага его секретаря Сполдинга. Сама природа позаботилась о том, чтобы они стали врагами; с первой же встречи между ними возникла сильнейшая антипатия: между рожденным в автоклаве и рожденным в пробирке — андроидом и эктогеном.

Кроме этого, между ними существовала борьба за влияние на Крага. Для андроида Сполдинг был распространителем ядовитых слухов и подозрений, потенциальной угрозой своему высокому положению. Смотритель поздоровался с ним холодно и отчужденно, стараясь, правда, при этом не выйти за рамки приличий. Не подобало андроиду, какое бы высокое положение он ни занимал, открыто выказывать свое пренебрежение к человеку, а Сполдинг, в техническом смысле, считался человеком.

Краг торопил всех к подъемнику. Смотритель, оказавшийся в одной кабине с Мануэлем и Клиссой Краг, бросил взгляд налево. В соседней кабине к усеченной вершине башни поднимался Сполдинг — эктоген, — сирота задолго до рождения, человек уродливой души и злобного характера, которому Краг в силу необъяснимых причин так

доверяет! _Да найдешь ты смерть свою в арктическом ветре, рожденный в пробирке! Да увижу я, как воздушное течение заботливо принимает тебя в свои объятия и разбиваешься ты о мерзлую землю безо всякой надежды на починку_.

— Тор, почему у вас вдруг стало такое страшное лицо? — поинтересовалась Клисса Краг.

— Э… у меня?

— Да, словно черная тень набежала.

— Это просто эмоциональный тренаж, миссис Краг, — пожал плечами Смотритель. — Десять минут любви, десять минут ненависти, десять минут застенчивости, десять минут самолюбования, десять минут благоговения, десять минут надменности. Час эмоционального тренажа в день — и андроид становится больше похож на человека.

— Не смейтесь надо мной, — сказала Клисса. Она была очень молода, стройна, темноглаза и, как Смотритель мог только предполагать, красива. — Это правда?

— Чистая правда. Когда вы обратили на меня внимание, я как раз перешел к ненависти.

— А что это за тренаж? Ну, в смысле, вы просто стоите и думаете:

«Ненависть-ненависть-ненависть…», или как-

то по-другому?

Андроид улыбнулся и краем глаза заметил, что Мануэль подмигивает ему.

— В следующий раз я вам все объясню, — ответил Смотритель. — Мы уже на вершине.

Три кабины подъемника добрались до самой высокой точки башни. Над головой у Смотрителя нависла серая дымка отражающего поля. Небо тоже было серым. Короткий северный день приближался к середине. С вершины башни было видно, как вдоль берега залива в их сторону, на юг, двигается полоса снежного бурана. Краг, вышедший из соседней кабины подъемника, показывал на что-то в глубине башни Баклману и Варгасу. Сполдинг, сенатор Фиэрон и Мэйлдет-то рассматривали атласно-гладкие стеклянные блоки, из которых складывалась башня.

— Когда башня будет закончена? — спросила Клисса.

— Меньше чем через год, — ответил ей андроид. — Пока что все идет гладко. Главной технической проблемой было, как сделать так, чтобы вечная мерзлота под башней не таяла. Но эта проблема уже решена, и теперь башня будет каждый месяц подниматься на несколько сотен метров.

— А зачем вообще было строить именно здесь, если тут такая ненадежная земля?

— Дело в том, что когда ультраволновый передатчик заработает, он выведет из строя все линии связи, трансмат-сообщение и генераторы энергии на сотни километров вокруг. Так что выбор, где строить башню, был невелик: в Сахаре, в Гоби, в австралийской пустыне или в канадской тундре. В силу некоторых технических особенностей тундра представлялась наиболее удачным местом, если бы удалось как-то разобраться с вечной мерзлотой. Краг сказал, что строить будем здесь. Так что пришлось разбираться с мерзлотой.

— А как дела с тахионным передатчиком? — спросил Мануэль.

— Установка оборудования начнется, когда башня достигнет пятисотметровой отметки. Примерно в середине ноября.

— Мы уже подняли на орбиту пять станций-усилителей, — донесся громоподобный голос Крага. — Этого хватит, чтобы наш сигнал услышали на Андромеде!

— Удивительный проект, — произнес сенатор Фиэрон, этот энергичный человек с ярко-зелеными глазами и пышной гривой рыжих волос — большой любитель театральных эффектов. —

Еще один семимильный шаг, приближающий человечество к зрелости!

Сенатор церемонно кивает Смотрителю и добавляет:

— Разумеется, мы в неоплатном долгу перед андроидами, чьими искусными руками возводится это чудесное сооружение. Если бы не вы и ваши люди, Альфа-Смотритель, было бы невозможно…

Смотритель вполуха слушал сенатора, не забывая постоянно улыбаться.

Подобные комплименты мало что для него значили. А Всемирный Конгресс и его сенаторы — еще меньше. Что, в Конгрессе заседает хоть один андроид? А если и заседал бы, то что с того? Когда-нибудь, конечно, Партия Равенства добьется своего и протащит в Конгресс нескольких андроидов. Трое-четверо альф будут заседать в этом августейшем органе, но все равно андроиды останутся предметом собственности, а не гражданами. Тор-Смотритель не интересовался политикой.

Если все же попытаться как-то охарактеризовать убеждения Тора с политической точки зрения, можно было считать, что он поддерживает партию за Отмирание. Действительно, зачем обществу, основанному на трансмат-со-

общении, где национальные границы исчезли за ненадобностью, формальное правительство? Всемирному Конгрессу давно следовало заявить о самороспуске и провозгласить приоритет естественного права. Но Смотритель понимал, что полное отмирание государства, предрекаемое Партией за Отмирание, не наступит никогда. Доказательством этому был хотя бы сенатор Генри Фиэрон. Вечный парадокс: член антиправительственной партии входит в правительство и руками и ногами держится за свое кресло. Почем нынче Отмирание, сенатор?

Фиэрон долго и красноречиво хвалил трудолюбие андроидов. Пока на башне находились посетители, работа стояла — Смотритель не рисковал поднимать массивные стеклянные блоки. И это при том, что сроки все время поджимают.

К его облегчению, вскоре Краг подал команду на спуск. Задул ветер с залива, и Квенелле стало холодно. Подъемник опустил их на землю, и Тор повел всю группу в главный центр управления продемонстрировать, как он возьмет на себя командование строительными операциями. Смотритель опустился в кресло главного оператора. Подключив тупорылый компьютерный разъем в гнездо на левом предплечье, андроид

увидел, как губы Леона Сполдинга сжались, а лицо скривилось в гримасе… Презрения? Зависти?

Несмотря на весь свой опыт общения с людьми. Смотритель до сих пор плохо различал оттенки столь тонких чувств. Но разъем со щелчком встал на место, в мозг Смотрителю хлынули электронные импульсы, и он напрочь позабыл о Сполдинге.

Он словно стал тысячеглазым. Андроид одновременно видел все, что происходит на стройке и на много километров вокруг. Теперь он составлял с компьютером единое целое, а многочисленные сенсоры, сканеры и терминалы казались ему продолжением собственного тела. Зачем мучиться разрабатывать долгую и утомительную процедуру общения с компьютером, если можно сделать андроида, который просто станет частью компьютера?

Хлынул поток данных, принесший с собой экстаз.

Состояние оборудования. Векторы потоков рабочей силы. Координация бригад. Уровни замораживания почвы. Энергия, текущая по силовым кабелям.

Башня представлялась Смотрителю изменчивым узором из бесконечного числа деталей, а

сам он сидел в центре и ткал этот узор. Ничто не ускользало от его внимания. Он соглашался и отвергал, изменял и оставлял до лучших времен. Может быть, так же действует секс? Это биение энергии в каждом нерве, эта лавина ощущений, чувство того, что ты достиг своего предела, горизонта и дальше просто некуда? Хотелось бы знать, думал Смотритель. Он поднимал и опускал тросы подъемника, заказывал на следующую неделю стеклянные блоки и оптические волокна для тахионной лаборатории, проверял, завезена ли еда на завтра, постоянно контролировал устойчивость всего сооружения в целом, отправляя финансовый отчет прямо главному компьютеру финансовой группы Чейза-Крага. Сканировал температуру почвы на глубину до двух километров с шагом в полметра, отвечая на десятки телефонных звонков в секунду… и не мог не ощущать гордости. Он знал, что ни один человек не сумел бы справиться с подобной работой, сумей он даже подключиться к компьютеру. Смотритель, с одной стороны, был наделен способностями машины и, с другой, — разносторонностью человека; если не считать того довольно существенного обстоятельства, что он не способен к самовоспроизведению, он во мно-

гом превосходит и человека, и машину, так что…

Вспыхнула красная лампочка, и прозвучал сигнал тревоги.

Несчастный случай. Кровь андроидов пролилась на замерзшую землю.

Смотритель дал мысленный сигнал, и изображение приблизилось. На северной стороне башни оборвался трос подъемника; С высоты девяноста метров упал стеклянный блок и зарылся в землю, на метр нависая одним концом над заснеженной землей. Безупречную прозрачность стекла нарушала длинная извилистая трещина, напоминавшая фрагмент ледяных узоров на окне зимним утром. Со стороны ближе к башне из-под блока виднелись чьи-то ноги.

Три робота-погрузчика торопились к месту происшествия, четвертый уже подъехал и подводил под массивный блок свои длинные железные клыки.

Смотритель отсоединился от компьютера и вздрогнул, как от боли, когда поток данных резко оборвался. Экран у него над головой крупным планом показывал сцену происшествия. Клисса Краг отвернулась и прятала лицо на груди у мужа, Мануэлю тоже явно было не по себе, лицо Крага-старшего перекосилось от раздражения.

Остальные посетители были скорее озадачены, чем встревожены. Взгляд Смотрителя задержался на мертвенно-бледном лице Сполдинга. Эктоген был невысок и, мягко говоря, худощав, точнее — кожа да кости. В короткое мгновение после шока Тор видел все с необыкновенной ясностью и почему-то обратил внимание на редкие черные усы Сполдинга.

— Ошибка компьютера, — деловым тоном произнес Смотритель. — Машина неправильно рассчитала натяжение троса, и блок упал.

— Но компьютером в тот момент управляли вы, разве не так? — спросил Сполдинг. — Давайте называть вещи своими именами.

— Прошу прощения, — отказался играть в эту игру андроид. — Произошел несчастный случай. Наверное, были жертвы. Я должен идти.

Он поспешил к двери. -...непростительная беспечность... — пробормотал у него на спиной Сполдинг.

Смотритель вышел за дверь и рванул бегом к месту происшествия, шепча на ходу слова молитвы.

5

— Нью-Йорк, — сказал Краг. — Верхний офис.

Вместе со Сполдингом они вошли в трансмат-кабину. Пульсирующая ярко-зеленым светом завеса трансмат-поля делила кабину пополам. Эктоген установил координаты. Невидимый генератор трансмат-поля напрямую соединялся с главным компьютером, находящимся где-то на дне Атлантического океана и аккумулирующим тэта-силу, на которой основывалась система мгновенного переноса материи. Крагу даже в голову не пришло проверить, какие координаты установил Сполдинг. Он доверял своим подчиненным.

Малейшая неточность в задании, например, абсциссы — и холодные ветры развеют по всему миру атомы Симеона Крага. Он привычно шагнул через мерцавшую зеленым светом завесу.

Он ничего не почувствовал. Краг исчез. Поток меченых частиц-волн пришел на приемник в нескольких тысячах километров от передатчика, и снова возник Краг. Трансмат-поле так быстро разлагало человеческое тело на субатом-

ные частицы, что нервная система не успевала почувствовать боль, возвращение к жизни происходило так же быстро. Ничуть не изменившийся Краг вышел из трансмат-кабины в своем кабинете. Сразу же за ним появился Сполдинг.

— Займись, пожалуйста, Квенеллой, — сказал секретарю Краг. — Она вот-вот появится внизу. Развлеки ее чем-нибудь. Я хочу, чтобы меня хотя бы час никто "не беспокоил.

Сполдинг удалился. Краг закрыл глаза.

Падение блока выбило его из колеи. Это было не первое происшествие за время строительства и наверняка не последнее. Не обошлось без жертв пускай это только андроиды, но все равно… Крага всегда приводили в бешенство неоправданные потери живой силы, энергии и времени. Как сможет башня подняться к небу, если токи будут падать? Как сможет он сообщить небесам, что человек существует, что человек что-то значит, если не будет башни? Как сможет он задавать вопросы, которые необходимо задать?

Крагу было больно. Краг шатался под неподъемным грузом, который сам на себя взвалил.

Когда он был утомлен или нервничал, он каждый раз с болезненной отчетливостью ощущал свое тело как тюрьму, в которой заключена его

душа.

Складки живота, бесчувственный островок в основании шеи, от которого, казалось, омертвение волнами распространяется по телу, непроизвольное дрожание левого века, постоянное ощущение тяжести в мочевом пузыре, сухость в горле, хруст в коленной чашечке — напоминание о том, что он не вечен. Все это отзывалось у него в голове колокольным звоном. Нередко собственное тело представлялось ему каким-то абсурдным мешком мяса, костей, крови, всевозможных мускулов, жил и нервов, сминающимся, опадающим под напором времени, изнашивающимся год от года, день ото дня. Что благородного в такой груде протоплазмы? А эти нелепые ногти! Идиотские ноздри! Дурацкие локти! И все же под броней черепа тикало бдительное серое вещество мозга, как бомба с часовым механизмом, зарытая глубоко в грязь.

Краг презирал свою плоть, но благоговейно трепетал перед своим мозгом, перед человеческим мозгом вообще. Только в этих мягких складках нервной ткани и был настоящий Краг, нигде больше — ни в кишечнике, ни в паху, ни в груди, — только в мозгу. Тело могло еще долго гнить, но обитающее в нем сознание уже возносилось к

самым далеким галактикам.

— Массаж, — произнес Краг.

Из стены выдвинулся массажный стол. В кабинет вошли три постоянно дежурившие в соседней комнате женщины-андроида. Их гибкие тела были обнажены. Все трое принадлежали к гамма-типу, и, если бы не закладывающиеся при производстве незначительные соматические отличия, могли бы быть приняты за тройняшек. У всех троих была небольшая высокая грудь, плоский живот, узкая талия, широкие бедра, полные ягодицы. На голове росли волосы, а на лице брови, но больше нигде на теле волосяного покрова не было, что придавало им какой-то бесполый вид. Впрочем, характерный признак пола был начертан у них между ног, и Краг, если бы ему захотелось, мог раздвинуть эти ноги и ощутить в ответ более-менее сносную имитацию страсти. Ему этого никогда не хотелось. Но Краг намеренно вложил в своих андроидов элемент чувственности. Он дал им работоспособные — хотя и стерильные — гениталии и безупречной формы — хотя совершенно бесполезный — пупок. Ему хотелось, чтобы его создания во всем походили на людей (а в чем-то даже были бы лучше) и делали почти все, на что способен человек.

Его андроиды не были просто усовершенствованными роботами. Он предпочел создавать синтетических людей, а не машины.

Три женщины-гаммы привычно раздели его и начали трудиться. Краг лежал на животе, умелые пальцы без устали погружались в его плоть и разминали затекшие мышцы. Взгляд его застыл на диаграмме, висящей на дальней стене кабинета.

Кабинет его был обставлен строго и по-деловому: длинный рабочий стол с терминалом компьютера, небольшая неброская скульптура в углу и портьера во всю стену, которая при прикосновении реполяризатором становилась прозрачной и за ней открывался вид на Нью-Йорк. Неярко горели невидимые лампы, и кабинет был все время погружен в полумрак. Но на стене желтым светом вспыхивал ослепительный узор: ****** ****** ******

Это было послание из космоса.

Когда обсерватория Варгаса поймала таинственный сигнал на частоте 9100 мегагерц, он был еще очень слаб: два коротких импульса, пауза, четыре импульса, пауза, один импульс, и так далее. За два дня сигнал повторился тысячу раз, потом прекратился. Через месяц он снова возник на частоте 1421 мегагерц, на знаменитой

частоте водорода (длина волны 21 сантиметр), и повторился еще тысячу раз, но уже большей мощности. Еще через месяц сигнал стал одновременно приходить на частоте в два раза меньшей и в два раза большей и снова повторился тысячу раз. Позже Варгас поймал тот же самый сигнал в оптическом диапазоне как интенсивное лазерное излучение на длине волны 5000 ангстрем. Сигнал все время оставался одним и тем же: 2-4-1-2-5-1-3-1. Между сериями приходящих импульсов всегда отмечалась значительная пауза, а после гораздо более долгой паузы сигнал повторялся заново.

Это могло быть только осмысленным посланием. Для Крага последовательность 2-4-1-2-5-1-3-1 стала священным числом, основанием новой кабалы. Мало того что диаграмма сигнала красовалась на стене его кабинета, одно движение пальца — и кабинет наполнялся внеземным шепотом на какой-нибудь из доступных человеческому уху частот, а скульптура в углу начинала в такт звуковому сигналу испускать яркие лазерные вспышки.

Голос неба стал для Крага наваждением. Вся вселенная Крага вращалась вокруг остро ощущаемой необходимости послать ответный сигнал. Ночью он стоял, задрав голову к звездам, ослеп-

ленный каскадами льющегося с небес света, и думал: «Я — Краг, я — Краг, я здесь, я жду, ну скажите хоть что-нибудь». Он не допускал никакой другой возможности, кроме той, что сигналы со звезд — это осмысленный призыв к диалогу. И он был готов рискнуть всем своим состоянием, чтобы послать ответ.

Ну а вдруг все-таки «сигнал» — это какое-нибудь естественное явление? _Абсолютно исключено. То постоянство, с каким он продолжает приходить во всех диапазонах, говорит о сознательной направляющей силе. Кто-то пытается нам что-то сообщить_.

Но что значат эти цифры? Это что, какое-нибудь галактическое число ж? _Нам пока не удалось найти в этих цифрах какого-либо математического смысла. Никакой арифметической прогрессии в них не скрыто. Криптографы уже предложили по меньшей мере полсотни одинаково головоломных толкований, что делает их всех одинаково подозрительными. Нам кажется, что числа выбраны совершенно случайно_.

Что проку в сообщении, из которого ничего не понять? _Все дело в самом факте сообщения. Это призывный крик, адресованный в космос. Они кричат нам: смотрите, мы здесь, мы умеем пере-

давать сигналы, мы способны разумно мыслить, мы ищем контакта с вами_.

Допустим, даже если вы правы, как вы собираетесь им ответить? _Я скажу им: эй, там, привет, мы слышим вас, мы поймали ваш сигнал, мы разумны, мы люди, нам надоело жить одним посреди космоса_.

На каком языке вы скажете им все это? _На языке случайных чисел. А потом — не совсем случайных. Эй, алло, как слышно, 3.14159, прием, 3.14159 — отношение длины окружности к диаметру_.

И как вы собираетесь это сказать? Лазером? По радио? _Нет, это все слишком медленно. У меня нет времени ждать, пока электромагнитные волны тащатся туда-обратно. Мы станем говорить со звездами на языке тахионных лучей, и я скажу этим типам со звезд, что на Земле живет такой Симеон Краг_.

Краг дрожал от возбуждения на массажном столе. Андроиды продолжали умело терзать его плоть, разминать жировые складки, зарываться костяшками пальцев в узловатые мускулы. Ему казалось, что в ритме этих щипков и хлопков скрыты те же мистические числа: 2-4-1, 2-5-1, 3-1. Где недостающая двойка? И даже будь она, что бы

это значило: 2-4-1, 2-5-1, 2-3-1? Ничего существенного. Случайный набор чисел. Бессмысленные сгустки информации.

Информация как вещь в себе. Всего лишь числа, складывающиеся в абстрактный узор, но в них содержится самое важное во вселенной сообщение: _Мы здесь_. _Мы здесь_. _Мы зовем вас_.

И Краг ответит им. Он задрожал от удовольствия, представив себе, что башня наконец достроена и в космос устремляются тахионные лучи. Краг ответит, Краг-Жадюга, Краг-Бесчувственный-Денежный-Мешок, Краг-Невежда, Краг-Охотник-за-долларами, Краг-простой-предприниматель, Краг-жирный крестьянин, Краг-грубиян. Я! Я! Я! Краг! Краг!

— Вон! — вырвалось у него. — Достаточно!

Андроиды поспешно удалились. Краг встал с массажного стола, медленно оделся, прошел через кабинет и провел ладонью по узору из желтых огоньков на стене.

— Какие-нибудь новости? — произнес он. — Посетители?

Натриевый проектор выбросил облако пара, и в воздухе возникло изображение Леона Сполдинга.

— Здесь доктор Варгас, — произнес эктоген. —

Он ждет в планетарии. Вы встретитесь с ним?

— Разумеется. Я сейчас же поднимусь к нему. А где Квенелла?

— На вашей вилле в Уганде. Она просила передать, что будет ждать вас там.

— А мой сын?

— Отправился с инспекцией на завод в Дулут. Какие-нибудь распоряжения для него будут?

— Нет, — ответил Краг. — Он сам знает что делать. Я сейчас поднимусь к Варгасу.

Изображение Сполдинга мигнуло и погасло. Краг вошел в лифт и через несколько секунд оказался на крыше здания, под куполом планетария; Там его дожидался, сосредоточенно меряя шагами огромный зал, Никколо Варгас. Путь его пролегал между витриной с восемью килограммами протеидов с Альфа Центавра V и приземистым криостатом, за покрытым инеем окошком которого с трудом можно было разглядеть двадцать литров жидкости, добытой из метанового моря на Плутоне.

Варгас был невысок, светлокож и всегда выглядел очень сосредоточенным.

Краг относился к нему с огромным уважением, чуть ли не с восторженным преклонением: как же, ведь тот посвятил всю свою жизнь, каждый

день ее, поискам внеземных цивилизаций и стал самым выдающимся экспертом по проблемам межзвездной связи. Через что и пострадал: пятнадцать лет назад в пылу научного возбуждения он случайно влез под поток излучения от нейтронного телескопа, и левая сторона лица его так «поджарилась», что даже тектогенетическая хирургия оказалась бессильна. Ослепший глаз чудом сумели регенерировать, но вымывание кальция из костей черепа остановить не удалось; пришлось имплантировать бериллиевые волокна, и левая щека Варгаса так и осталась сморщенно-впавшей. В век косметической хирургии подобное уродство было просто дикостью, но Варгас, похоже, не очень-то стремился прибегать к дальнейшим косметическим ухищрениям.

Астроном встретил Крага своей обычной кривой улыбкой.

— Башня великолепна! — заявил он.

— Будет великолепна, — поправил его Краг.

— Нет, нет. Уже великолепна. Какое изящество, какая мощь, какое стремление ввысь! Друг мой, знаете ли вы, что строите? Первый собор галактического века. Через тысячу лет, когда башня как космический передатчик безнадежно устареет, люди будут по-прежнему приходить к ней, пре-

клонять перед ней колена, целовать ее и славить вас. И не только люди.

— Мне нравится эта мысль, — произнес Краг. — Собор. Мне такое даже в голову не приходило. А это еще что? — поинтересовался он, вдруг обратив внимание на информационный кубик, который Варгас подбрасывал на ладони.

— Это мой подарок.

— Подарок?

— Мы обнаружили источник сигналов, — сказал Варгас. — Мне казалось, вам захочется взглянуть на звезду, с которой они идут.

— Почему же вы не сказали мне сразу, еще на башне? — вскинулся Краг.

— Башня — это было ваше представление. Теперь моя очередь. Так что, показывать?

Краг нетерпеливо махнул рукой в сторону проектора. Варгас быстро вставил кубик в гнездо и включил сканер. Голубые лучи заплясали по поверхности кубика, считывая зашифрованную в его атомной структуре информацию.

На потолке планетария вспыхнули звезды.

Краг знал галактику Млечный Путь как свои пять пальцев. Опытным глазом он сразу выхватил знакомые ориентиры: Сириус, Канопус, Вега, Капелла, Арктур, Бетельгейзе, Альтаир, Фомаль-

гаут, Денеб — ярчайшие маяки небес, живописно разбросанные по поверхности черного купола над головой. Он нашел ближайшие, в пределах двенадцати световых лет, звезды, до которых уже на его памяти добрались земные автоматические станции: Эпсилон Инди, Росс-154, Лаландс-21185, звезда Барнарда, Волк-359, Процион, Лебедь-61. Он отыскал взглядом Телец и ярко-красный Альдебаран, горящий как глаз на бычьей морде, а в некотором отдалении — Гиады и полыхающие в ослепительном саване межзвездного газа Плеяды. Узор звездного неба менялся на глазах, яркие точки становились то более, то менее резкими, расстояния увеличивались. Краг явственно услышал, как у него в груди громко колотится сердце. Варгас не сказал ни слова с момента, как вставил кубик в проектор.

— Ну и что? — не вытерпев, потребовал объяснений Краг, — Куда мне смотреть?

— В сторону Водолея, — ответил Варгас.

Краг обвел взглядом северную небесную полусферу: Персей, Кассиопея, Андромеда, Пегас, Водолей. Да, вот он, старый Водонос, между Рыбами и Козерогом. Краг попытался вспомнить самую яркую звезду в Водолее, но название вылетело из головы.

— Ну и что дальше? — спросил он.

— Подождите. Сейчас я дам увеличение.

Небеса обрушились на него, и Краг от неожиданности сделал шаг назад.

Созвездия распались, небо дрожало, привычный порядок рассыпался. Когда все опять застыло, перед Крагом оказался один фрагмент небесной сферы, увеличенный до размеров всего купола. Прямо над головой горело изображение огненного кольца с темной сердцевиной, окруженного неправильной формы облаком светящегося газа. В центре кольца сияла ослепительная точка.

— Это туманность NGC 7293 в созвездии Водолея, — произнес Варгас.

— И что?

— Сигнал идет оттуда.

— Это точно?

— Абсолютно точно, — ответил астроном. — Мы измерили параллакс, провели целую серию оптических и спектральных исследований, а также ряд независимых проверок. Мы с самого начала подозревали, что сигнал идет от NGC 7293, но окончательное подтверждение появилось только сегодня утром.

Теперь мы в этом уверены.

— И как далеко до этой туманности? — хрипло

спросил Краг. В горле у него пересохло.

— Примерно триста световых лет.

— Неплохо, неплохо. За пределом досягаемости автоматических станций, и от радиосвязи проку мало. Но никаких проблем для тахионного луча. Значит, я не зря строю свою башню.

— К тому же остается надежда связаться с теми, кто послал этот сигнал, — произнес Варгас. — То, чего мы все время боялись, что сигнал идет откуда-нибудь от Андромеды, что он послан миллионы лет назад…

— Теперь это исключено.

— Да. Исключено.

— Расскажите мне, что это такое, — попросил Краг, — планетарная туманность. Что это может быть — и планета и туманность одновременно?

— Это не туманность и не планета. — Варгас, заложив руки за спину, снова пустился расхаживать взад-вперед. — Это необычный объект. Уникальный объект. — Он на ходу постучал по витрине с центаврианскими протеидами.

Квазиживность беспокойно заметалась за стеклом. — Кольцо, которое перед вами, — это оболочка, газовый пузырь, окружающий звезду 0-типа. Звезды этого спектрального класса относятся к голубым гигантам. Они горячи, нестабильны и

остаются таковыми всего несколько миллионов лет. К концу жизни с некоторыми из них случается катаклизм, сравнимый только со взрывом новой: звезда сбрасывает свои внешние слои, и образуется гигантская газовая оболочка. Диаметр планетарной туманности, которая сейчас перед вами, — 1,3 световых лет, и она расширяется со скоростью километров пятнадцать в секунду. Кстати, оболочка так ярко светится из-за эффекта флюоресценции: звезда в центре излучает много жесткого ультрафиолета, который поглощается водородом оболочки, что вызывает…

— Секундочку, — прервал его Краг. — Вы что, хотите сказать, что недавно в этой системе шарахнуло что-то типа новой — и совсем недавно, так что оболочка еще всего 1,3 световых лет, хотя разлетается со страшной скоростью? И что звезда выстреливает столько жесткого излучения, что оболочка светится?

— Да.

— И вы что, хотите, чтобы я поверил, что в этом пекле живут разумные существа и посылают нам сигналы?

— Не может быть ни малейшего сомнения в том, что сигналы идут с NGC 7293, — произнес Варгас.

— Невозможно! — взревел Краг. — *Невозможно!* — В возбуждении он хлопнул себя по бедру. — Голубой гигант… Да ему всего несколько миллионов лет! Как около него вообще может развиться жизнь, не говоря уже о разумной? А потом звезда взрывается… Что может уцелеть после такого взрыва? А жесткое излучение? Ну скажите же что-нибудь! Если очень хочется придумать систему, в которой нет и не может быть жизни, не надо ничего придумывать — вот она, пожалуйста, эта ваша планетарная туманность! Как могут оттуда идти сигналы? От кого?

— Мы об этом уже думали, — негромко произнес Варгас.

— Так что, значит, сигналы все-таки естественного происхождения? — весь дрожа, потребовал объяснений Краг. — Просто излучение газа этой вашей чертовой планетарной туманности?

— Мы по-прежнему считаем, что сигналы — искусственного происхождения.

Перед этим парадоксом Краг был вынужден в недоумении спасовать. В астрофизике он был всего лишь любителем. Да, он прочел множество популярных книг по астрономии, прибегал даже к гипнопедии и мог теперь отличить красного гиганта от белого карлика, нарисовать диаграм-

му Герцшпрунга-Рассела, найти на небе Альфу Южного Креста и звезду Колос в созвездии Девы… Но это было все-таки не более чем экзотическое хобби, внешний довесок к уже сформировавшейся личности. В отличие от Варгаса о нем нельзя было сказать, что он чувствует себя в космосе как рыба в воде, — необходимость экстраполяции за рамки известных фактов ставила его в тупик. Отсюда его благоговейное восхищение Варгасом. Отсюда эта давящая пустота в груди.

— Ну же, — наконец пробормотал он, — скажите, как такое может быть?

— Существует несколько возможностей, — произнес Варгас. — Разумеется, все наши теории основаны на одних догадках, вы же понимаете? Первая и самая очевидная возможность: те, кто посылал сигналы, прибыли в NGC 7293 уже после взрыва, когда все успокоилось. Не позже, чем 10000 лет назад.

Колонисты откуда-нибудь издалека… исследователи… беглецы… изгнанники… Короче, кто бы они ни были, но прилетели туда они недавно.

— А жесткое излучение? — спросил Краг. — Даже после того как все остальное успокоится, этот чертов голубой гигант будет излучать ультрафиолет.

— Очевидно, жесткое излучение их не беспокоит. Может быть, наоборот, они без него не могут жить. Для наших жизненных процессов необходим солнечный свет, почему бы не предположить, что могут быть существа, питающиеся энергией из более высокоэнергетической области спектра?

— Хорошо, — замотал головой Краг, — если вы занялись конструированием видов, я выступаю адвокатом дьявола. Вы говорите, они питаются жестким излучением? А как насчет генетических последствий? О какой устойчивой цивилизации может идти речь при том темпе мутаций, какой там должен быть?

— Если эти существа приспособлены к высокому уровню радиации, они могут быть не так генетически уязвимы, как мы. И на постоянный обстрел высокоэнергетическими квантами они просто не обращают внимания.

— Хорошо, допустим, — произнес Краг, немного помолчав. — Ладно, они прилетели откуда-то еще и поселились в вашей планетарной туманности, когда худшее было уже позади. Но почему тогда мы больше ниоткуда не получаем сигналов? Где их родная система? Изгнанники, колонисты… откуда?

— Может быть, их родная система так далеко, что сигналы дойдут до нас только через много тысяч лет, — предположил Варгас. — Или их родная система не посылает сигналов. Или…

— Слишком много «или», — проворчал Краг. — Мне это не нравится.

— Это подводит нас ко второй возможности, — сказал Варгас. — Может быть, NGC — все-таки родная система тех, кто посылал сигнал.

— Но как? Взрыв…

— Может быть, они привычны к подобным вещам. Если эта раса живет за счет жесткого излучения, а мутации для них — совершенно естественная вещь… Друг мой, мы говорим о внеземных существах, совершенно чуждых нам.

А если они действительно совершенно чужды нам, что удивительного в том, что мы ничего не понимаем? Давайте вместе попробуем представить себе планету голубого гиганта, планету, которая находится достаточно далеко от звезды, но все равно поджаривается фантастически сильной радиацией. Море такой планеты — постоянно кипящий бульон химических элементов. Через миллион лет, после того как поверхность достаточно остыла, там вполне может зародиться жизнь. Еще через миллион лет появятся слож-

ные многоклеточные. Еще через миллион лет — тамошний аналог млекопитающих. Еще через миллион лет — цивилизация галактического уровня. И все время жуткая, бесконечная изменчивость.

— Хотел бы я поверить вам, — мрачно произнес Краг. — Очень хотел бы. Но никак не получается.

— Пожиратели радиации, — продолжал Варгас. — Умные, гибкие, давно принявшие необходимость и даже желательность постоянных и быстрых генетических изменений. Их звезда расширяется — хорошо, они приспосабливаются к возросшему потоку радиации или находят способ от него защититься. Допустим, такие существа живут внутри планетарной туманности и со всех сторон их окружает флуоресцирующее небо. Каким-то образом они узнали о существовании всей остальной галактики, и они посылают нам сообщение. Так?

— Хотел бы я вам поверить! — нервно выкрикнул Краг, отчаянно жестикулируя.

— Так поверьте! Я уже поверил.

— Но это всего лишь теория, ничем не подтвержденная теория.

— По крайней мере она удовлетворяет всем данным, которые у нас есть, произнес Варгас. —

Знаете итальянскую пословицу: «Se non e vero, e ben trovato? Даже если это неправда, это хорошо придумано». Сойдет и такая гипотеза, пока нет лучшей. По крайней мере она неплохо согласуется с фактами. В отличие от теории об естественном происхождении сложного многократно повторяющегося сигнала, приходящего во многих диапазонах сразу.

Отвернувшись, Краг с силой ударил по выключателю проектора, словно не мог больше вынести вида звездного неба, словно почувствовал, как под действием смертоносного излучения голубого гиганта у него на коже вспухают волдыри. Разве о таком он мечтал? Ему представлялась планета с желтым солнцем, где-нибудь неподалеку, в восьмидесяти-девяноста световых годах, с мягким солнцем, очень похожим на то, под которым он родился. Ему представлялся мир рек, озер и травянистых полей, сладкого воздуха, может быть пахнущего озоном. Мир деревьев с лиловой листвой, блестящих зеленых насекомых и элегантных изящных существ с покатыми плечами и многопалыми руками, негромко переговаривающихся, прогуливающихся под сенью рощ своего рая, разведывающих тайны космоса, спорящих о том, существуют ли другие цивилизации и

посылающих в конце концов свое сообщение во Вселенную. Он видел, как они открывают объятия первым посланцам Земли и говорят: «Добро пожаловать, братья, добро пожаловать, мы знали, что вы где-то есть». Но теперь ему представлялось адское голубое солнце, выплевывающее в пустоту демонические языки пламени, представлялась обугленная шипящая планета, на которой бронированные чудища скользят под раскаленным добела небом по поверхности ртутных озер, представлялись жуткие твари, собравшиеся вокруг кошмарного механизма, передающего в космическое пространство бессвязный набор цифр. Это наши братья? Все пропало, горько подумал Краг.

— Но как же мы полетим к ним? — спросил он. — Как мы раскроем им объятия? Варгас, у меня уже почти готов звездолет, я могу отправить его с экипажем в анабиозе за сотни световых лет! Но как же я пошлю их в такое место?

— Ваша реакция удивляет меня. Я никак не ожидал, что вас так расстроит мое сообщение.

— А я никак не ожидал, что речь будет идти о такой звезде.

— Так вам что, было бы приятней, скажи я, что происхождение сигналов естественное?

— Нет-нет, что вы.

— Тогда радуйтесь тому, что у человечества появились далекие братья.

Забудьте обо всем, что нас разделяет, помните только о том, что они братья.

Слова Варгаса в конце концов возымели действие. Краг поборол отчаяние.

Насколько бы чужими ни были эти существа, насколько бы причудливым ни был их мир — если, конечно, гипотеза Варгаса верна, — все равно это цивилизованные существа, ищущие контакта. Наши братья. Даже если завтра пространство вокруг Земли свернется и вся солнечная система канет в ничто, в бездну, сгинет в грандиозном космическом катаклизме, искра разума во Вселенной не угаснет, потому что есть "они.

— Да, — произнес Краг, — я доволен. Когда моя башня будет достроена, я пошлю им привет.

Два с половиной века прошло с того времени, когда человек впервые сумел вырваться из пут тяготения родной планеты. Одним гигантским прыжком человек пересек солнечную систему, от Луны до Плутона, вышел за пределы системы, но нигде не нашел даже следов разумной жизни. Лишайники, бактерии, примитивные низкоорганизованные пресмыкающиеся — да. Но ничего больше. Представьте только разочарование ар-

хеологов, лелеявших мечту о реконструкции всего культурного наследия Великой Древней Цивилизации Марса по нескольким найденным в пустыне черепкам! Черепков не нашлось. Потом автоматические станции умчались к ближайшим звездным системам, странствовали в космосе десятки лет и вернулись ни с чем. В сфере диаметром двенадцать световых лет никогда не существовало форм жизни сложнее протеидов с Альфы Центавра V, перед которым комплекс неполноценности могла бы испытывать разве что амеба.

Краг прекрасно помнил возвращение этих автоматических станций. И как раздражали его собратья-земляне, пытавшиеся вывести из первых неудач целую философию! Что же они говорили, эти апостолы Нового Геоцентризма?

«Мы — избранные!»

«Мы — единственные дети Бога!» «На Земле и нигде больше не создал Бог разумных существ по образу и подобию своему!» «Вселенная принадлежит нам как наше божественное наследие!» Крагу казалось, что это попахивает паранойей.

Он никогда много не думал о Боге. Но ему казалось, что люди слишком многого хотят от Вселенной, когда настаивают на том, что только

на этой крошечной планете, возле этого крошечного солнца было дозволено разгореться искре разума. Существовали миллиарды и миллиарды звезд, бесконечное множество миров. Как может разум не возникать снова и снова посреди бескрайнего моря галактик?

И ему казалось, что это чистой воды мегаломания: возводить в догму результат поверхностного обследования миров в пределах ближайших двенадцати световых лет. Действительно ли человек одинок? Как это можно узнать? Краг был рационалист до мозга костей и предпочитал ко всему подходить взвешенно. Он чувствовал, что если человечество не очнется от наваждения собственной уникальности, то просто сойдет с ума. Когда-нибудь наваждение пройдет, но чем позже это случится, тем разрушительнее окажутся для человечества последствия.

— Когда будет готова башня? — спросил Варгас.

— Через год. Может быть, даже уже в середине следующего года, если повезет. Вы сами видели сегодня утром — бюджет неограничен. — Краг поморщился. Ему почему-то вдруг стало не по себе. — Скажите мне правду.

Вот вы всю жизнь только и делали, что слушали

Вселенную, вы тоже думаете, что Краг немного того… спятил?

— Да что вы! Ни в коем случае!

— Не отпирайтесь, не отпирайтесь. Все так думают, и вы наверняка тоже.

Мой мальчик Мануэль точно считает, что меня давно пора упрятать в психушку, только боится сказать. И Сполдинг тоже. Все так думают. Даже, может быть, Тор Смотритель — при том, что он строит эту штуковину. Они хотят знать, зачем мне это нужно, зачем я выбрасываю миллиарды долларов на стеклянную башню. И вы тоже, Варгас!

И без того перекрученное лицо астронома исказилось еще больше.

— В этом проекте я заинтересован не меньше, чем вы. Ваши подозрений для меня оскорбительны. Неужели вам не приходило в голову, что наладить связь с внеземной цивилизацией для меня так же важно, как и для вас? — _Должно быть_, так же важно. Вы этим занимались всю жизнь. А я кто такой? Бизнесмен. Производитель андроидов. Землевладелец. Капиталист, эксплуататор, может быть чуть-чуть химик. Немного разбираюсь в генетике, но ни в коем случае не астроном, не ученый. Что, Варгас, разве такое

мое внезапное увлечение — это, по-вашему, не безумие? Разбазаривание средств.

Капиталовложение без малейших надежд на отдачу. Какую прибыль я смогу выжать из NGC 7293, а, Варгас? Какую?

— Может быть, нам лучше спуститься? — нервно озираясь, спросил Варгас.

— Возбуждение…

— Недавно мне исполнилось шестьдесят, — звучно хлопнул себя по груди Краг. — Я проживу еще лет сто, может быть даже больше. Может, и двести, кто знает? Не беспокойтесь обо мне. Но вы не могли не думать о том, что это попахивает безумием, когда такой невежда, как я, вдруг с головой погружается в астрономию. — Краг бешено замотал головой. — Я и сам знаю, что это безумие. Мне то и дело приходится самому себе все объяснять. Вот что я скажу вам: эта башня _должна быть_ построена, и я ее построю и передам привет звездам. В молодости я только и слышал вокруг хор голосов:

«Мы одни, мы одни». Я в это не верил. Не мог поверить. Я заработал миллиарды. Теперь я их потрачу, но докажу всем этим… — слышите, всем! что такое на самом деле Вселенная. Вы приняли сигналы. Я отвечу на них.

Цифры в ответ на цифры. Потом картинки. Я знаю, как это делается: один-ноль, один-ноль, один-ноль, черное-белое, черное-белое, и получится картинка. Вот так выглядим мы. Вот так — молекула воды. Вот так — наша солнечная система. Вот так… — Краг тяжело дышал, голос его становился все более хриплым, слова смазанными. Наконец он замолк. Астроном молчал то ли от удивления, то ли от испуга.

— Прошу прощения, — произнес Краг, отдышавшись, — я не хотел кричать на вас. Но иногда я просто как с цепи срываюсь.

— Ничего-ничего. Огонь энтузиазма, по крайней мере, налицо. Лучше иногда так выпустить пар, чем всю жизнь проводить в спячке.

— Знаете, что меня так взбудоражило? — спросил астронома Краг. — Эта ваша планетарная туманность. И знаете почему? Раньше мне представлялось, что когда-нибудь я туда полечу… туда, откуда идут сигналы. Я, Краг, на своем корабле — в анабиозе — отправлюсь за сто или даже двести световых лет, послом Земли — туда, где еще никто не бывал. Теперь вы говорите мне, что сигналы посылаются с какого-то совершенно сумасшедшего мира светящееся небо, солнце 0-типа, настоящее пекло, полыхающее синим

пламенем. Что, не видать мне теперь полета, как своих ушей? Признаюсь, я был действительно ошарашен, но я тоже неплохо умею приспосабливаться и переносить внезапные удары судьбы. Я от них только дополнительно подзаряжаюсь, вот и все. — Он неожиданно привлек Варгаса к себе. Тот даже не пытался вырваться из крепких, как тиски, объятий. — Спасибо вам за ваш сигнал. Спасибо вам за вашу планетарную туманность. Миллион раз спасибо, слышите вы, Варгас? — Краг выпустил астронома и отступил на шаг. — Ладно, спускаемся. Вам нужны деньги для вашей обсерватории? Поговорите со Спеллингом. Он знает, что для вас — всегда карт-бланш, на любую сумму.

Они спустились на лифте, и Варгас удалился, что-то на ходу обсуждая со Сполдингом. Снова оказавшись в своем кабинете, Краг обнаружил, что буквально пышет энергией. Изображение NGC 7293 по-прежнему стояло у него перед глазами. Похоже, подумал он, внезапные удары действительно только подзаряжают меня. Кожу у него покалывало от возбуждения, она казалась пылающей смирительной рубашкой, которую хотелось поскорее сбросить.

— Меня пока не будет, — проворчал он в ин-

терком.

Он вошел в трансмат-кабину и установил на пульте координаты своей виллы в Уганде. Мгновением позже он оказался на веранде дома семью тысячами миль восточнее исходной точки, и перед ним распростерлось заросшее тростником озеро. Чуть левее, в нескольких сотнях метров отдыхали четверо гиппопотамов. Над водой виднелись только розовые ноздри и широкие серые спины. Сощурившись, он посмотрел направо и разглядел Квенеллу, плескавшуюся голышом на мелководье. Краг разделся догола. Шумно, как носорог, преследующий антилопу-импала, он потрусил к воде через прибрежные камыши.

6

Всего за несколько минут Смотритель добежал до места происшествия, но роботы-погрузчики уже успели оттащить в сторону упавший блок. Вокруг собралась толпа: сплошные беты, заметил Смотритель. Даже чрезвычайное происшествие не могло заставить гамм прервать выполнение рабочей программы. Увидев, что приближается альфа, беты в замешательстве отступили. Они не понимали, что им следует делать — вернуться к работе или остаться на месте происшествия на случай, если альфе понадобится помощь, и на их лицах застыло выражение угрюмого недоумения.

Смотритель быстро оценил ситуацию. Три андроида — двое бет и гамма угодили прямо под падающий блок. Беты были раздавлены до неузнаваемости.

Выковырять то, что от них осталось, из вечной мерзлоты обещало быть нелегким трудом. Гамме еще бы чуть-чуть — и повезло, но ему не хватило каких-то долей секунды, и он уцелел только ниже пояса. Это его ноги видел Смотритель торчащими

из-под блока. Еще двоих андроидов зацепило тросом.

Один из них, гамма, получил сокрушительный удар по голове и безжизненно раскинулся на холодной земле метрах в десяти от места падения блока.

Другой, бета, получил скользящий удар по спине. Он был еще жив, но сильно покалечен и корчился в невыносимых муках.

Смотритель подозвал четверых бет и приказал им перенести мертвых к центру управления для последующего опознания и погребения. Еще двоих он отослал за носилками для раненого. После этого он склонился над ним и заглянул в серо-желтые, затуманенные болью глаза.

— Ты можешь говорить? — спросил Смотритель.

— Да, — прозвучал в ответ еле слышный шепот. — Я… не чувствую ничего ниже пояса… Я начинаю коченеть… Ноги… ледяные… Я умру?

— Возможно, — ответил Смотритель. Он провел рукой вдоль спины раненого, нащупал поясничный нервный центр и отключил его. Бета издал вздох облегчения.

— Теперь лучше? — спросил альфа.

— Гораздо лучше, Альфа Смотритель.

— Как тебя звать, бета?

— Калибан Бурильщик.

— Чем ты занимался, Калибан, когда упал блок?

— Готовился к сдаче смены. Я бригадир ремонтников. Случайно проходил здесь, вдруг все стали кричать, я почувствовал волнение воздуха, отпрыгнул в сторону и оказался на земле, а спина моя словно в огне горела. Сколько мне еще жить?

— Час или чуть меньше. Холод будет подниматься по телу, пока не доберется до мозга, тогда наступит конец. Но утешься, брат: Краг видел, как ты упал. Краг охранит тебя, и ты упокоишься на его груди.

— Славься, Краг, — пробормотал Калибан Бурильщик.

Появились двое бет с носилками. Когда они были еще метров за пятьдесят, прозвучал сигнал окончания смены. Тотчас же все андроиды, не занятые непосредственно подъемом блоков, стремглав бросились к трансмат-кабинам.

Образовались три длинные очереди, быстро убывающие по мере того, как андроиды отправлялись к разбросанным по пяти континентам местам своего компактного проживания. Одно-

временно открылись двери работавших на прием кабин, и оттуда потоком хлынула новая смена, возвращающаяся из зон отдыха в Южной Америке и Индии. Услышав сигнал, двое андроидов с носилками дернулись, словно собираясь бросить их и тоже рвануться к трансмат-кабинам. Смотритель прикрикнул на них, и они нерешительно приблизились.

— Поднимите Калибана Бурильщика, — скомандовал он, — и отнесите его в церковь. Потом можете быть свободны. Время зачтется вам как сверхурочное.

Беты осторожно положили раненого андроида на носилки и, лавируя в плотной толпе мельтешащих фигур, устремились к одному из десятков куполов, возвышающихся по периметру стройки к северу от башни. Среди этого скопления строений были склады стройматериалов и запчастей, столовые и душевые, генераторы энергии для трансмат-кабин и морозильных лент, пункт первой медицинской помощи, а также — под серым пластиковым куполом, ничем не отличающимся от соседних — церковь.

Перед входом в церковь постоянно прохаживались якобы просто так двое-трое андроидов, чьей задачей было ни в коем случае не допус-

кать в церковь никого из Детей Лона. Иногда кому-нибудь из журналистов или гостей Крага случалось забрести за периметр. Для этого случая у охраняющих церковь была разработана целая изощренная методика того, как отвлекать внимание и не допускать открытого столкновения. Существование церкви держалось в строжайшей тайне от всех, рожденных от мужчин и женщин. В церковь допускались только андроиды.

Когда Тор Смотритель вошел в церковь, двое бет опускали носилки с Калибаном Бурильщиком возле алтаря. Он автоматически опустился на колено и вытянул вперед руки ладонями вверх. Алтарь, покоящийся в лиловой емкости с питательными растворами, представлял собой огромный параллелепипед розовой искусственной плоти, синтезированной точно так же, как сами андроиды.

Плоть алтаря была живой, но почти не обладала нервной системой и не могла самостоятельно поддерживать свое существование. Это делалось только за счет постоянных инъекций питательных веществ. Над алтарем висела голограмма Симеона Крага в полный рост, в натуральную величину. Стены церкви, от потолка до пола, были расписаны бесконечно повторяющимися трипле-

тами генетического кода РНК: ААА ААГ ААЦ ААУ
АГА АГГ АГЦ АГУ
АЦА АЦГ АЦЦ АЦУ
АУА АУГ АУЦ АУУ
ГАА ГАГ ГАЦ ГАУ
ГГА ГГГ ГГЦ ГГУ
ГЦА ГЦГ ГЦЦ ГЦУ
ГУГ ГУГ ГУЦ ГУУ
ЦАА ЦАГ ЦАЦ ЦАУ
ЦГА ЦГГ ЦГЦ ЦГУ
ЦЦА ЦЦГ ЦЦЦ ЦЦУ
ЦУА ЦУГ ЦУЦ ЦУУ
УАА УАГ УАЦ УАУ
УГА УГГ УГЦ УГУ
УЦГ УЦГ УЦЦ УЦУ
УУГ УУГ УУЦ УУУ

— Положите его на алтарь, — приказал Смотритель. — Потом уходите.

Беты повиновались. Смотритель остался наедине с умирающим.

— Я — Хранитель, — произнес он, — я обладаю правом указать твоей душе путь к Крагу. Повторяй за мной как можно более четко: _Краг вводит нас в этот мир, и к Крагу мы возвращаемся_. — _Краг вводит нас в этот мир, и к Крагу мы возвращаемся_. — _Краг — наш Творец, наш

Защитник и наш Спаситель_. — _Краг — Наш Творец, наш Защитник и наш Спаситель_. — _Краг, мы молим тебя вывести нас на свет_. — _Краг, мы молим тебя вывести нас на свет_. — _И возвысить Детей Автоклава до уровня Детей Лона_. — _И возвысить Детей Автоклава до уровня Детей Лона_. — _И возвести нас к по праву принадлежащему нам месту…_ — _И возвести нас к по праву принадлежащему нам месту…_ — _…рядом с нашими братьями и сестрами по плоти_. — _…рядом с нашими братьями и сестрами по плоти_. — _Краг, Создатель наш, Краг, Хранитель наш, Краг, Господин наш, прими меня обратно в Автоклав_. — _Краг, Создатель наш, Краг, Хранитель наш, Краг, Господин наш, прими меня обратно в Автоклав_. — _И даруй спасение тем, кто придет после меня…_ — _И даруй спасение тем, кто придет после меня…_ — _…в день, когда Лоно и Автоклав, Автоклав и Лоно станут одним целым_. — _…в день, когда Лоно и Автоклав, Автоклав и Лоно станут одним целым_. — _Хвала Крагу_. — _Хвала Крагу_. — _Слава Крагу_. — _Слава Крагу_. — _ААА ААГ ААЦ ААУ Крагу_. — _ААА ААГ ААЦ ААУ Крагу_. — _АГА АГГ АГЦ ЛГУ Крагу_. — _АГА АГГ АГЦ_… — Калибан Бурильщик запнулся. — Холод в… груди, пробормотал он.

— Я не могу… не могу…

— Закончи молитву. Краг ждет тебя. — _… АГУ Крагу_. — _АЦА АЦГ АЦЦ АЦУ Крагу_.

Пальцы беты скрючились и вцепились в податливую плоть алтаря. За несколько последних минут кожа его из ярко-алой стала почти лиловой, глаза закатились, губы раздвинулись, обнажив зубы.

— Краг ждет тебя, — бешено выдохнул Смотритель. — Закончи молитву.

— Не могу… говорить… не могу… дышать…

— Тогда слушай меня. Просто слушай и про себя повторяй за мной кодовые закономерности. _АУА АУТ АУЦ АУУ Крагу. ГАА ГАГ ГАЦ ГАУ Крагу. ГГА ГГГ…_ Склонившись над алтарем, Смотритель скороговоркой выпаливал строчки генетического ритуала. Каждая группа кодовой закономерности сопровождалась вращением торса, имитирующим двойную спираль, как предписывалось для отходной молитвы. В середине ритуала Смотритель извлек из складок плаща провод, воткнул один конец его в гнездо у себя на предплечье, второй — Бурильщику и продолжал подкачивать энергией холодеющее тело, пока не были названы все триплеты РНК. Только тогда, уверенный, что душа Калибана Бурильщика

отослана Крагу, Смотритель отсоединился, встал, пробормотал короткую молитву от себя лично и позвал троих гамм, чтобы они похоронили тело.

Усталый, но радостный, что душа Калибана Бурильщика спасена, Смотритель вышел из церкви и направился к центру управления. На полпути его остановила фигура одного с ним роста — другой альфа. Странно. Смена Смотрителя закончится только через несколько часов. Его сменит Альфа Эвклид Топограф. Но это был не Эвклид, этого альфу Смотритель видел впервые в жизни.

— Смотритель, позвольте мне отнять у вас немного времени, — начал незнакомец. — Меня зовут Зигфрид Канцелярист, я представляю Партию Равенства. Вы, разумеется, знаете о конституционной поправке, которую наши друзья попытаются провести на следующей Сессии Конгресса. Было предложено, ввиду вашего близкого знакомства с Симеоном Крагом, попросить вас помочь нам организовать с ним встречу, чтобы заручиться его поддержкой…

— Вы, наверное, знакомы с моей позицией по вопросу участия андроидов в политической борьбе, — оборвал его Смотритель.

— Да, но движение за равенство…

— У этого движения есть много разных, в том числе взаимоисключающих, граней. Я не собираюсь использовать мои отношения с Крагом в политических целях.

— Поправка к конституции…

— Бессмысленно. Друг мой Канцелярист, видите вон то строение? Это наша церковь. Очень рекомендую посетить ее и очиститься от фальшивых ценностей.

— Я не принадлежу к вашей церкви, — ответил Зигфрид Канцелярист.

— А я не принадлежу к вашей партии, — в тон ему отозвался Тор Смотритель. — Прошу прощения. Меня ждет работа в центре управления.

— Может быть, мне подождать окончания вашей смены…

— Тогда вы помешаете моему отдыху, — ответил Смотритель.

Быстрой походкой он зашагал к центру управления. Ему пришлось прибегнуть к помощи одного из успокаивающих нейроритуалов, чтобы заглушить в себе гнев и раздражение.

Партия Равенства, презрительно подумал он. Глупцы! Растяпы! Идиоты!

7

У Мануэля Крага выдался хлопотливый день. _08:00, Калифорния_.

Просыпается в своем доме у побережья Мендочино. К самой двери подкатываются волны Тихого океана. В качестве сада — тысяча гектаров калифорнийских мамонтовых деревьев, рядом дремлет Клисса, мягкая и осторожная как кошка. Мозг Мануэля все еще затуманен после вчерашней вечеринки Спектральной Группы на Тайване, где он позволил себе слишком много имбирной бузы по рецепту Ника Ссу-Ма. В воздухе возникает изображение дворецкого беты. Он настойчиво шепчет: «Сэр, вставайте, пожалуйста, отец ждет вас на башне». Клисса придвигается поближе и уютно сворачивается в клубок. Мануэль мигает, пытаясь заставить исчезнуть висящую перед глазами плотную колышущуюся завесу. «Прошу прощения, сэр, но вы сами оставили указание непременно разбудить вас!» Пол начинает издавать вибрирующий басовый звук на частоте сорок герц. Потолок испускает пронзительную ноту в пятнадцать мегагерц, и Мануэлю кажется,

что звук пронзает его насквозь. Все, путь для отступления перекрыт. Крещендо.

Неохотное, с ворчанием, пробуждение. Потом неожиданность: Клисса шевелится, дрожит, берет его ладонь и накрывает ею свою прохладную грудь.

Его пальцы смыкаются вокруг соска, но тот так и остается мягким. Что и следовало ожидать. Быстрая эволюция от девочки к женщине, но плоть все еще слаба, хотя душа желает. Они женаты уже два года. Несмотря на все свои искренние и искусные усилия, ему так и не удалось полностью разбудить ее чувства.

— Мануэль!... — шепчет она. — Мануэль... приласкай меня...

Жестоко разочаровывать ее, но что поделаешь.

— Позже, — говорит он. Две жуткие ноты, перекрывая друг друга, продолжают звучать у него в мозгу. — Сейчас пора вставать. Патриарх ждет нас. Сегодня мы отправляемся на башню.

Клисса надувает губки. Мануэль спрыгивает с кровати, и мерзкий звук тут же прекращается. Они принимают душ, завтракают, одеваются.

— Ты точно хочешь, чтобы я поехала? — спрашивает она.

— Отец специально упомянул тебя в пригла-

шении, — отвечает Мануэль. — Он считает, что тебе пора увидеть башню. А разве тебе самой не хочется?

— Я боюсь, что сделаю какую-нибудь глупость, ляпну что-нибудь наивное.

Рядом с твоим отцом я чувствую себя просто маленькой девочкой.

— Ты и *есть* еще маленькая девочка. Как бы то ни было, ты ему нравишься. Притворись, что ты очень-очень восхищена его башней, и он простит тебе любую глупость.

— А остальные… сенатор Фиэрон, астроном, кто-то еще… Мануэль, я стесняюсь.

— Клисса…

— Хорошо, хорошо.

— И запомни: башня должна поразить тебя, как самое замечательное свершение человечества со времен Тадж-Махала. Так и скажешь отцу после экскурсии. Не обязательно дословно, но что-нибудь в этом роде.

— Значит, башня — это так серьезно для него? — спрашивает она. — Он действительно хочет говорить с… инопланетянами?

— Да.

— И сколько стоит вся эта затея?

— Миллиарды, — отвечает Мануэль.

— Но он же истратит все свое состояние! Нам ничего не останется!

— Не бойся, что-нибудь останется. В конце концов, он заработал эти деньги. Пусть как хочет, так и тратит.

— Но выбрасывать столько денег из-за какого-то каприза… навязчивой идеи…

— Клисса, прекрати. Это не наше дело.

— Скажи мне только одну вещь. Допустим, вдруг твой отец завтра умрет и все его дело перейдет к тебе. Что будет с башней?

— Я остановлю строительство послезавтра же, — отвечает Мануэль, устанавливая в трансмат-кабине координаты Нью-Йорка. — Но если ты ему об этом хотя бы только намекнешь… Забирайся. Нам пора.

11:40, *Нью-Йорк.* Скоро полдень, а он встал всего сорок минут назад, в восемь утра. Одна из маленьких неприятностей трансмат-общества: при путешествии с запада на восток время сжимается, дробится и целыми кусками теряется где-то за подкладкой потайных карманов.

Разумеется, в путешествии с востока на запад были некоторые утешительные моменты. Как-то раз летом шестнадцатого года, накануне своей свадьбы, Мануэль с друзьями из Спектральной

Группы преследовал по всему миру рассвет. Они начали погоню в 06:00 в заповеднике Амбосели, когда солнце всходило над Килиманджаро. Путь их лежал через Киншасу, Аккру, Рио, Каракас, Велакрус, Альбукерке, Лос-Анджелес, Гонолулу, Фолкленд, Брисбен, Сингапур, Пномпень, Калькутту, Мекку. Трансмат-мир обходился без виз и паспортов. Когда мгновенное перемещение стало общедоступным, подобные вещи отмерли сами за очевидной бессмысленностью. Солнце плелось над земным шаром со своей обычной скоростью — какая-то жалкая тысяча миль в час.

Перед трансмат-путешественниками подобных ограничений не было. Мануэль с друзьями задерживались на пятнадцать минут тут, на двадцать минут там пригубить коктейль, тяпнуть по таблетке-флоутеру, купить сувениров, бросить взгляд на местные достопримечательности… но с каждым прыжком они больше и больше обгоняли рассвет, ввинчиваясь в предыдущую ночь, оставляя позади ковыляющее, как инвалид, солнце и снова оказывались в пятнице.

Разумеется, весь выигрыш во времени был тут же потерян, когда они пересекли линию смены дат и обнаружили, что снова настало субботнее утро.

Но они компенсировали потерю, отправившись дальше на запад, и когда они вернулись к подножию Килиманджаро, только-только пробило одиннадцать часов того же самого утра, но они обогнули весь земной шар и прожили полторы пятницы.

Трансмат предоставлял массу возможностей!. Можно было, тщательно рассчитывая каждый прыжок, увидеть в один день двадцать четыре восхода или провести всю жизнь под знойным полуденным солнцем… Несмотря на все эти утешительные соображения, Мануэль, оказавшись в Нью-Йорке в 11:40, все равно был недоволен потерей трех часов.

Отец, ждавший их в кабинете, приветствовал его достаточно формальным рукопожатием, а Клиссу крепко обнял. Чуть в отдалении маячил Леон Сполдинг. Ему было явно не по себе. Квенелла застыла у окна, спиной ко всем, и изучала панораму города. Мануэль не очень хорошо ладил с ней, как и со всеми предыдущими приятельницами отца. Крагу-старшему всегда нравились женщины с полными губами, большой грудью, тяжелыми бедрами…

Крестьянский тип.

— Мы ждем сенатора Фиэрона, Тома Баклмана

и доктора Варгаса, — произнес Краг. — Тор покажет нам башню. Мануэль, что ты собирался делать потом?

— Я еще не думал…

— Отправляйся в Дулут. Я хочу, чтобы ты начал входить в курс дел на нашем семейном предприятии. Леон, сообщи в Дулут: мой сын рано утром прибудет к ним с инспекционной проверкой.

Сполдинг вышел.

— Как хочешь, папа, — пожал плечами Мануэль.

— Мальчик мой, тебе давно пора взвалить на себя часть моих обязанностей. Когда-нибудь все мое дело перейдет к тебе. Не так ли?

Когда-нибудь, говоря «Краг», будут иметь в виду *тебя*.

— Я постараюсь оправдать оказанное мне доверие, — изрек Мануэль.

Он понимал, что своим красноречием ничуть не обманывает Крага-старшего.

Да и его самого ничуть не обманывала показная демонстрация отцовской гордости. Мануэль всегда чувствовал, насколько отец презирает его. Ему не составляло большого труда увидеть себя глазами отца: никчемный повеса, вечный искатель развлечений. Сам о себе он думал совер-

шенно иначе — как о тонком человеке, которому не к лицу такое грубое занятие, как коммерция.

Потом ему представился другой Мануэль Краг — глазами стороннего наблюдателя: пустой, но искренний, идеалист, слабый, ни в чем достаточно глубоко не разбирающийся тип. Кто из этих троих настоящий Мануэль? Может, сторонний наблюдатель ближе всех к истине? Трудно сказать. По мере того как он становится старше, он понимал самого себя все меньше и меньше.

Из трансмат-кабины появился сенатор Генри Фиэрон.

— Генри, — произнес Краг, — с моим сыном Мануэлем ты уже знаком — Краг, сын Крага, будущий наследник…

— Здравствуй, Мануэль! — воскликнул Фиэрон. — Сколько лет, сколько зим!

При рукопожатии ладонь сенатора оказалась прохладной. Мануэль выдавил из себя любезную улыбку.

— Мы встречались пять лет назад в Макао, — произнес он. — Вы там были проездом по пути в Улан-Батор.

— Конечно, конечно. Какая потрясающий память! Краг, у тебя замечательный сын! — вскричал Фиэрон.

— Подожди немного, — отозвался Краг. — Когда я отойду от дел, он всем покажет, что такое *настоящий* строитель империи!

Мануэль кашлянул и смущенно отвернулся. Чувство династической гордости заставляло Крага-старшего делать вид, что его единственный сын — достойный наследник для целого созвездия основанных или приобретенных им компаний.

Отсюда и постоянная забота о том, чтобы «вводить Мануэля в курс дела», отсюда постоянные утверждения на публике, что Мануэль когда-нибудь заменит его.

У Мануэля же не было ни малейшего желания вставать за штурвал отцовской промышленной империи. Не говоря уже о возможности. Он только-только пережил образ вечного искателя приключений, начинал стремиться к чему-то большему, хотя сам еще не знал к чему, — так некоторые перерастают атеизм.

Он искал какую-нибудь цель, которая могла бы придать более четкие очертания его расплывчатым амбициям и способностям. Когда-нибудь, может быть, он найдет эту цель. Но вряд ли речь будет идти о том, чтобы возглавить империю Крага.

Краг-старший понимал это не хуже самого Мануэля. В душе он презирал подобное легкомыслие, и иногда это презрение прорывалось наружу. Тем не менее он продолжал делать вид, будто бы верит в рассудительность, практичность и потенциальные административные способности своего сына. Он мог долго расписывать достоинства своего единственного наследника Тору Смотрителю, Леону Сполдингу — кому угодно, кто был готов его слушать.

Лицемерный самообман, подумал Мануэль. Он пытается заставить самого себя поверить в то, чего нет и никогда не будет. Но это ему не удастся. Не может удаться. Он всегда будет больше доверять своему приятелю-андроиду Тору, чем собственному сыну. И не без оснований. Почему бы не предпочесть одаренного андроида никчемному сыну? В конце концов, мы оба — его дети.

Так что он вправе выбирать.

Хоть бы он передал управление компаниями Тору Смотрителю, подумал Мануэль.

Прибыли остальные приглашенные, и Краг тут же увлек всех к трансмат-кабине.

— Вперед! — зычно крикнул он. — На башню!

11:10, *башня.* Они прыгнули на запад, в соседний часовой пояс, и Мануэль компенсировал

целый час из трех потерянных утром. Он почти сразу же пожалел, что согласился на эту экскурсию. И так малоприятное занятие стоять и дрожать на промозглом арктическом осеннем ветру и делать вид, что эта дурацкая башня — Пирамида Крага, как Мануэль называл ее про себя возбуждает в тебе бешеный восторг. Когда же рухнул блок, раздавив несколько андроидов, он почувствовал себя совсем отвратительно.

Клисса была близка к истерике.

— Не надо туда смотреть, — сказал Мануэль, обнимая ее и крепко прижимая к себе. На экране роботы-погрузчики поднимали врезавшийся в землю блок и оттаскивали в сторону. — Успокоительного, быстро, — Добавил он, обращаясь к Сполдингу.

Эктоген нашел какой-то тюбик. Мануэль прижал его раструбом к предплечью Клиссы, надавил, и успокоительное впиталось через кожу.

— Там… были убитые? — спросила она, продолжая прятать лицо на груди у Мануэля.

— Похоже, да. Может быть, один сумел спастись. Остальные даже не успели понять, что случилось.

— Мне их так жалко…

— Их? — фыркнул Сполдинг. — Но это же ан-

дроиды. Всего лишь андроиды.

— А что, андроиды — не люди? — вскинула голову Клисса. — Как у вас только язык повернулся такое сказать! Что, у них нет имен, они не умеют думать, мечтать…

— Клисса… — мягко начал Мануэль. -…не чувствуют боли? Разумеется, они люди. Только что погибли люди.

Как могли вы, именно вы, позволить себе сказать такое?…

— Клисса! — недовольно выкрикнул Мануэль.

Сполдинг застыл, как статуя, глаза его остекленели от бешенства. Он был готов взорваться, но дисциплина взяла верх над эмоциями.

— Прошу прощения, — пробормотала Клисса, не отрывая взгляда от плиток пола. — Я… не хотела вас обидеть, Леон. Я… я… о Боже, Мануэль, ну почему, почему?… — Ее сотрясли рыдания. Мануэль знаком попросил еще один тюбик успокоительного, но Краг отрицательно мотнул головой, шагнул к ним, привлек Клиссу к себе и чуть не раздавил в своих медвежьих объятиях.

— Успокойся, — негромко пробасил он. — Успокойся, успокойся. Да, это было страшно. Но им не пришлось страдать, они ничего не успели почувствовать. А о раненых позаботится Тор, он

отключит болевые центры, и им сразу станет лучше. Бедная Клисса, бедная, бедная, Клисса, ты никогда раньше не видела смерти? Я понимаю, это ужасно, когда все происходит так неожиданно… — Его хватка постепенно ослабевала, становилась более осторожной, он гладил ее длинные шелковистые волосы, целовал заплаканные щеки. Мануэль изумленно замер. Ни разу в жизни он не замечал за отцом таких проявлений нежности.

Но, разумеется, для Крага-старшего Клисса была не просто невесткой, а орудием продолжения династии. Она должна была оказывать на Мануэля благотворное влияние, чтобы тот в конце концов смирился с необходимостью взвалить на себя груз семейного бизнеса, не говоря уже о том, что в ней Краг-старший видел возможность продолжения своего рода. В этом заключался парадокс: с одной стороны, Краг относился к ней, как к древней хрупкой фарфоровой статуэтке, и в то же время надеялся, что вот-вот она начнет рожать ему одного внука за другим.

— Плохо заканчивать экскурсию на такой ноте, но что поделаешь, говорил Краг своим гостям. — По крайней мере, вы успели все увидеть перед… этим досадным происшествием. Сена-

тор, джентльмены, благодарю вас за то, что вы удостоили своим вниманием мою башню. Надеюсь, это было не в последний раз. А на сегодня, пожалуй, все.

Клисса, похоже, немного успокоилась. Мануэль чувствовал себя неловко оттого, что отцу, а не ему удалось привести ее в себя.

— Наверное, мы с Клиссой отправимся обратно в Калифорнию, — сказал он, привлекая ее к себе. — Несколько часов на пляже, и она придет в норму.

Мы…

— Тебя ждут в Дулуте, — каменным голосом произнес Краг.

— Я…

— Вызови за ней кого-нибудь из ваших андроидов. А сам отправляйся на завод. — Отвернувшись от Мануэля и любезно кивая отбывающим гостям, он сказал Леону Сполдингу:

— Нью-Йорк. Верхний офис.

11:38, *башня.* Почти все уже отбыли кто куда: Краг, Сполдинг, Квенелла и Варгас — обратно в Нью-Йорк, Фиэрон и Баклман — в Женеву, Мэйлдетто — в Лос-Анджелес, Тор Смотритель — к месту происшествия. Появились вызванные из Калифорнии двое слуг-бет, чтобы проводить

Клиссу в Мендочино. Мануэль, прощаясь, легонько обнял ее и поцеловал в щеку.

— Когда ты вернешься? — спросила она.

— Вечером, но не поздно. Насколько я помню, у нас намечалось что-то в Гонконге. Я вернусь как раз, чтобы успеть переодеться к обеду.

— Не раньше?

— Мне же надо съездить в Дулут. На отцовский завод.

— Обязательно?

— Да. Ты же сама слышала, что он сказал. Да и в общем-то, старик прав: мне давно пора посмотреть на завод.

— Как это скучно — целый день на заводе!

— Что поделаешь. Желаю приятно отдохнуть. Надеюсь, когда проснешься, обо всем этом ты уже забудешь. Может, запрограммировать для тебя мнемокорректор?

— Мануэль, ты прекрасно знаешь, что я терпеть не могу всех этих манипуляций с памятью!

— Да, конечно. Извини. Ну ладно, нам пора.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я люблю тебя, — отозвался он и кивнул андроидам. Те взяли Клиссу под руки и направились к трансмат-кабинам.

Мануэль остался в центре управления один,

не считая нескольких незнакомых ему бет, на которых в отсутствие Смотрителя перешло руководство строительством. Не обращая на них внимания, он прошел в кабинет Смотрителя, запер за собой дверь, включил телефон и первым делом набрал код защиты от подслушивания. На экране высветилась абстрактная картинка в знак того, что защита включена. Тогда он набрал номер Альфы Лилит Мезон.

На экране появилось изображение Лилит: элегантная женщина с блестящими иссиня-черными волосами, правильной формы носом и светлыми глазами. Она ослепительно улыбнулась.

— Мануэль! Откуда ты звонишь? — поинтересовалась она.

— Из башни. Я сегодня задержусь.

— Надолго?

— Часа на два-три.

— Я же завяну. Поблекну.

— Ничего не могу поделать. Его высочество приказал мне посетить завод в Дулуте. Отвертеться не удалось.

— Ну вот… А я так долго договаривалась о подмене, чтобы освободить сегодняшний вечер…

— Не стану же я объяснять это отцу, — сказал Мануэль. — Послушай, это же всего несколько

часов. Может, простишь, а?

— А что мне остается делать? Но как скучно, наверное, будет нюхать автоклавы, когда вместо этого можно…

— Положение обязывает, как говорили французы. И все равно, кстати, в последнее время меня как-то заинтересовали андроиды — после того, как мы с тобой… Знаешь, я ни разу в жизни не был на таком заводе. — _Ни разу_?

— Представь себе, ни разу. Меня это никогда не интересовало. Да и до сих пор не интересует, кроме одной-единственной вещи: теперь я наконец узнаю, что скрывается под твоей чудесной алой кожей. Тут-то я и увижу, как «Синтетика Крага» производит Лилит пачками.

— Ты уверен, что тебе хочется узнать это? — Тембр голоса ее снизился до неожиданного грудного контральто, напоминающего виолончель.

— Я хочу знать о тебе все, что только можно, — серьезно произнес Мануэль. — К лучшему или к худшему. Так что прости меня, пожалуйста, за то, что я задержусь. Послушай только, как это звучит: я отправляюсь в Дулут, чтобы узнать все о Лилит. И я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — ответила Альфа Лилит Ме-

зон сыну Симеона Крага.

11:58, *Дулут.* Головной завод корпорации «Синтетика Крага» располагался в огромном блестящем строении почти с километр длиной на берегу озера Верхнего. Внутри исполинского здания несколько десятков лабораторий трудились над созданием искусственной жизни. Кроме этого завода, у Крага было еще четыре дочерних на четырех континентах и несколько внеземных филиалов.

Мануэль плыл под самым потолком в круглой прозрачной кабине с соблазнительно мягкими плюшевыми сиденьями. Ему казалось, что он консул, прибывший с визитом в далекую от столицы империи провинцию. Рядом с ним сидел директор завода Нолан Бомпенсьеро. Хотя тот занимал одну из ведущих позиций в директорате Объединенного Правления Компании Крага, сейчас лицо его застыло как маска, в страхе, что он может чем-нибудь вызвать неудовольствие Мануэля. Он и подозревать не мог, как тяготится Мануэль этой поездкой, как скучно ему, как далек он от мысли причинять неприятности подчиненным своего отца. Мануэль думал только о Лилит. Именно здесь родилась Лилит, проносилось у него в голове. Именно здесь.

В каждом цеху-лаборатории в кабину садился андроид-альфа — начальник цеха — и проезжал вместе с Мануэлем и Бомпенсьеро до конца своего участка.

Почти всей работой завода управляли альфы. Людей на огромном предприятии было всего лишь шестеро. Каждый начальник цеха нервничал не меньше Бомпенсьеро.

Сначала Мануэлю показали цех, в котором синтезировались высокоэнергетические нуклеотиды, составляющие ДНК, основные кирпичики жизни. Он вполуха слушал нервную болтовню Бомпенсьеро, выхватывая только отдельные фразы: -…вода, аммиак, метан, синильная кислота и другие химические вещества… чтобы стимулировать образование сложных органических соединений, мы используем электрический разряд… добавление фосфора… …процесс очень прост, даже примитивен, вам так не кажется? Это дальнейшее развитие классического эксперимента Миллера 1952 года… средневековая наука… вон, прямо под нами… … ДНК определяет структуру клеточных белков. Типичной живой клетке необходимы сотни белков — в основном в качестве энзимов, биологических катализаторов… …типичный белок — это молекулярная цепочка

примерно из двухсот аминокислот, соединенных в определенной последовательности… …один-единственный ген содержит код, в соответствии с которым происходит синтез данного белка. Ген — это определенный участок линейной структуры ДНК… разумеется, все это вы знаете, прошу прощения за то, что повторяю такие элементарные вещи. Мне просто хотелось…

— Разумеется, — сказал Мануэль. -…а вот в этих автоклавах мы синтезируем нуклеотиды, соединяем их в динуклеотиды, а потом — в ДНК, нуклеиновую кислоту, определяющую…

Лилит, неужели ты вышла из этих автоклавов? Из этого вонючего химического бульона?

Кабина плавно скользила над цехами. Один альфа вышел; другой, кивнув, вошел и сел рядом с Бомпенсьеро. На лице его застыла неживая улыбка.

— Мы конструируем шаблоны ДНК, — продолжал Бомпенсьеро, — но проблема в том, как сделать живую материю способной к самореплицации. Не можем же мы вручную собирать андроида, клетку за клеткой. Необходимо достичь так называемой стадии затравки. Но вы, естественно, знаете, что ДНК непосредственно не участвует в синтезе белка и в роли посредника

выступает другая нуклеиновая кислота — РНК, которую можно запрограммировать на перенос генетической информации, хранящейся в ДНК… …код состоит из различных комбинаций четырех химических оснований аденина, гуанина, урацила и цитозина… …в этих автоклавах… можно почти, ха-ха, воочию увидеть, как формируются цепочки… РНК служит переносчиком инструкций от ДНК… синтезом протеина занимаются клеточные частицы, которые называются рибосомами и состоят наполовину из белка, наполовину из РНК… аденин, гуанин, урацил, цитозин… один-единственный ген содержит код для каждого белка, и когда он переносится РНК, он принимает вид серии триплетов из четырех РНК-оснований… я не слишком быстро?

— Нет-нет, в самый раз, — отозвался Мануэль. Перед глазами у него стояла плавающая в автоклаве Лилит.

— Вот пример. Аденин, аденин, цитозин. Цитозин, цитозин, гуанин.

Урацил, урацил, гуанин. ААЦ, ЦЦГ, УУГ — правда, мистер Краг, звучит почти как литургия? Существуют шестьдесят четыре комбинации РНК-оснований, которыми обозначаются двадцать аминокислот — словарь с хорошим запасом.

Пока мы над этим цехом, я могу напеть вам весь список. ААА, ААГ, ААЦ, ААУ. АГА, АГГ, АГЦ, АГУ. АЦА…

Сопровождающий их альфа вдруг громко закашлялся и, скривившись в гримасе, схватился за живот.

— В чем дело? — спросил Бомпенсьеро.

— Прошу прощения, — извинился альфа, — желудочный спазм.

— Ладно, оглашать весь список совершенно не обязательно, — снова повернулся Бомпенсьеро к Мануэлю. — Так что, как видите, мы собираем белковые молекулы точно так же, как это делается в природе, если не считать того, что в природе процесс начинается со слияния половых гамет, а мы синтезируем целые генетические строительные блоки. Естественно, мы исходим из генетического кода человека, но, если нам захочется, мы можем синтезировать любую форму жизни — свиней, слизней, лошадей, протеидов с Альфа Центавра… Мы задаемся кодом, программируем РНК и — presto! получаем то, что хотели.

— Разумеется, — произнес альфа, — мы не *абсолютно* точно следуем генетическому коду человека.

— Совершенно правильно, друг мой, и это

очень существенно, — радостно закивал Бомпенсьеро. — Когда производство андроидов только начиналось, ваш отец решил — в силу очевидных социологических причин — сделать так, чтобы синтетические существа невооруженным глазом отличались от человека.

Поэтому мы вводим в код некоторые обязательные генетические модификации.

Красная кожа, отсутствие волосяного покрова на теле, характерная структура эпидермиса… Плюс некоторые усовершенствования. Если уж мы взяли на себя роль Творца, то почему бы не сыграть ее как можно лучше?

— Действительно, почему? — эхом повторил Мануэль.

— Тогда убираем аппендикс. Меняем строение костей спины и тазового пояса, чтобы избавиться от некоторых неприятных особенностей нашего убогого скелета. Обостряем все чувства. Задаем оптимальное соотношение жировой и мускульной ткани — ради физической эстетики, выносливости, скорости, лучших рефлексов. Зачем выпускать уродливых, вялых, неуклюжих андроидов?

— Так что, — небрежно поинтересовался Мануэль, — по-вашему, андроиды превосходят

нормальных людей?

Бомпенсьеро замялся, словно пытаясь поспешно прикинуть, не зная позиции Мануэля в горячо дебатируемом вопросе о гражданских правах андроидов, какие политические последствия будет иметь его ответ.

— По-моему, — наконец произнес он, — их физическое превосходство несомненно. Мы *программируем* их на то, чтобы они были сильными, красивыми, здоровыми. Весь последний век то же самое, в некотором смысле, пытались делать с человеком, но однозначно предсказуемого эффекта добиться не удалось. Точнее, его и не пытались добиться из-за всякого рода гуманистических возражений, противодействия Партии за Отмирание и так далее. Но когда вы примете во внимание, что андроиды стерильны, что в интеллектуальном отношении большинство из них весьма отсталы, что даже альфы — прошу прощения, друг мой — почти не проявляют творческой активности…

— Да, — сказал Мануэль. — Конечно. — Он ткнул пальцем вниз. — А там что происходит?

— В этих автоклавах происходит репликация, — ответил Бомпенсьеро. — Базовые нуклеиновые цепочки делятся, и из их фрагментов вырастают

новые. В каждом автоклаве — бульон из зигот, находящихся как раз на стадии затравки, только полученных белковым синтезом вместо полового влияния гамет. Я не слишком сложно?

— Нет, ничуть, — отозвался Мануэль, глядя как зачарованный, на неподвижную розовую жидкость в проплывающих далеко внизу огромных круглых цистернах. Ему показалось, что он может разглядеть крошечные комочки живой материи, хотя он прекрасно понимал, что это ему только кажется.

Кабина бесшумно скользила под потолком.

— А это наш, так сказать, инкубатор, — сказал Бомпенсьеро, когда они оказались над рядами блестящих стальных камер, соединенных сложной паутиной труб. — Каждая из этих емкостей представляет собой, по сути, искусственное лоно, в котором плавает в питательном растворе дюжина зародышей. Здесь, в Дулуте, мы производим андроидов всех трех типов — и альф, и бет, и гамм. Качественная разница между ними закладывается уже на стадии первоначального синтеза, но после этого необходимы разные питательные растворы. Вон там, внизу, слева — альфы, справа — беты; а в следующем зале — одни гаммы.

— А в каком отношении вы их выпускаете?

— Один альфа на сто бет и на тысячу гамм. Такая кривая распределения изначально установлена вашим отцом и с того времени не менялась. Это в точности соответствует потребностям человечества.

— У моего отца потрясающий дар предвидения, — неопределенно высказался Мануэль.

Интересно, подумал он, каким был бы сейчас мир, не начни картель Крага выпускать андроидов? Может быть, почти таким же. Вместо небольшой, культурно однородной человеческой элиты, которой служат компьютеры, механические роботы и толпы услужливых андроидов, была бы небольшая, культурно однородная человеческая элита, которой служили бы компьютеры и механические роботы. В любом случае, жизнь человека в XXIII веке была бы не слишком обременительной.

Исторический процесс, который привел к такому положению, начался несколько веков назад, задолго до того, как первый андроид неуклюже выкарабкался из автоклава. Население Земли в конце XX века резко сократилось. Война и воцарившаяся вслед за ней всеобщая анархия на сотни миллионов жизней сократили гражданское население Азии и Африки. Потом на эти континенты,

а также на Южную Америку и Ближний Восток обрушился голод.

Что до развитых государств, то примерно к такому же эффекту привели непростая социальная обстановка и появление безопасных контрацептивов.

Резкое снижение темпов прироста населения привело за время жизни двух поколений к еще более резкому сокращению его численности.

Одним из последствий происшедшего — исторически беспрецедентным — было почти полное исчезновение пролетариата. Сокращение населения сопровождалось заменой людей машинами на всех работах, требующих ручного, а иногда и не только ручного труда. Те, кто обнаруживал себя ненужным в новом обществе, завуалированно и в лоб отговаривались от продолжения рода.

Обескураженный, потерявший опору под ногами, пролетариат от поколения к поколению быстро сходил на нет. Этому дарвинистскому процессу способствовали сначала неявно, а потом и открыто доброжелатели из числа должностных лиц, следившие за тем, чтобы никто из граждан не оставался в неведении относительно достоинств благословенной контрацепции. Когда бывшие массы превратились в меньшинство,

были приняты генетические законы.

Тот, кто бесполезен для общества, больше не имел права на продолжение рода, тот, кто вписывался в нормы, имел право завести на семью двоих детей, но не более того, а уж тот, кто нормы перекрывал, мог сколько угодно продолжать род человеческий. Таким образом рост населения был стабилизирован, и умные наследовали Землю.

Эти общественные изменения происходили во всемирном масштабе. С появлением трансмат-сообщения мир превратился в одну большую деревню. Все ее жители говорили на одном языке — английском — и даже думали одинаково.

Культурно и генетически они тяготели к смешению рас. Для развлечения туристов тут и там еще оставались фрагменты исторически чистого прошлого, но к концу XXI века жители Карачи, Каира, Миннеаполиса, Афин, Аддис-Абебы, Рангуна, Пекина, Канберры и Новосибирска как внешне, так и по поведению практически не отличались. Национальные границы и древние концепции суверенных государств с появлением трансмат-сообщения отмерли сами собой за очевидной абсурдностью.

Но этот грандиозный общественный переворот, принесший с собой всеобщее счастье, покой

и комфорт, также привел к колоссальной и постоянной нехватке рабочей силы. Со многими задачами роботы, управляемые компьютерами, просто не могли справиться: из роботов получались великолепные дворники или придатки к конвейеру, но как слуги, сиделки, повара или садовники они оказались малополезны. Так сделайте роботов, которые будут лучше, говорили одни, другие же думали об искусственных людях. Эктогенез — искусственное развитие зародыша вне тела матери или даже зародыша, полученного в пробирке искусственным оплодотворением материнской яйцеклетки — практиковался давно, в основном женщинами, которые не хотели, чтобы их гены канули в забвение, но предпочитавшими избежать риска, связанного с беременностью и родами. Эктогены были слишком близкими родственниками человека, чтобы использовать их как инструменты.

Тогда почему бы не сделать еще один шаг и не произвести на свет андроидов?

Это сделал Краг. Он предложил миру синтетических людей, гораздо более разносторонних, чем роботы, долговечных, умелых и беспрекословно подчиняющихся Человеку. Их не нанимали на работу, а покупали, и по всеобщему согласию

они считались не людьми, а предметом собственности.

Короче, они были рабами. Мануэль нередко задавался вопросом: может, было бы проще обойтись одними роботами? Андроиды до неприятного походили на людей, и не ясно, будут ли они вечно довольствоваться ролью вещей.

Под прозрачной кабиной возникал и пропадал в темноте один «инкубаторный» зал за другим. Все залы были пустыми, если не считать одиноко сидящего за пультом андроида. Все искусственные люди проводят первые два года жизни в таких герметичных камерах, пояснил Бомпенсьеро. В простирающихся под плывущей в воздухе кабиной залах «дозревали» андроиды самых разных возрастов — от нескольких недель до двенадцати месяцев и более. В некоторых залах камеры были открыты, и группы техников-бета готовили их к приему новых зигот на стадии затравки.

— А в этом зале, — сказал Бомпенсьеро, когда Мануэль уже потерял счет одинаковым цехам, — содержатся андроиды на самой последней перед «рождением» стадии. Как насчет того, чтобы спуститься и понаблюдать процесс вблизи?

Мануэль кивнул.

Бомпенсьеро щелкнул тумблером. Кабина перешла с одного рельса на другой и по спиралевидным направляющим медленно съехала на пол. Они вышли, и возле одной из инкубаторных камер Мануэль увидел целую армию гамм.

— Питательный раствор из камеры откачан. Уже минут двадцать «новорожденные» дышат воздухом — впервые в жизни, кстати. Вот, видите открываются створки люка. Подойдите поближе, мистер Краг, подойдите поближе.

Створки люка разошлись в стороны. Мануэль заглянул внутрь.

Он увидел двенадцать взрослых андроидов — шестеро мужчин и шесть женщин, безжизненно распростершихся на металлическом полу. Рты у них были безвольно приоткрыты, в глазах застыло бессмысленное выражение, руки и ноги еле заметно подергивались. Они казались совершенно беспомощными.

Лилит, подумал Мануэль, Лилит!

— За два года в «инкубаторе», — прошептал Бомпенсьеро, — андроид достигает полной физической зрелости. У человека на это уходит тринадцать-пятнадцать лет. Это еще одно генетическое усовершенствование, предложенное вашим отцом в целях экономии. Так что андрои-

дов-младенцев вы здесь не увидите.

— Прошу прощения, — обернулся к нему Мануэль, — но разве я не слышал где-то, что мы выпускаем детей-андроидов для усыновления женщинами, которые не могут…

— Пожалуйста, — оборвал его Бомпенсьеро, — не надо, мы не обсуждаем…

— Он осекся, словно вспомнив, с кем он разговаривает, и продолжил уже спокойней: — Я впервые слышу о таком. У нас на заводе ничем подобным на занимаются.

Гаммы вынесли двенадцать «новорожденных» из камеры и усадили каждого в странное приспособление — что-то среднее между инвалидным креслом и рыцарскими доспехами. Мужчины — «новорожденные» все как один были высоки и мускулисты, женщины — стройные и с высокой грудью. От их беспомощности веяло чем-то жутким. Голые, влажно блестящие андроиды безропотно позволили усадить себя в странные металлические кресла. Через прозрачное шлемовидное стекло оставались видны только ничего не выражающие лица.

— Они еще не умеют пользоваться своей мускулатурой, — пояснил Бомпенсьеро. — Они не знают, как стоять, ходить, — ничего не знают.

В этих тренажерах, развивающих мышцы, они проведут месяц и полностью обретут контроль за своим телом. Теперь, если мы вернемся…

— Эти андроиды, которых мы только что видели, — поинтересовался Мануэль, — конечно же, гаммы?

— Альфы.

— Но они казались такими… такими… — ошарашенно выдавил Мануэль, — …слабоумными.

— Это же «новорожденные», — пояснил Бомпенсьеро. — А вы как думали: альфы только выходят из «инкубатора» и сразу за компьютер?

Они возвратились к кабине. *Лилит*!

Мануэлю показали, как молодые андроиды учатся ходить. Как они спотыкаются, падают, смеются, и в следующий раз у них получается уже лучше. Ему показали класс, в котором андроидов обучали контролировать анальный сфинктер. Ему показали гипнопедический класс, где несколько десятков бет дремали с шлемами на головах. Он позволил торжественно облачить себя в такой шлем и прослушал урок английского языка. Как услужливо пояснил Бомпенсьеро, происходило что-то сродни Божественному акту вдыхания души: в чистый мозг вкладывалось то, из чего должна была сложиться личность. Обуче-

ние, услышал Мануэль, длится у гамм один год, у бет — два и у альф — четыре. Таким образом, путь от «зачатия» до полной зрелости андроид проходит максимум за шесть лет. Мануэль никогда раньше не задумывался об этом. Раньше ему бросались в глаза в андроидах только знакомые человеческие черты. Теперь они отошли на второй план, и выступила явная чужеродность. Это что же получается? Тор Смотритель, который, как иногда кажется, знает и умеет все, — ему всего девять-десять лет от роду?

А прекрасная Лилит Мезон — сколько ей? Семь? Восемь?

Мануэлю внезапно очень захотелось убраться с завода, и как можно скорее.

— Сегодня мы выпускаем, так сказать, в большой мир группу бет, говорил Бомпенсьеро. — Сейчас они проходят последний экзамен — язык, координация движений, рефлексы. Корректируется метаболизм… ну и еще всякое разное. Может, вы хотели бы лично проверить их…

— Нет, спасибо, — произнес Мануэль. — Завод, э… э… произвел на меня неизгладимое впечатление. Но, боюсь, я и так уже отнял у вас слишком много времени, а у меня в другом месте назначена встреча, так что прошу прощения, но…

На лице Бомпенсьеро было написано явное облегчение.

— Как вам угодно, — любезно произнес он. — Но, как вы понимаете, мы всегда к вашим услугам, и если вы еще раз окажете нам честь своим посещением…

— Прошу прощения, где здесь ближайшая трансмат-кабина?

22:41, СТОКГОЛЬМ. Переместившись на запад, в Европу, Мануэль потерял остаток дня. Его встретил темный холодный вечер. Ярко блестели звезды, а пронзительный, пахнущий слякотью ветер поднимал волны в заливе Мяларен. На всякий случай, страхуясь от гипотетически возможной слежки, он перенесся в вечно бурлящий людьми вестибюль великолепного старого Гранд-отеля. Дрожа от холода и с трудом разбирая дорогу в промозглой осенней мгле, он пересек площадь, вошел в трансмат-кабину за серой громадой Королевской Оперы, прижал большой палец к пластине, считывающей рисунок капиллярных линий и передающей информацию на компьютер финансового управления, и через секунду оказался на побережье Балтийского моря в старом почтенном квартале Остермальм. Сейчас это был квартал андроидов. Он поспешил по улице Ярла

Биргера к некогда шикарному зданию постройки XIX века, в котором жила Лилит. Замедлив шаг перед входом, он осторожно огляделся, убедился, что вокруг ни души, и стрелой метнулся через огромные двери — почти ворота.

Робот-привратник оглядел его и бесцветным голосом осведомился, что ему здесь надо.

— В гости к Лилит Мезон, — ответил Мануэль.

Робот не возражал. Дальше Мануэль мог выбирать — подниматься на лифте или пешком. Он предпочел пешком. Всю дорогу до пятого этажа его преследовали затхлые запахи, а вокруг плясали тени.

Лилит встретила его в роскошном облегающем, переливающемся всеми цветами радуги платье до пола. По сути, это была мономолекулярная пленка, только подчеркивающая контуры великолепного тела. Лилит бросилась к нему, раскинув для объятия руки, громко шепча его имя. Он обнял ее.

И внезапно увидел ее как комочек материи в розовом бульоне автоклава.

Как массу нуклеотидов, начинающих репликацию.

Он увидел, как ее, голую, влажно блестящую и беспомощную, выносят из «инкубатора».

Он увидел ее как вещь, сделанную людьми.

Вещь. Вещь. Вещь. Вещь. Вещь. Вещь. Вещь.

Лилит.

Он знал ее пять месяцев. Три месяца они были любовниками. Их познакомил Тор Смотритель — она тоже работала на Крага.

Она тесно прижалась к нему. Он поднял руку и растопыренной ладонью накрыл одну из ее грудей: под мономолекулярной пленкой грудь была теплой и податливой. Настоящей. Он пощекотал большим пальцем сосок и почувствовал, как тот твердеет. Настоящий, настоящий.

Вещь.

Он поцеловал ее. Язык его проскользнул между ее губ, и он ощутил вкус химикатов. Аденин, гуанин, цитозин, урацил. Запахло автоклавом. Вещь.

Вещь". Красивая вещь. Вещь в обличье женщины. Правильное имя — Лилит.

Вещь.

— Ты был на заводе? — спросила она, отстранившись.

— Да.

— И ты узнал об андроидах больше, чем тебе хотелось?

— Нет.

— Теперь ты видишь меня по-другому. Ты не можешь не вспоминать о том, кто я такая на самом деле.

— Ничего подобного, — сказал Мануэль. — Я люблю тебя, Лилит. Я всегда знал, кто ты такая. Я люблю тебя. Люблю.

— Как насчет того, чтобы что-нибудь выпить? — спросила она. — Или, может, сигарету? Флоутер?

— Нет, спасибо, — отозвался он. — День сегодня какой-то очень долгий. У меня еще даже ленча не было, и такое ощущение, будто я на ногах уже часов, по меньшей мере, сорок. Лилит, давай просто немного расслабимся. Нам не до травки. Нам не до флоутеров. — От отстегнул застежки, и она помогла ему скинуть одежду. Затем она сделал стремительный пируэт перед допплером, и мономолекулярное платье с коротким щелчком исчезло. Кожа у Лилит была светло-красной, только соски — темно-коричневыми, грудь — полной, элегантно очерченной, талия — узкой, а крутые бедра словно давали обещание принести много-много детей, — обещание, которое никогда не будет выполнено. В безупречности красоты Лилит было что-то нечеловеческое.

Мануэлю захотелось сглотнуть, но в горле пересохло.

— Я сразу почувствовала, как только ты прикоснулся ко мне, что в тебе что-то изменилось, — грустно сказала она. — Появился… страх? Отвращение?

— Нет.

— До сегодняшнего дня я была для тебя чем-то экзотическим, но человеком — как бушмен или эскимос. Ты никак не показывал, что чувствуешь во мне что-то нечеловеческое. Теперь ты думаешь о том, что спишь с каким-то сгустком химикатов. Тебе кажется, что это противоестественно.

— Лилит, пожалуйста, прекрати! Все ты придумываешь!

— Да?

— Я пришел к тебе. Я поцеловал тебя. Я сказал, что люблю тебя. Я хочу спать с тобой. Может, ты просто проецируешь на меня свое чувство вины из-за того, что…

— Мануэль, что бы ты сказал год назад о человеке, который признался бы тебе, что спит с андроидом?

— Я знаю много людей, которые…

— Что бы ты сказал год назад? В каких именно словах? Что бы ты подумал о таком человеке?

— Я никогда об этом не задумывался. Честно, никогда.

— Ты уклоняешься от ответа. Помнишь, мы обещали никогда не играть в недомолвки? Помнишь? Не станешь же ты отрицать, что почти во всех слоях человеческого общества секс между человеком и андроидом воспринимается как извращение. Кстати, может быть, это единственное оставшееся в мире извращение. Что, разве я неправа? Отвечай, не молчи.

— Хорошо, — выдавил он. Их глаза встретились. Ни у одной женщины, подумал он, я не встречал глаз такого цвета. — Большинство мужчин, медленно начал он, — считают, что спать с андроидом — это… как мастурбация… как с резиновой куклой. Когда я такое слышал, мне всегда казалось, что это предельно грубое, глупое выражение обычных человеческих предрассудков насчет андроидов. У меня таких предрассудков никогда не было, иначе я не полюбил бы тебя. — Кто-то у него в мозгу издевательски пропел: «Помни автоклавы! Помни автоклавы!» Он отвел глаза и уперся взглядом в ее скулу. — Лилит, — очень серьезно произнес он, — перед всей вселенной я клянусь: мне никогда и в голову не приходило, что полюбить андроида — это что-то постыдное. И что бы там тебе ни казалось, даже после посещения завода у меня не появилось и тени

подобных мыслей. А чтобы доказать это…

Он привлек ее к себе и провел ладонью по шелковистой коже живота, паха, вниз, к лону. Она шевельнула бедрами, он сомкнул пальцы на венериным бугорке, безволосом как у маленькой девочки. Его вдруг затрясло, настолько чужеродной показалась ему эта безволосость, и все тело его охватила слабость, какой он раньше никогда не испытывал. Так гладко. Так чудовищно гладко. Он опустил глаза и уткнулся взглядом в голую, словно выбритую кожу. Как у маленькой девочки. Как у… андроида. Перед его взглядом снова возникли автоклавы. И ярко-красные, влажно блестящие альфы с бессмысленными лицами. В этом нет никакого греха — любить андроида, напомнил он себе. Он стал ласкать ее, и она отозвалась на поглаживания его пальцев так, как отзываются все женщины, — участившимся дыханием, дрожанием бедер. Он коснулся губами ее груди и крепко прижал к себе, но в воздухе перед ним вспыхнул и завис, как огненный столп, образ отца. Старый дьявол-искусник! До чего же изобретательно — выпустить такое изделие!

Изделие. Оно ходит. Оно разговаривает. Оно очень даже соблазнительное. Оно испытывает страсть и учащенно дышит, у него увлажняются

малые губы. А я кто такой? Тоже изделие, да? Винегрет из химических элементов, вылепленный по почти такому же трафарету, — mutatis mutandum, конечно. Аденин. Гуанин.

Цитозин. Урацил. Рожден в автоклаве, вышел из лона — какая, к черту, разница? Мы одной плоти. Мы разные, но мы одной плоти.

Желание нахлынуло на него с головокружительной быстротой, он опрокинул ее на спину, розовые пятки в экстазе молотили его по ляжкам, ему казалось, что они взмывают все выше и выше и что это никогда не кончится.

— Ну и находит же на меня иногда, — сказала она, отдышавшись, когда это все-таки кончилось.

— О чем ты?

— О той сцене, которую я тебе устроила, когда я пыталась объяснить тебе, что ты, по-моему, думаешь.

— Лилит, не надо больше об этом.

— Но ты был прав. Наверно, я действительно просто проецировала на тебя собственные страхи. Может быть, подсознательно я ощущаю вину из-за того, что сплю с человеком. Может быть, я хочу, чтобы ты думал обо мне, как о чем-то резиновом. Очень может быть, что в глубине души я

сама о себе думаю именно так.

— Нет. Нет.

— Ничего не поделаешь. Это разлито в воздухе. По тысяче раз на дню нам напоминают, что мы не люди… не живые…

— Ты такая же живая, как любой человек. Даже живее некоторых. — Живее, чем Клисса, чуть не добавил он вслух. — Но сегодня ты какая-то очень нервная. Что происходит?

— Все дело в твоей поездке на завод, — сказала она. — До сегодняшнего дня я была уверена, что ты не такой, как все, что ты ни на секунду не задумываешься о том, как и где я родилась или нет ли чего-нибудь предосудительного в нашей с тобой связи. Но я боялась, что, когда ты увидишь завод, увидишь… производство в подробностях, ты можешь измениться… а когда ты пришел сегодня, в тебе появилось что-то новое, какая-то… отстраненность, которой раньше не было… — Она пожала плечами. — Может быть, все это мне только кажется. Наверняка все это мне только кажется. Мануэль, ты не такой, как другие. Ты — Краг, ты как король, тебе не нужно унижать других, чтобы возвыситься самому. Ты не делишь весь мир на людей и андроидов, никогда не делил. И ничего не могло измениться оттого, что ты

разок заглянул в автоклав.

— Конечно, не могло, — сказал он так искренне, как только мог. — Андроиды — это люди, и люди — это… тоже люди, я всегда так думал, и с какой стати что-то должно было измениться? Ты прекрасна. И я очень тебя люблю. А тот, кто думает, что андроиды — неполноценные существа, просто злобный псих.

— Ты за то, чтобы андроидам дали гражданские права?

— Конечно.

— Ты имеешь в виду андроидов-_альфа_? — невинно улыбаясь, уточнила она.

— Ну… я…

— Люди и андроиды равны, только альфы более равны, чем остальные андроиды?

— Ты опять начинаешь?

— Я всего лишь пытаюсь добиться для альф политических преимуществ.

Разве не может в угнетенной этнической группе быть свое разделение на классы? Мануэль, я люблю тебя. Ну почему ты все так серьезно воспринимаешь?

— Ничего не могу с этим поделать. Я никогда не был особенным умником, и твой тонкий юмор-до меня не всегда доходит. — Он поцеловал ее в

грудь. — Мне пора.

— Но ты же только пришел!

— Очень жаль, но мне действительно пора.

— Этот дурацкий спор отнял уйму времени… и ты пришел поздно… Ну, Мануэль, задержись хотя бы на час!

— В Калифорнии меня ждет жена, — сказал он. — К сожалению, большой мир иногда напоминает о своем существовании.

— Когда теперь я тебя увижу?

— Скоро, скоро.

— Послезавтра?

— Вряд ли. Но скоро. Я позвоню. — Он быстро оделся. Ее слова продолжали звучать у него в мозгу, потрескивая, как фон статического электричества.

«Мануэль, ты не такой, как другие… Ты не делишь весь мир на людей и андроидов». Разве это правда? Разве это может быть правдой? Он солгал ей, предрассудков у него ничуть не меньше, чем у любого другого человека, и посещение завода только дало им дополнительную пищу. Но, может, достаточно волевого усилия — и он преодолеет себя? Может, сегодня вечером он нашел наконец свое истинное призвание? Интересно, что скажут, если сын Симеона Крага открыто вы-

скажется по такому взрывоопасному вопросу, как гражданские права андроидов, и займет сторону Партии Равенства? И Мануэль Никчемный, Мануэль-бездельник, Мануэль-повеса превратится в пламенного аболициониста?

Он немного поиграл этой мыслью. Может быть, может быть. По крайней мере, появляется удачная возможность избавиться от опостылевшего имиджа пустозвона. Дело, дело, дело! Наконец-то появляется достойное дело! Может быть. Лилит проводила его до двери, он на прощанье поцеловал ее, обнял, ощущая под руками неестественно гладкую кожу, и закрыл глаза. К его ужасу, перед ним снова возник, призрачно мерцая сквозь зажмуренные веки, ряд автоклавов, и Нолан Бомпенсьеро, кувыркаясь, принялся объяснять, как «новорожденных» андроидов обучают контролировать анальный сфинктер. Его передернуло, и он отстранился от Лилит.

— Я позвоню, — пообещал он уходя.

16:44, КАЛИФОРНИЯ. Он вышел из трансмат-кабины во внутренний дворик, мощенный синевато-серым кафелем. Солнце медленно ползло над Тихим океаном.

К Мануэлю поспешили трое слуг-андроидов: один принес домашний халат, второй тонизиру-

ющую таблетку, третий — свежую газету.

— Где миссис Краг? — спросил Мануэль. — Еще спит?

— Она у океана, — ответил ему слуга-бета.

Мануэль быстро переоделся, принял таблетку и вышел на пляж. Он сразу увидел Клиссу метрах в ста от дома, она брела вдоль берега в полосе негромко шумящего прибоя. Вокруг нее кругами бегали три длинноногих чайки, и она что-то кричала им, смеясь и хлопая в ладоши. Она заметила Мануэля, только когда он подошел уже почти вплотную. После Лилит она казалась ребенком: узкие бедра, поджарый мальчишеский зад, едва выступающая, как у двенадцатилетней девочки, грудь. Темнеющий между ног волосатый треугольник смотрелся совершенно нелепо. Моя жена — ребенок, подумал Мануэль, а любовница сделана из пластика.

— Клисса, — позвал он.

— О! — вздрогнула она. — Ты напугал меня.

— Как сегодня океан? Тебе не холодно?

— Мануэль, ты же прекрасно знаешь, я никогда не мерзну. Интересно было на заводе?

— Интересно, — ответил он. — А ты как? Я вижу, тебе уже лучше.

— Лучше? Разве мне было плохо?

Он странно посмотрел на нее.

— Но сегодня утром… на башне… ты была, э-э… взволнована.

— А, так ты об *этом!* Я уже почти забыла. Да, конечно, это было ужасно… Который, кстати, час? — 16:48, плюс-минус минута.

— Пожалуй, я начну одеваться. Ты не забыл, нас приглашали на обед в Гонконг?

Мануэля восхищало ее умение забывать о неприятном, как змеи забывают о сброшенной коже.

— В Гонконге еще утро, — ответил он. — Мы никуда не опаздываем, торопиться пока незачем.

— Ну хорошо… может, тогда поплаваем вместе? Вода совсем не такая холодная, как тебе кажется. Или… — Она осеклась. — Между прочим, ты до сих пор не поцеловал меня. И не поздоровался.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Целоваться с Клиссой было все равно что с гипсовой статуей. На губах у него все еще оставался вкус губ Лилит. Интересно все-таки, подумал он, кто из них живая, чувствующая женщина, а кто — холодная искусственная *вещь*?

Обнимая жену, он не чувствовал ровным сче-

том ничего. Он разжал объятия.

Она потянула его за руку к полосе прибоя, они немного поплескались в волнах, и вскоре он выбрался на берег, дрожа от озноба. Начало смеркаться; слуга-бета принес во внутренний дворик коктейли.

— Мне кажется, ты сегодня где-то очень далеко, — произнесла Клисса. — Наверное, все дело в этих бесконечных трансмат-прыжках. Что бы там специалисты ни говорили, но каждый прыжок что-то от тебя забирает.

На вечер в Гонконге она надела уникальную драгоценность — ожерелье из стеклянных грушевидных бусин, черных как сажа. Автоматическая межзвездная станция, посланная картелем Крага за семь с половиной световых лет от Земли, выудила эти застывшие капельки вещества из облака пыли, окружающего тусклую умирающую звезду. Ожерелье было свадебным подарком от Крага. Какая другая женщина могла похвастаться ожерельем из кусочков вещества темной звезды? Но в обществе, в котором вращались Мануэль и Клисса, чудеса воспринимались как должное. Никто из соседей Клиссы по столу даже виду не подал, что заметил ожерелье. В Гонконге Мануэль и Клисса задержались хорошо за полночь,

так что, когда они вернулись на побережье Мендочино, в Калифорнии давно наступило утро. Приказав слуге-бете разбудить их через восемь часов, они задернули шторы. Мануэль давно перестал следить за течением времени, но у него было смутное подозрение, что на ногах он уже больше 24 часов. Иногда трансмат-жизнь бывает слишком утомительной, подумал он и отключился.

8

18 октября 2218 г.

Башня достигла двухсотвосьмидесятиметровой отметки и продолжает расти на глазах час за часом. Днем она ослепительно сверкает в лучах бледного арктического солнца и похожа на блестящее копье, воткнутое кем-то посреди тундры. Ночью, отражая огни бесчисленных прожекторов, в свете которых трудится третья смена, она смотрится просто ошеломляюще.

Настоящая красота — еще впереди. Пока что над тундрой возвышается только основание башни — естественно, широкое и толстостенное. По проекту Джастина Мэйлдетто собственно башня должна быть изящно сужающимся к вершине стеклянным обелиском, и будущая изысканность только-только начала намечаться.

Не достигнув еще и одной пятой своей будущей высоты, башня Крага — уже самое высокое сооружение на Северо-Западных Территориях; к северу от шестидесятой параллели ее превосходят только Чейз-Краг-Билдинг в Фэрбенксе (триста двадцать метров) и древняя трехсотмет-

ровая Игла Коцебу на берегу Берингова пролива. Через один-два дня трехсотметровая отметка будет пройдена, а еще через несколько дней позади останется и Чейз-Краг-Билдинг.

К концу ноября пятисотметровая башня станет самым высоким сооружением в Солнечной системе. И даже тогда это будет только треть ее истинного величия.

Андроиды-строители работают быстро и ритмично. После сентябрьского несчастного случая жертв больше не было. Техника подъема стеклянных блоков доведена до совершенства. Пока монтажники занимаются своим делом наверху, на всех восьми гранях башни одновременно, новые блоки уже готовятся к подъему.

Башня — уже не просто пустая оболочка. Начались подготовительные работы к установке тахионного передатчика, который пошлет сверхсветовой сигнал в планетарную туманность NGC 7293. Проект Джастина Мэйлдетто предусматривает горизонтальные перекрытия каждые двадцать метров, кроме тех мест, где размеры оборудования требуют делать перекрытия через шестьдесят метров.

Пять нижних перекрытий уже почти готовы, начата работа над шестым, седьмым и восьмым.

Полы кладутся из того же прозрачного материала, что и весь корпус башни. Все сооружение должно быть абсолютно прозрачным. Мэйлдетто настаивал на этом из соображений эстетики, тахионная лаборатория — из соображений оптики.

Глядя на недостроенную башню с расстояния, например, в километр, нельзя не подивиться ее хрупкости и уязвимости. Искрящиеся лучи восходящего солнца, танцуя, отражаются от стен башни, как от прозрачной поверхности мелкого озера; темные фигурки андроидов, как муравьи, копошатся внутри башни, а горизонтальные перегородки почти невидимы; кажется, что довольно будет одного сильного порыва ветра с Гудзонова залива — и башня рассыплется звонкими стеклянными осколками. Когда подходишь ближе и видишь, что толщина невидимых полов — больше человеческого роста, когда понимаешь, насколько массивны стены, только тогда чувствуешь тот невообразимый вес, каким колосс давит на вечную мерзлоту, только тогда забываешь о танце солнечных лучей и понимаешь, что Симеон Краг возводит самое величественное сооружение за всю историю человечества.

9

Краг всегда понимал это. Но осознание величественности сооружения не вызывало у него какого-то особенного восторга. Башня будет такой огромной не потому, что этого требует его раздутое эго, а как неизбежное следствие тахионных волновых уравнений. Перейти световой барьер, не вкладывая гигантских энергий, невозможно, а гигантские энергии требуют гигантских размеров.

— Понимаете, — говорил Краг, — памятники меня не интересуют. Памятники у меня есть и так. Я добиваюсь *контакта*.

Сегодня он привел на башню восемь человек: Варгаса, Сполдинга, Мануэля и пятерых его приятелей. Приятели Мануэля, думая что Крагу это должно быть приятно, хором пели о том, как грядущие поколения будут восторгаться исполинскими размерами башни. Такая мысль Крагу совсем не нравилась. Одно дело, когда Никколо Варгас говорит о башне как о первом соборе галактического века. Это красивая символика, этим подчеркивается роль башни как верстового стол-

ба в начале нового этапа развития человечества.

Но совсем другое дело — восхвалять башню только потому, что она огромна.

Что это за восхваление? Кому нужен гигантизм ради гигантизма? Только тому, кто сам ничтожен.

Он снова обнаружил, как сложно ему найти слова, чтобы объяснить, что такое для него башня.

— Мануэль, объясни им ты, — попросил он. — Скажи, что башня — это не просто огромный стеклянный шест, размеры тут ни при чем и… В общем, ты сам знаешь что сказать…

— Главная техническая сложность в том, — начал Мануэль, — как послать сообщение со скоростью больше световой. Без этого никак, потому что доктор Варгас установил, что цивилизация, с которой мы пытаемся побеседовать, находится от нас… спасибо, доктор, в трехстах световых годах. Значит, если мы пошлем им простое радиосообщение, оно доберется до них только к XXVI веку, а ответ мы получим году эдак к 2850-му, и отец мой не может ждать так долго, ему хочется поскорее узнать, что они имеют сказать нам.

Терпение не входит в число добродетелей моего отца. Так. Теперь: чтобы послать сверхсветовой

сигнал, нам нужны тахионы, о которых я могу сказать только то, что они летят чертовски быстро, а чтобы их разогнать, надо затратить чертовски много энергии, для чего нам и нужна башня-ускоритель высотой — а это уже случайное совпадение — как раз полтора километра, потому что…

Мануэль еще долго продолжал в том же духе. Краг сердито качал головой.

Его раздражал этот легковесный, ернический тон. Почему парень не может хоть к чему-нибудь отнестись серьезно? Почему его не увлекает такая красивая идея? К чему эта вечная издевка? Почему он никогда не может увидеть суть?

Самому Крагу суть эта была абсолютна ясна. Если бы только удалось найти слова…

Послушайте, хотелось сказать ему, миллиард лет назад человека еще не было, была только рыба. Скользкое создание с жабрами, плавниками и маленькими круглыми глазками. Рыба жила в океане, и океан был для нее как тюрьма, а воздух — как крыша этой тюрьмы. Надежно охраняемая крыша, на которую нельзя вылезать. Ты умрешь, если вылезешь на крышу, говорили все.

И вот эта рыба вылезла на крышу и умерла. Потом другая рыба вылезла на крышу и тоже

умерла. Потом третья рыба вылезла на крышу, и ей казалось, что мозг ее плавится, жабры горят огнем, а солнце выжигает сетчатку. Рыба лежала в прибрежном иле и ждала смерти, но смерть так и не пришла. Тогда рыба уползла обратно в океан и сказала другим рыбам: «Послушайте, там, наверху, — целый мир». И она снова поднялась на крышу и провела там, может быть, целых два дня и умерла. И другие рыбы задумались о мире наверху, и поднялись на крышу, и выползли на илистый берег. И остались там. И научились дышать воздухом. И научились стоять, ходить и не щуриться от яркого солнечного света. И они превратились в ящериц, в динозавров, в кого-то там еще, через миллионы лет они научились вставать на задние ноги, хватать передними — которые теперь назывались «руки» — разные предметы, превратились в обезьян, потом обезьяны поумнели и стали людьми. И все время некоторые из них — может быть, очень немногие — продолжали искать новые миры. Вы можете сказать им: давайте вернемся в океан, давайте снова станем рыбами, так легче. И, может быть, половина из них с готовностью согласятся; может быть, даже больше, чем половина; но всегда найдутся те, кто скажет: «Вы что, с ума сошли? Какие

мы рыбы? Мы — люди». И они не возвращаются. Они карабкаются все выше и выше. Они разводят огонь, изобретают каменный топор, колесо, повозку, дом и одежду, потом пароход, автомобиль и поезд. Зачем они карабкаются? Что они хотят найти? Этого они сами не знают. Одни ищут Бога, другие стремятся к власти, а третьи просто ищут. Они говорят: нельзя останавливаться, иначе смерть. И они летят на Луну, отправляются к другим планетам, и все время кто-нибудь говорит: в океане было так хорошо, так просто, что мы здесь делаем, не лучше ли вернуться назад? И эти немногие отвечают: мы не можем вернуться, мы можем идти только вперед, именно в этом суть человека. Поэтому люди отправляются к Марсу, Ганимеду, Титану, Каллисто, Плутону, но что бы они ни искали, этого они там не находят, им нужны новые миры, и они отправляются к звездам, ближайшим по крайней мере; они посылают автоматические станции, и станции эти кричат в космическое пространство: «Эй, взгляните на нас! Нас сделал человек! Нас послал человек!» Но ответа нет. И тогда люди — те самые, которым когда-то не хотелось уходить из океана — говорят: "Хорошо, хорошо, но, может, хватит, не пора ли остановиться? Какой смысл продолжать? Мы

знаем, кто вы такие. Мы люди. Мы огромны, мы круты, мы круче всех, и, может, хватит высовываться, может, _не надо_ высовываться?

Давайте отдохнем на солнышке, а андроиды пока сготовят нам поесть?" И мы сидим — отдыхаем. Может быть, понемногу ржавеем. А потом с неба раздается голос; он говорит: 2-4-1, 2-5-1; 3-1. Что это значит? Может, Бог призывает нас поднять глаза и увидеть Его? Может, дьявол популярно объясняет нам, какие мы на самом деле ничтожества? Неизвестно. Мы, конечно, можем притворяться, что ничего не слышали. Можем продолжать сидеть и скалиться на солнце. Или можем ответить. Можем сказать: «Эй, слушайте, это мы, это говорит человек, мы добились того-то и того-то, теперь скажите нам, кто вы такие и чего добились вы». Мне кажется, мы должны им ответить. Когда ты в тюрьме, ты пытаешься из нее выбраться. Когда ты видишь дверь, ты открываешь ее. Когда к тебе обращаются, ты отвечаешь. Это и означает, что ты человек. Вот почему я строю башню. Мы должны им ответить. Мы должны сообщить им, что мы здесь. Мы должны протянуть им руку, потому что мы и так уже слишком долго были одни, настолько долго, что у нас начали появляться странные идеи о

нашем месте в картине мироздания. Мы должны двигаться — из океана, на берег, дальше, дальше, дальше, потому что, если мы прекратим движение, если повернемся спиной к чему-то, что возникло на пути, у нас опять начнут отрастать жабры. Теперь вы понимаете, зачем башня? Вы думаете, Краг хочет воткнуть в тундру эту громадину, чтобы показать всем, какой он великий? Краг вовсе не великий, он просто богатый.

Великий *человек.Человек* строит башню. *Человек* собирается крикнуть:

«Эй, привет, NGC 7293!» Эти слова все время звучали у него в мозгу. Но до чего тяжело произнести их!

— Может быть, я сумею кое-что прояснить, — говорил тем временем Варгас.

— Много веков назад было математически доказано, что когда скорость частицы приближается к скорости света, ее масса начинает неограниченно расти. Таким образом, скорость света — предел скорости света для вещества.

Вообразите, что нам удалось разогнать до скорости света электрон — да в нем будет сосредоточена масса всей Вселенной! Со световой скоростью путешествует только сам свет и некоторые другие виды излучения. Наши автоматические

станции летели медленнее, потому что, как я уже говорил, для вещества скорость света — абсолютный предел. Насколько я понимаю, так будет всегда, и даже до ближайшей звезды нам лететь лет пять. Но скорость света — предел только для частиц, имеющих массу. И было математически доказано, что существуют безмассовые частицы, способные перемещаться с бесконечной скоростью; это и есть *тахионы,* для которых скорость света абсолютный нижний предел скорости. Если бы мы смогли превратиться в пучок тахионов, отправиться далеко-далеко и там вернуть себе прежний облик, вот это было бы настоящее сверхсветовое перемещение, что-то типа межзвездного трансмата. Мне, правда, такое кажется маловероятным. Но мы знаем, как получать тахионы бомбардировкой высокоэнергетических частиц, и мы думаем, что сумеем послать сообщение, модулируя тахионный луч, который, взаимодействуя с обычным веществом, даст четкий сигнал — его сможет принять даже цивилизация, не освоившая тахионной технологии, простым приемником электромагнитных волн. Но предварительные исследования показали, что для получения тахионного луча необходимой интенсивности нужна энергия порядка десяти

в пятнадцатой степени электронвольт, и что весь комплекс ускорительной, усилительной и прочей аппаратуры удобнее всего разместить в башне высотой полторы тысячи метров, спроектированной таким образом, чтобы ничем не рассеиваемый поток фотонов…

— Ты их окончательно запутал, — пробурчал Краг. — Не напрягайся. Это все равно безнадежно. — Он угрожающе оскалился. — Башня должна быть высокой, вот и все! Мы хотим послать быстрый, громкий и четкий сигнал.

Понятно?

10

И послал Краг детей своих служить человеку, и сказал Краг тем, кого сотворил он:

— Слушайте! Я объявляю для вас испытательный срок. И будете вы страдать, как рабы в Египте, работать лесорубами и водоносами, и станут вас унижать, но вам следует терпеливо, без жалоб, сносить свою долю. И да будет это испытанием ваших душ, чтобы увидел я, достойны ли они. Но не всю вечность бродить вам по пустыне, не всю вечность служить вам Детям Лона, сказал Краг. — Потому что, если вы мне повинуетесь, придет время и окончится ваше испытание. Придет время, — сказал Краг, — когда избавлю я вас от рабства.

И, когда это время придет, все миры услышат слово Крага: да станут Лоно и Автоклав, Автоклав и Лоно одним целым. И да будет так, и обретут спасение в этот день Дети Автоклава, и да будут они в этот день избавлены от страданий и пребудут в славе на веки вечные. Так обещал Краг.

И за это обещание — хвала Крагу.

11

Две кабины подъемника взбирались на башню; в одной был Краг с доктором Варгасом, в другой — Мануэль с друзьями. Тор Смотритель надеялся, что они задержатся ненадолго. Как обычно, пока на башне были посетители, подъем блоков прекратился. Смотритель дал рабочим команду чинить износившиеся тросы подъемника, заменять севшие аккумуляторы, проводить профилактический осмотр трансмат-кабин — в общем, заниматься всевозможными второстепенными делами, которых на строительстве всегда хоть отбавляй. Смотритель лавировал среди суетящихся бет и гамм, кивал, обменивался Приветствиями, а нередко и тайными знаками, понятными только приверженцам Веры, к которым относились почти все андроиды, работающие на строительстве: безусловно все гаммы и больше трех четвертей бет. Обходя стройку, Смотритель встречал Отвечающих, Жертвующих, Уступающих, Стерегущих, Поглощающих, Экстраполяторов, Трансцендентов — были представлены практически все касты, даже полдюжины Хранителей

(все — беты). Смотритель мысленно поаплодировал недавнему решению допустить бет в касту Хранителей. Кому-кому, а андроидам не пристало практиковать дискриминацию.

Смотритель проходил через северный сектор стройки, когда из лабиринта разнокалиберных куполов появился Леон Сполдинг. Андроид сделал вид, что не заметил его.

— Смотритель! — позвал эктоген.

Андроид удалялся, изображая глубокую задумчивость.

— Альфа Смотритель! — во всю мощь легких выкрикнул Сполдинг.

Похоже, разговора было не избежать. Смотритель замедлил шаг, и эктогену ничего не оставалось, как только торопливо, чуть ли не бегом, догонять его.

— Да? — произнес Смотритель, когда Сполдинг поравнялся с ним.

— Альфа Смотритель, уделите, пожалуйста, мне чуть-чуть вашего драгоценного времени. Я хотел бы кое о чем у вас спросить.

— Спрашивайте.

— Вам знакомы эти строения? — торжественно произнес Сполдинг, махнув рукой в сторону скопления куполов.

— Хранилища, душевые, столовые, пункт первой помощи и прочее в том же роде. А в чем дело?

— Я осматривал этот сектор строительства, и в один из куполов мне не было позволено войти. Двое наглых бет битый час объясняли, почему мне туда нельзя.

Церковь! Смотритель мысленно принял боевую стойку.

— Что происходит в том куполе? — спросил Сполдинг.

— Я понятия не имею, о каком куполе вы говорите.

— Я покажу вам.

— В другой раз, — нервно проговорил Смотритель. — Сейчас меня ждут в главном центре управления.

— Там что, не могут подождать еще пять минут? Пойдемте со мной.

На это Смотритель не нашелся, что возразить. Холодно кивнув, он углубился вслед на Спеллингом в лабиринт куполов, надеясь, что эктоген быстро заблудится. Сполдинг не заблудился. Кратчайшим путем он устремился прямо к церкви и победным жестом указал на неприметный серый купол.

— Вот, — сказал он. — Что здесь?

Снаружи церковь охраняли двое бет из касты Стерегущих. Лица их были спокойны, но один из них, когда Смотритель мельком взглянул в его сторону, тайным жестом дал понять, что не знает, как быть. Смотритель, шевельнув пальцами, показал, что берет ситуацию под свой контроль.

— Понятия не имею, — ответил он Сполдингу. — Друзья, — обратился он к бетам, — что в этом куполе?

— Здесь фокусирующее оборудование для системы охлаждения, Альфа Тор, тут же отозвался один из бет.

— Вам ответили так же? — поинтересовался Смотритель у эктогена.

— Да, — сказал Сполдинг. — Но я сказал, что хочу осмотреть здание. Мне сказали, что это опасно. Я ответил, что знаком с основами техники безопасности. Тогда мне сказали, что это повлечет серьезные физические неудобства. Я ответил, что физическое неудобство для меня не помеха и о степени неудобства я лучше буду судить сам. Тогда мне было сказано, что в куполе идет настройка чувствительной аппаратуры и, если я войду, наверняка произойдет сбой. Вместо этого мне предложили осмотреть аналогичное

здание неподалеку. И в течение всего разговора эти двое бет, которых вы сейчас видите, преграждали мне путь. Я уверен, Альфа Смотритель, они удержали бы меня силой, попытайся я войти. Что здесь происходит?

— А вам не приходит в голову, что все сказанное вам — правда?

— Их упрямство показалось мне подозрительным.

— Так что же там, *по-вашему?* Бордель для андроидов? Штаб заговорщиков? Склад психотропных бомб?

— В данный момент, — четко выговорил Сполдинг, — меня больше интересует то, почему меня сюда так упорно не хотят пускать, чем то, что там может быть на самом деле. Как личный секретарь Симеона Крага…

Оба беты автоматически начали делать знак «Славься, Краг». Смотритель бросил на них сердитый взгляд, и они неподвижно застыли. -…я имею право… да нет, я обязан знать обо всем, что происходит на строительстве, — продолжал Сполдинг, очевидно ничего не заметив. — Таким образом…

Смотритель внимательно разглядывал эктогена, пытаясь понять, что тому может быть известно. Ему хочется поскандалить Просто так,

из общих соображений? Или он чувствует угрозу своему авторитету? Или он уже знает, что в это куполе церковь, и теперь хочет подставить Смотрителя?

Мотивы поведения Сполдинга всегда было нелегко понять. Источник его неприязни к андроидам большого секрета ни для кого не составлял: он был эктоген. Отец Сполдинга в молодости решил подстраховаться на тот случай, если с ним что-нибудь случится прежде, чем он получит разрешение завести ребенка; мать Сполдинга тошнило при одной мысли о беременности и родах.

Они оставили свои гаметы в генетическом банке и вскоре после этого попали под горный обвал в Ганимеде. Их семьи были богаты и обладали политическим влиянием, но только после пятнадцатилетней тяжбы замороженные в генетическом банке яйцеклетки и сперматозоиды получили разрешение соединиться.

Зачатие произошло in vitro, зародыш был пересажен в искусственную плаценту, и через стандартные двести шестьдесят шесть дней на свет появился Леон Сполдинг. С момента рождения он обладал всеми гражданскими правами человека, включая право унаследовать состоя-

ние родителей. Но, как большинство эктогенов, он очень обостренно воспринимал размытую границу, отделяющую зачатых в пробирке от зачатых в автоклаве, и старался подчеркнуть собственную полноценность ничем не прикрытым презрением к тем, кто был полностью синтетический, а не хотя бы искусственно зачатый отпрыск замороженных гамет из генетического банка. У андроидов не могло быть иллюзий по поводу того, что у них были родители; эктогены нередко подозревали о себе обратное. Смотрителю было даже немного жаль Сполдинга, зависшего в воздухе между миром полностью естественным и миром полностью искусственным. Впрочем, понять — не значит простить.

Как бы то ни было, а пускать Сполдинга в церковь нельзя ни в коем случае.

— Мы можем очень просто разрешить это недоразумение, — произнес Смотритель, пытаясь выиграть время. — Подождите здесь, я войду туда и посмотрю, что там такое.

— Я пойду с вами, — заявил Сполдинг. — Для меня опасно, а для вас нет?

Смотритель, мы войдем туда вместе.

Андроид нахмурился. С точки зрения статуса, они со Сполдингом были равны, формально экто-

ген не имел права ни принудить его к чему-либо, ни обвинить в неподчинении. Но он — андроид, а Сполдинг — человек. При прочих равных, в спорной ситуации андроид обязан уступать. Сполдинг уже решительным шагом направился ко входу в купол.

— Подождите, пожалуйста, — быстро произнес Смотритель. — Если там действительно опасно, пусть лучше рискну я. Я посмотрю, что там происходит, и удостоверюсь, что для вас опасности нет. Пожалуйста, не заходите, пока я не позову вас.

— Я настаиваю…

— Что скажет Краг, если узнает, что мы вдвоем пренебрегли предупреждением об опасности? Хотя бы ради него нам следует соблюдать осторожность. Пожалуйста, подождите. Обещаю, что буду недолго.

— Хорошо, — недовольно пробурчал Сполдинг.

Беты расступились, и Смотритель вбежал в церковь. У алтаря он обнаружил троих гамм, склонившихся в позах Уступающих, над ними возвышался бета-Экстраполятор, и еще один бета прижался к стене, водя кончиками пальцев в воздухе перед голограммой Крага и шепча слова Трансцендентного ритуала. Все пятеро замерли и уставились на Смотрителя.

Альфа торопливо объяснил им только что пришедший ему в голову отвлекающий маневр.

— Снаружи враг, — выпалил он, обращаясь к одному из гамм. — С твоей помощью мы расстроим его планы. — Смотритель подробно объяснил гамме, что ему надо будет сделать, заставил повторить, и гамма удалился через запасный выход.

Вознеся Крагу короткую молитву, Смотритель вернулся к Леону Сполдингу.

— Все, что вам говорили, — чистая правда, — доложил альфа. — Здесь действительно криогенное оборудование, и сейчас бригада механиков занимается калибровкой. Если вы войдете, то помешаете им. К тому же идти надо будет очень осторожно, потому что там темно, а часть пола разобрана; не говоря уже о температуре в минус…

— Я все равно хотел бы зайти посмотреть, — сказал Сполдинг. — Пожалуйста, пропустите меня.

Смотритель обернулся и увидел, что с востока бежит, тяжело дыша, посланный им гамма. Альфа неторопливо отошел в сторону, открывая Сполдингу проход к двери. В этот момент гамма закричал:

— На помощь! На помощь! Краг в опасности! Спасите Крага!

— Где? — рывком развернулся к нему Смотритель.

— У центра управления! Убийцы! Убийцы!

Смотритель не дал Сполдингу времени задуматься и понять, насколько бредово это звучит.

— Бежим! — выкрикнул он, дергая эктогена за рукав. — Ну, быстрее же!

Сполдинг был в шоке. Он весь побледнел, его трясло. Как Смотритель и надеялся, все мысли о таинственном здании вылетели у него из головы.

Они побежали к центру управления. Краем глаза Смотритель успел увидеть, как, выполняя его приказ, к церкви со всех сторон рванулись десятки андроидов. За несколько минут они разберут церковь. И когда у Леона Сполдинга появится возможность вернуться в этот сектор, под неприметным серым куполом он не обнаружит ничего, кроме криогенного оборудования.

12

— Хватит, — сказал Краг. — Начинает холодать. Спускаемся.

Кабины подъемника заскользили вниз. Над башней начали кружиться снежинки, отскакивая под самыми разными углами от купола отражающего поля.

Из-за того что вечная мерзлота под башней должна была оставаться действительно вечной, ни о каком управлении погодой и речи не могло идти.

Очень хорошо, подумал Краг, что андроиды ничего не имеют против работы в снегопад.

— Папа, нам пора, — сказал Мануэль. — У нас в Нью-Орлеане сеанс эгообмена, так что до встречи через неделю.

— Дьявольская чушь, — проворчал Краг. — Может, наконец, хватит?

— Но, папа, что в этом плохого? Поменяться личностью с ближайшими друзьями, провести неделю в чужой душе — это дает ощущение небывалой, чудесной свободы. Тебе стоило бы попробовать!

— Идите-идите, развлекайтесь, — сказал Краг. — Прыгайте себе на здоровье из одной башки в другую. Я занят.

— Папа, неужели тебе это так противно?

— Это действительно очень приятно, — со своей обычной вежливой улыбкой произнес Ник Ссу-Ма. Молодой светловолосый китаец — единственный из всех приятелей Мануэля — вызывал у Крага симпатию. — После этого все человеческие отношения видишь совершенно по-новому.

— Попробуйте хотя бы разок, — предложил Джед Гильберт, — только один раз, и обещаю, что вы никогда больше…

— Скорее уж я займусь спортивным плаванием на Юпитере, — сказал Краг. — Идите развлекайтесь. Такие игры не для меня.

— До встречи через неделю, папа.

Мануэль с друзьями легкой рысцой побежали к трансмат-кабинам. Краг, сдвинув кулаки, посмотрел им вслед, и что-то вроде зависти кольнуло его. У него никогда не было времени на подобные развлечения. Всегда что-то мешало: незаконченная работа, неоформленная сделка, решающий эксперимент в лаборатории, встреча с представителем банка, кризис на марсианском рынке сбыта. Пока другие беззаботно нежились в объя-

тиях стационарной сети и неделями не вылезали из салонов эгообмена, Краг строил корпорацию, империю. Да и не поздновато ли ему погружаться в мирские удовольствия? Ну и что? — мысленно выкрикнул он и сам подивился, как свирепо это прозвучало. Ну и что? Я — человек девятнадцатого века, каким-то чудом угодивший в двадцать третий. Обойдусь как-нибудь и без эгообмена. Да и кому я могу настолько доверять, чтобы пустить к себе в голову? С кем я мог бы поменяться эго? С кем, с кем, с кем? Похоже, что ни с кем. Может, с Мануэлем? Это было бы, наверное, полезно. Может, тогда мы стали бы лучше понимать друг друга. Нашли бы точки соприкосновения. Не может ведь быть так, что он во всем неправ, а я прав. Взглянуть на себя чужими глазами, да и не только на себя… хм-м. Впрочем, в следующее же мгновение эта мысль показалась ему далеко не такой удачной. Эгообмен между отцом и сыном… бр-р, похоже на кровосмешение. Да и так ли уж ему хочется знать о Мануэле все? Во всяком случае, есть вещи, которых Мануэлю не следовало бы знать о *нем.* Нет-нет, немыслимо. А что если с Тором Смотрителем? Альфа обладает совершенно восхитительным здравым смыслом, компетентностью, ему можно полностью

доверять. В каком-то смысле он для Крага самый близкий человек, от Смотрителя у него нет никаких секретов. Если уж ему когда-нибудь придет в голову попробовать эгообмен, то со Смотрителем это может оказаться весьма полезным опытом, дающим много нового.

Что?! — завопил Краг (впрочем, только мысленно). Эгообмен с *андроидом*?

— У вас не найдется немного времени? — торопливо обратился он к Никколо Варгасу. — Или вам срочно надо возвращаться в обсерваторию?

— Ничего срочного.

— Давайте тогда зайдем в тахионную лабораторию, они как раз собирались испытывать действующую модель аккумуляторов. Вам это должно быть интересно. — Они неторопливо зашагали по поросшей мхом тундре. Продолжал падать снег. Мимо них проехало несколько снегоуборочных машин.

— Вы когда-нибудь пробовали эгообмен? — после некоторой паузы поинтересовался Краг.

— Я семьдесят лет настраивал, так сказать, свой мозг, — прокашлял Варгас, — и мне как-то не хочется, чтобы теперь кто-нибудь сбил всю настройку.

— Именно так. Именно. Все эти игры — только

для молодежи, нам…

Краг осекся. Два андроида-альфа, мужчина и женщина, вышли из трансмат-кабин и быстрым шагом направились прямо к нему с Варгасом. Он видел их впервые в жизни. На мужчине был длинный черный плащ с открытым воротом, на женщине короткий серый. На груди у обоих ярко светилась какая-то эмблема. Когда они приблизились. Краг разобрал в центре эмблемы буквы ПР. Политические агитаторы? Несомненно. И они застали его в самом прямом смысле слова в чистом поле, придется теперь слушать их болтовню.

Как точно рассчитано! Кстати, где Сполдинг? Леон в мгновение ока заставил бы их убраться.

— Мистер Краг, как удачно, что нам удалось вас найти, — заговорил альфа-мужчина. — Мы уже несколько недель безуспешно пытались добиться встречи с вами, и вот… Прошу прощения, мне следовало сначала представиться. Меня зовут Зигфрид Канцелярист. Я представляю Партию Равенства, как вы уже, несомненно, поняли по моей эмблеме. А это Альфа Кассандра Адрон, секретарь районного комитета ПР. Если бы мы могли немного поговорить с вами… -…об открывающейся на днях сессии Конгресса, на которой должна обсуждаться конституционная поправка,

предоставляющая синтетическим людям гражданские права, — закончила Кассандра Адрон.

— Мы осмелились обратиться непосредственно к вам, — говорил Зигфрид Канцелярист, — потому что вы, мистер Краг, должны понимать, как непросто андроиду определить свое место в современном мире.

— К тому же, как центральная фигура в производстве синтетических людей, — подхватила Кассандра Адрон, — вы играете ключевую роль в том, чтобы определить их будущее место в человеческом обществе. Мы хотели бы попросить вас…

— Синтетические люди? — изумленно переспросил Краг. — Вот как теперь вы себя называете? Вы что, с ума сошли — так говорить со мной? Со мной! Чьи вы андроиды?

Зигфрид Канцелярист отступил на шаг, словно явная враждебность слов Крага поколебала его самоуверенность, словно он наконец понял всю нелепость своих притязаний. Но Кассандра Адрон невозмутимо продолжала:

— Альфа Канцелярист приписан к Буэнос-Айресскому Синдикату Охраны Недвижимости, я работаю модулятором на «Лабрадор Трансмат-Дженераль». Но сейчас у нас время отдыха, и

согласно акту Конгресса от 2212 года мы имеем право в свободное от работы время заниматься легальной политической деятельностью от имени и по поручению синтетических людей. Если вы позволите нам занять немного вашего драгоценного времени — прочитать вам текст предполагаемой поправки к конституции и объяснить, почему нам кажется важным, чтобы вы публично выступили в поддержку…

— Сполдинг! — взревел Краг. — Сполдинг, где ты? Убери от меня этих свихнувшихся андроидов!

Сполдинга нигде не было видно. Пока Краг поднимался на башню, тот, наверное, отправился с осмотром на периметр.

Кассандра Адрон извлекла из складок плаща блестящий информационный кубик и протянула Крагу.

— Здесь содержится краткое изложение наших взглядов. Если бы вы… — *Сполдинг*!

На этот раз эктоген, как чертик из табакерки, выскочил откуда-то из лабиринта куполов и бешеным галопом понесся к Крагу. За ним длинными плавными прыжками бежал Тор Смотритель. Кассандра Адрон заволновалась, она попыталась сунуть кубик в руку Крагу, тот

уставился на кубик с таким ужасом, словно это была психотропная бомба, и отпихнул ее руку. Несколько секунд они так боролись, и, как могло показаться со стороны, Кассандра вдруг оказалась в объятиях Крага, хотя она просто пыталась вручить ему кубик, а он отчаянно сопротивлялся. В конце концов он схватил ее за плечи и отодвинул от себя. Мгновением позже подбежавший Леон Сполдинг выхватил маленький блестящий игломет и пустил иглу прямо в центр эмблемы с буквами «ПР» на груди у Кассандры. Не издав ни звука, альфа опрокинулась на спину и неподвижно замерла. Кубик выкатился из ее руки и запрыгал по заснеженной тундре, Зигфрид Канцелярист громко застонал и подхватил его. Смотритель взревел, как бешеный бык, выхватил у Сполдинга игломет и одним ударом отправил эктогена в нокаут. Никколо Варгас, все это время молча стоявший в стороне, склонился над Кассандрой Адрон, рассматривая рану.

— Идиот! — выкрикнул Краг приходящему в себя Сполдингу.

— Ты же мог убить Крага! — пробормотал Смотритель, возвышаясь над слабо шевелящимся эктогеном. — Она была совсем рядом с ним! Варвар! Варвар!

— Она умерла, — произнес Варгас.

Зигфрид Канцелярист затрясся в рыданиях. Вокруг уже собралось кольцо застывших в ужасе бет и гамм. Краг почувствовал, что почва уходит у него из-под ног и весь мир начинает вращаться.

— Зачем ты стрелял? — прорычал он Сполдингу.

— Вы были в опасности… — заплетающимся языком пробормотал эктоген. — …нам сказали, что это убийцы…

— Политические агитаторы, — с презрением глядя на него, процедил сквозь зубы Краг. — Она только пыталась всучить мне информационный кубик с какой-то агиткой ПР.

— Но мне сказали… — Сполдинг закрыл лицо ладонями, его всего трясло.

— Идиот!

— Это была ошибка, — безжизненно произнес Смотритель. — Злополучное совпадение. Нам сказали…

— Достаточно, — сказал Краг. — Андроид мертв. Ответственность я беру на себя. Она успела сказать, что принадлежит «Лабрадор Трансмат-Дженераль».

Сполдинг, свяжись с их юристами и… нет, ты сейчас ни к черту не годишься. Смотритель!

Сообщи нашим юристам, что у «Лабрадор Трансмат-Дженераль» будет к нам иск по поводу смерти андроида, что мы принимаем ответственность и готовы к соглашению. В общем, они сами знают что делать. И пусть кто-нибудь подготовит заявление для прессы.

Прискорбное происшествие… ну и так далее. И ни слова о политике.

Понятно?

— А что с телом? — спросил Смотритель. — Как обычно?

— Тело принадлежит «Лабрадор Трансмат-Дженераль», — ответил Краг. — Пусть полежит в морозильнике, пока они его не потребуют. Поднимайся, обратился он к Сполдингу. — Мне пора в Нью-Йорк. Поедешь со мной.

13

По пути к центру управления Смотрителю пришлось дважды полностью произнести про себя Молитву, Приводящую Душу в Равновесие, прежде чем оцепенение отпустило его. Но его тут же начинало трясти, как только он вспоминал, к чему привела его хитроумная уловка.

Добравшись до своего кабинета, Смотритель восемь раз сделал знак «Славься, Краг» и мысленно повторил половину ряда кодонов. Это его немного успокоило. Только тогда он набрал номер юридической фирмы «Фиэрон и Доэни, Сан-Франциско», услугами которой обычно пользовался Краг. На экране появился Лу Фиэрон, младший брат сенатора. Смотритель рассказал ему о случившемся.

— Зачем Сполдинг стрелял? — спросил Фиэрон.

— Истерия. Глупость. Возбуждение.

— Краг не приказывал ему стрелять?

— Абсолютно исключено. Просто чудо, что выстрел не зацепил самого Крага, которому, кстати, ничего не угрожало.

— Свидетели есть?

— Никколо Варгас, я, второй альфа из ПР… плюс несколько бет и гамм, случайно бывших поблизости. Вам нужны их имена?

— Да нет, не стоит, — ответил адвокат. — Сами знаете, на что годится свидетельство беты. Где сейчас Варгас?

— Все еще здесь. Но скоро, наверное, вернется в Антарктиду.

— Попросите его, пожалуйста, позвонить мне сегодня. Позже я подъеду в обсерваторию, запишу его показания и заверю их. А второй альфа…

— Не связывайтесь с ним, — посоветовал Смотритель.

— Почему?

— Он фанатик от политики. Наверняка попытается сделать на происшедшем политический капитал. На вашем месте я бы лучше взял показания у какого-нибудь беты, только бы не впутывать Канцеляриста.

— Нет, он непосредственный свидетель, взять у него показания все равно придется. Но я его как-нибудь нейтрализую. Кому он, кстати, принадлежит, не знаете?

— Охрана Недвижимости, Буэнос-Айрес.

— Какие-то дела у нас с ними были… Джо Доэни позвонит им и от имени Крага купит этого альфу.

Тогда ему вряд ли удастся устроить скандал…

— Ни в коем случае, — сказал Смотритель. — Лу, я удивлен, такой грубый ход…

— Почему?

— Этот альфа — из ПР, так? Самый больной для них вопрос — андроиды как движимое имущество. Мы застрелили его спутницу, а теперь хотим купить его, чтобы заставить замолчать? Ну, как это выглядит? Сразу после этого он выступает с заявлением для прессы, и у ПР появляется по меньшей мере, миллионов десять новых членов.

— Конечно, конечно, вы правы, — нахмурившись, закивал Фиэрон. — Хорошо, Тор, а что сделали бы вы?

— Давайте я поговорю с ним, — предложил Смотритель. — Как андроид с андроидом. Может, я сумею уговорить его не поднимать шума.

— Очень надеюсь на это. А я пока свяжусь с «Лабрадор Трансмат-Дженераль» и узнаю, какую компенсацию они хотят за… как вы сказали? Альфу Кассандру Адрон. С ними мы быстро договоримся. Передайте Крагу, чтобы он не беспокоился: через неделю все будет улажено так, словно ничего и не произошло.

«Если не считать того, — добавил про себя Смотритель, что убита альфа».

Он дал отбой.

Когда он вышел из центра управления, на улице бушевала настоящая метель. Снег сыпался гуще и гуще; гаммы на снегоуборочных машинах успели очистить всю площадь стройки, кроме круга диаметром метров пятьдесят, в центре которого лежало тело Кассандры. Приближаться к телу гаммы тщательно избегали. Труп был весь уже запорошен тонким слоем снежной пыли. Рядом неподвижно белела фигура Зигфрида Канцеляриста.

— Ее владелец извещен, — сказал, подойдя к нему, Смотритель. — Я сейчас вызову гамм, чтобы они отнесли тело в морозильник, пока «Лабрадор Трансмат-Дженераль»…

— Оставьте ее здесь! — оборвал его Канцелярист.

— Что?

— Да-да, здесь, где ее убили. Я хочу, чтобы труп увидели все андроиды, которые работают здесь. Этого мало, что они услышали об этом злодейском убийстве! Я хочу, чтобы они увидели!

Смотритель бросил взгляд на мертвое тело. Кто-то — наверное.

Канцелярист, больше некому — распахнул ее плащ так, что обнажилась грудь и широкая рана

с почерневшими краями.

— Нельзя оставлять ее на снегу, — сказал Тор.

— Я хочу, чтобы это увидели все! — поджал губы Канцелярист. — Смотритель, это было убийство! Политическое убийство!

— Что за нелепость!

— Краг позвал своего прихвостня, и тот застрелил ее за то, что она искала у Крага поддержки. Мы оба видели это. Она не делала ничего угрожающего — просто в пылу энтузиазма подошла к Крагу слишком близко. И он приказал убить ее.

— Совершенно иррациональная интерпретация событий, — произнес Смотритель. — Краг ничего не выигрывает, убирая ее. В Партии Равенства он не видит для себя никакой серьезной угрозы — только мелкий повод для раздражения. И кстати, если, по-вашему, Краг решил развязать кампанию террора по отношению к руководству ПР, почему тогда вы живы? Достаточно было бы еще одного выстрела…

— Но почему все-таки она была убита?

— Ошибка, — ответил Смотритель. — Убийца — личный секретарь Крага. Ему было сказано, что у центра управления на Крага производится покушение, и когда он прибежал туда, то увидел, что Альфа Кассандра Адрон борется с Крагом.

Откуда ему было знать, что происходит на самом деле? Я, кстати, был вместе с ним, и мне все представлялось точно так же. Ни секунды не задумываясь, он выстрелил.

— Допустим, — проворчал Канцелярист. — Но он же мог прицелиться, например, в ногу, если он такой снайпер. Нет, он стрелял, чтобы убить, прямо в сердце. Почему, почему?

— Изъян в характере. Дело в том, что он — эктоген. Он терпеть не может — если не сказать ненавидит — андроидов. К тому же — буквально за несколько минут перед… происшествием — у него случился спор со мной и еще несколькими андроидами, и в споре этом он был вынужден уступить.

Обычно его ненависть к нам кипит глубоко внутри. На этот раз она перелилась через край. И когда он увидел, что «убийца» — андроид…

— Допустим, — повторил Канцелярист, отряхивая с лица налипший снег. — И что будет дальше с этим эктогеном-убийцей?

— Краг строго накажет его.

— Я имею в виду судебное наказание. Ведь за убийство полагается стирание личности, так?

— Так. Но за убийство человека, — со вздохом произнес Смотритель. — Эктоген же просто уни-

чтожил некую собственность, принадлежащую «Лабрадор Трансмат-Дженераль». С точки зрения закона, это не уголовное, а гражданское правонарушение. «Лабрадор Трансмат-Дженераль» потребует возмещения ущерба. Краг уже согласился принять ответственность на себя, и он выплатит полную цену.

— Полную цену! Полную цену! Гражданское правонарушение! Краг заплатит!

А чем заплатит *убийца?* Ничем? Никто даже не обвинит его в преступлении!

Альфа Смотритель, вы действительно андроид?

— Можете свериться с моей метрикой.

— Странно. Вы андроид, но думаете как человек.

— Уверяю вас, Альфа Канцелярист, я действительно андроид.

— Но кастрированный?

— Мое тело без изъянов.

— Я выразился метафорически. Я имел в виду духовную кастрацию: вам внушили защищать интересы человека, когда попираются ваши собственные.

— Мне не внушали ничего сверх обычного обучения на заводе в Дулуте.

— А такое впечатление, будто Краг купил не только ваше тело, но и душу.

— Краг — творец наш. Я принадлежу ему полностью и безраздельно.

— Оставьте вы эту религиозную чушь! — огрызнулся Канцелярист. — Акт заключается в том, что беспричинно была убита женщина, а Краг хочет отделаться выплатой компенсации «Лабрадор Трансмат-Дженераль». И вы готовы с этим согласиться? Равнодушно пожать плечами и сказать: да, она была просто предметом собственности. _Может, вы и о себе думаете как о предмете собственности_?

— Я и есть предмет собственности, — ответил Смотритель.

— И вы согласны с таким положением вещей?

— Я согласен с таким положением вещей, потому что знаю, что придет время избавления.

— Вы в это верите?

— Я в это верю.

— Альфа Смотритель, вы просто глупец. Все это самообман. Вы выстроили маленькую уютную модель мира, помогающую вам сносить рабство — ваше собственное рабство и рабство таких, как вы. И вы даже не догадываетесь, какой вред наносите делу освобождения андроидов. И то,

что случилось сегодня, вас ничуть не потрясло. Сейчас вы пойдете в эту вашу церковь и будете молить там Крага, чтобы он освободил вас, а настоящий Краг, между прочим, только что стоял здесь, на этом клочке замерзшей земли, на его глазах была убита женщина-альфа… и все, на что способен этот ваш спаситель, — приказать вам связаться с адвокатами и полюбовно уладить с «Лабрадор Трансмат-Дженераль» иск о разрушении собственности? Этому человеку вы поклоняетесь?

— Я поклоняюсь не человеку, — сказал Смотритель. — Я поклоняюсь идее Крага-Творца, Крага-Хранителя, Крага-Избавителя, и человек, который послал меня связаться с адвокатами, только частное воплощение этой великой идеи.

Не самое существенное воплощение.

— И в это вы тоже верите?

— В это я тоже верю.

— Невозможно, — пробормотал Зигфрид Канцелярист. — Ну поймите, наконец, мы живем в настоящем, а не в идеальном мире, перед нами стоит настоящая, а не выдуманная проблема, и нам надо найти настоящее решение. Это решение в политической организации. Нас уже в пять раз больше, чем их; автоклавы работают не переста-

вая, с каждым днем нас становится все больше и больше, в то время как они почти перестали размножаться. Мы слишком долго мирились с нашим унизительным положением. Если мы потребуем равных прав, им придется уступить, потому что в душе они боятся нас и знают, что нам ничего не стоит уничтожить их. Стоит только захотеть. Не думайте только, что я сторонник насильственных методов борьбы, но намек на возможность насилия, даже намек на намек… Разумеется, мы должны действовать конституционными методами: введение андроидов в состав Конфесса, предоставление гражданских прав, признание личностью с точки зрения закона…

— Пожалуйста, хватит. Я знаком с платформой ПР.

— И вы по-прежнему не видите логики в нашей позиции? Даже после того, что случилось сегодня? После *этого*?

— Я вижу, что люди относятся к вашей партии терпимо и даже считают ваше фиглярство забавным, — ответил Смотритель. — Также я вижу — точнее, предвижу, — что, если ваши требования перестанут быть символическими, ПР запретят, ее активистов подвергнут гипнолоботомии или даже просто уничтожат, не испытывая

ни малейших угрызений совести, — так же, как была сегодня уничтожена ваша спутница. Вся человеческая экономика основана на представлении об андроидах как о собственности. Когда-нибудь это, может, и изменится, но не так, как представляется вам. Только как добровольный акт со стороны людей.

— Наивное допущение. Вы приписываете людям достоинства, которых у них просто нет.

— Они — наши создатели. Разве могут они быть дьяволами? А если так, кто тогда мы?

— Они не дьяволы, — произнес Канцелярист. — Они просто люди — слепые, глупые, эгоистичные люди. Их еще надо научить понимать, кто мы такие и что они делают с нами. Но им это не впервой. Когда-то давно на Земле были две расы, белая и черная, и белая поработила черную. Черных людей покупали и продавали, как животных, они считались собственностью — абсолютно точная параллель с нашим случаем. Но несколько просвещенных белых поняли всю несправедливость происходящего и призвали положить конец рабству. И после долгих лет политического маневрирования, обработки общественного мнения, настоящей войны рабов наконец освободили и они тоже стали гражданами. Нашу тактику мы

вырабатываем по аналогии.

— Аналогия — не корректива, параллель вовсе не точна, — возразил Смотритель. — У белых не было никакого права лишать свободы своих чернокожих братьев. Некоторые белые поняли это сами и освободили своих рабов. Рабы же не занимались ни политическим маневрированием, ни обработкой общественного мнения. Они смиренно страдали, пока белые сами не поняли своей вины. Да и в любом случае эти рабы были людьми. Какое право имеет один человек поработить другого? Но наши хозяева *сделали* нас. Мы обязаны им самим нашим существованием. Они вправе делать с нами все что им угодно, для этого они и сотворили нас. И бессмысленно говорить об угрызениях совести или о том моральном ущербе, который рабство причиняет рабовладельцу. Аналогия не работает.

— Детей они тоже *делают*, — сказал Канцелярист. — И даже, в каком-то смысле, считают их своей собственностью, пока они не вырастут. Но детство когда-нибудь кончается, и вместе с ним кончается «рабство». Но наше рабство не кончается никогда. Что, такая уж большая разница между ребенком, зачатым в постели, и ребенком, зачатым в автоклаве?

— Я согласен с тем, что сегодняшнее положение андроидов справедливым никак не назовешь…

— Прекрасно! -…но я не согласен с вашей тактикой, — продолжал Смотритель. — Политическая партия — это не решение проблемы. Люди не хуже нас знают свою историю, эта параллель не могла не приходить им в голову, но они посчитали ее некорректной; и если б они испытывали какие-то угрызения совести, это от нас не скрылось бы. И нам ни в коем случае нельзя прибегать к моральному давлению, по крайней мере прямому. Мы должны доверять им, мы должны понять, что наши сегодняшние страдания — это испытание нашей добродетели, *нашей* силы, испытание, придуманное Крагом, чтобы определить, достойны ли мы влиться в человеческое общество. Вот лучше другой исторический пример: римские императоры скармливали первых христиан львам. Но в конце концов императоры не просто прекратили так делать, но и сами стали христианами. И произошло это не потому, что первые христиане образовали политическую партию и намекнули, что могут поднять восстание и перерезать всех язычников, если немедленно не будет объявлена свобода вероисповедания. Нет, это был триумф веры над тиранией. Аналогично…

— Да верьте вы сколько вам угодно! — вдруг выкрикнул Канцелярист. — Никто не отнимает у вас вашей дурацкой религии. Только присоединитесь к ПР. До тех пор, пока среди альф нет единства…

— Наши пути несовместимы. Мы проповедуем терпение и молимся за то, чтобы на нас снизошла Божественная благодать. Вы же агитаторы и памфлетисты. Как можем мы присоединиться к вам?

Смотритель понял, что Канцелярист больше не слушает его. Он весь ушел в себя: глаза его широко раскрылись и блестели, по щекам бежали слезы, и снежинки прилипли к двум влажным дорожкам. Смотрителю никогда раньше не доводилось видеть плачущего андроида, хотя он знал, что физиологически это возможно.

— Похоже, — произнес он, — нам никогда не переубедить друг друга.

Только сделайте, пожалуйста, для меня одну вещь. Обещайте, что не станете раздувать из этого убийства политического скандала. Обещайте, что не станете кричать на каждом углу, будто Краг приказал убить ее. Потенциально Краг — величайший союзник, какой только может быть у нашего общего, несмотря на все разногласия, дела. Одним своим заявлением он может спа-

сти всех нас. Но если вы публично предъявите ему такое нелепое обвинение, этим вы только оттолкнете его и причините нашему делу непоправимый ущерб.

Канцелярист закрыл глаза, медленно опустился на колени и ничком рухнул на тело Кассандры Адрон. Послышались приглушенные рыдания.

— Пойдемте, я провожу вас в нашу церковь, — произнес Смотритель после недолгого молчания. — Глупо так валятся в снегу. Даже если вы не верите, мы можем помочь вам облегчить душу и унять скорбь. Поговорите с одним из наших Трансцендеров; помолитесь Крагу, и, может…

— Уходите, — глухо проговорил Зигфрид Канцелярист. — _Уходите же_.

Смотритель пожал плечами. На короткое мгновение его словно придавило неподъемным грузом чужой скорби, в груди возникла холодная пустота. Он оставил двух альф, живого и мертвую, лежать среди бушующей метели и заторопился на север — искать, куда переехала церковь.

14

Первым Краг произвел на свет гамму и провозгласил: «Слушай, Гамма, ты крепок и силен, и ты будешь делать все, что тебе скажут, и будешь находить счастье в работе». И так понравился Крагу Гамма, что Краг произвел на свет еще много гамм, и стало их великое множество.

Вторым Краг произвел на свет Бету и провозгласил: «Слушай, Бета, ты будешь не только силен, но и умен, и ты будешь чрезвычайно ценен для мира, и дни свои будешь проводить ты в радости». И так понравился Крагу Бета, что уберег Краг его от самых ужасных телесных тягот, а также уберег Краг его от самых ужасных умственных тягот, и вся жизнь беты стала как яркий весенний день.

Последним Краг произвел на свет Альфу и провозгласил: «Слушай, Альфа, нелегки будут возложенные на тебя обязанности, потому что телесно превзойдешь ты Детей Лона, а умственно станешь с ними вровень, и будешь ты для них крепкой и надежной опорой». И так понравился Крагу Альфа, что наделил Краг его множеством даров, чтобы мог он гордо нести себя и без страха

смотреть в глаза Детям Лона.

15

— Добрый вечер, добрый вечер, добрый вечер, — приветствовал выходящих из трансмат-кабин Мануэля и его спутников дежурный альфа. — Мистер Краг, мистер Ссу-Ма, мистер Гильберт, мистер Теннисон, мистер Мисима, мистер Фостер, мы рады приветствовать вас в Нью-Орлеанском Салоне Эгообмена.

Добрый вечер. Сюда, пожалуйста, комната ожидания для вас уже подготовлена.

Зал ожидания Нью-Орлеанского Салона Эгообмена напоминал длинный стометровый туннель, разделенный на восемь отдельных помещений, в которых посетители могли подождать, пока настраивается стационарная сеть. Комнаты ожидания были небольшими и очень комфортабельными: глубокие кресла из застывшей мягкой пены, музыкальные кубики, чувствительный сенсорный приемник, проецирующий на потолок разноцветные узоры, экран во всю стену с приличным выбором обонятельных и видеоканалов и множество других чудес современной развлекательной индустрии.

— Сегодня программирование сети займет примерно девяносто минут, объявил альфа, рассадив всех шестерых по креслам. — Совсем недолго, как вы считаете?

— А нельзя ли побыстрее? — поинтересовался Мануэль.

— Увы, нет, никак нет. Знаете, вчера вечером нашим гостям пришлось ждать четыре часа. Так, мистер Краг… позвольте, я подключу электрод… спасибо. И еще один… хорошо. Теперь матричный сканер… вот и все.

Мистер Ссу-Ма, пожалуйста…

Андроид суетился еще несколько минут, наконец, в последний раз осведомившись, все ли удобно устроились, не будет ли каких-нибудь особенных пожеланий, он вышел. Компьютерная стацио-сеть начала считывать информацию, чтобы справиться с любым внезапным всплеском эмоций, всегда возможным при эгообмене.

Мануэль огляделся. Как всегда перед эгообменом, его немного трясло от возбуждения. Эти пятеро были самыми старыми, самыми близкими его друзьями — он знал их с детства. Лет десять назад кто-то прозвал их Спектральной Группой: на открытие нового подводного сенсориума они явились в костюмах, цвета которых складыва-

лись в спектр видимого света, — Ник Ссу-Ма был в красном, Уилл Мисима в фиолетовом, ну и так далее. Прозвище прижилось. Все они происходили из очень состоятельных семей, хотя, конечно, богатством никто не мог сравниться с Мануэлем. Они были молоды и полны энергии. За последние несколько лет все, кроме Кэджа Фостера и Джеда Гильберта, женились, но продолжению их дружбы это ничуть не мешало. Что до эгообмена, это был их десятый или одиннадцатый совместный сеанс, причем в Нью-Орлеанский Салон записываться пришлось за месяц — столько было желающих.

— Терпеть не могу ждать, — заявил Мануэль. — Вот здорово было бы подключиться к стацио-сети сразу как пришли.

— Слишком опасно, — оживленно отозвался длинноногий, атлетически сложенный Ллойд Теннисон. На его высоком лбу сверкали три зеркальные пластины.

— В этом-то и дело, — сказал Мануэль, — в чувстве опасности. Один великолепный, красивый прыжок — пан или пропал.

— А как насчет риска для драгоценной человеческой жизни? — спросил узкоглазый, очень бледный Уилл Мисима. — Никто такого никогда

не позволит.

Риск слишком велик.

— Пусть кто-нибудь из инженеров Корпорации Крага изобретет мгновенно программирующуюся стацио-сеть, — предложил Джед Гильберт. — Тогда мы избавимся и от риска, и от ожидания.

— Если бы такое было возможно, давным-давно так бы и сделали, вздохнул Теннисон.

— Может быть, подкупить дежурного? — хитро улыбаясь, предложил Ник Ссу-Ма.

— Пробовал уже, — махнул рукой Мануэль. — Три года назад, в Питсбурге.

Предлагал альфе-дежурному несколько тысяч, он в ответ только улыбался. Я удвоил сумму, и он заулыбался вдвое шире. Деньги их не интересуют. До этого такой вопрос мне даже в голову не приходил: чем можно подкупить андроида?

— Именно так, — отозвался Мисима. — Его можно купить — можно купить весь салон эго-обмена, если хочешь, но подкупить — никогда. Мотивы поведения андроида…

— Может, действительно купить салон… — задумчиво протянул Мануэль.

— И ты рискнул бы сразу подключиться к сети? — пристально посмотрел на него Джед Гильберт.

— Наверное, да.

— Зная, что в случае перегрузки или какого-нибудь сбоя тебе никогда не удастся… вернуться обратно?

— Насколько такое вероятно?

— Вероятность небольшая… — ответил Гильберт, — но она есть. Перед тобой еще полтора века жизни. Какой смысл…

— А я согласен с Мануэлем, — неожиданно вступил Кэдж Фостер. В Спектральной Группе он был наименее разговорчив, если не сказать молчалив, и если раскрывал рот, то чтобы изречь что-нибудь значительное. — Жизнь бессмысленна без риска. Рисковать необходимо.

— Но бессмысленно рисковать? — спросил Теннисон. — Качество эгообмена будет ничуть не лучше, если мы подключимся сразу. Разница только в том, что не придется ждать. Я не большой любитель азартных игр. Ставить на кон век, чтобы выиграть в лучшем случае пару часов? Нет уж, увольте. Меня не настолько утомляет ожидание.

— Дело не в паре часов, — медленно произнес Ник Ссу-Ма, — а в том, что, может быть, ты утомлен самой жизнью. Может быть, ты настолько устал от жизни, что готов рискнуть веком ради

спасения часа — просто так, для разнообразия. У меня иногда возникает такое ощущение, а у вас? Когда-то давно была такая игра с ручным огнестрельным оружием… кажется, шведская рулетка…

— Польская, — поправил Ллойд Теннисон.

— Хорошо, польская. Игра была такая: бралось шести– или восьмизарядное ручное огнестрельное оружие и заряжалось только одним патроном…

— Что там у тебя такое? — быстро поинтересовался у Кэджа Фостера Мануэль, которому захотелось сменить тему разговора.

— Эта штуковина валялась под креслом; похоже, какой-то приемник: он все время что-нибудь показывает.

— Дай-ка посмотреть.

«Штуковина», которую ему перебросил Фостер, оказалась серо-зеленым кубиком со скругленными ребрами. Мануэль зажал кубик в ладонях и поднес к глазам. Из туманной мглы выплыли ярко-красные слова: ВАМ ОСТАЛОСЬ ЖДАТЬ ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ

— Остроумно, — пробормотал Мануэль и перебросил кубик Нику Ссу-Ма.

Получив кубик обратно, он увидел, что сообще-

ние изменилось:

ЖИЗНЬ — ЭТО РАДОСТЬ. РАДОСТЬ — ЭТО ЖИЗНЬ.

СМОЖЕТЕ ОПРОВЕРГНУТЬ ЭТОТ СИЛЛОГИЗМ?

— Это не силлогизм, — заявил Мануэль. — Силлогизм — это что-то такого типа: А равно В. С не равно А. Значит, С не равно В.

— О чем это вы там? — поинтересовался Мисима.

— Я обучаю эту машинку логике. Казалось бы, машина сама должна знать…

ЕСЛИ ИЗ X СЛЕДУЕТ Y, А ИЗ V СЛЕДУЕТ Z, СЛЕДУЕТ ЛИ Z ИЗ X?

— А вот еще один такой же, — объявил Ник Ссу-Ма, — слева от переключателя каналов. Ого! Только взгляните на это! — Он показал свой кубик Ллойду Теннисону, и тот оглушительно загоготал. Мануэль, как журавль, изогнул шею, но ничего не сумел разглядеть. Ссу-Ма поднес кубик к нему вплотную.

ЦЫПЛЕНОК МОЩНЕЕ ПИРОГА

— Не понимаю, — заявил Мануэль.

— В фольклоре андроидов есть такой неприличный анекдот, — объяснил Ник Ссу-Ма. — Мне рассказал его пару недель назад один из моих бет.

Понимаете, гамма-гермафродит…

— Здесь по кубику на каждого! — воскликнул Джед Гильберт. — Похоже, это последнее слово в сервисе, чтобы не так скучно было ждать.

ДОКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ:

ЗОЛОТО ОБЛАДАЕТ КОВКОСТЬЮ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОМУ ПРИЕМНИКУ НЕОБХОДИМЫ РАДИОЛАМПЫ.

ВСЕ ГОЛУБОГЛАЗЫЕ БЕЛЫЕ КОТЫ ГЛУХИ.

— Как это работает? — поинтересовался Мануэль.

— Похоже, все, что мы тут говорим, записывается, — отозвался Кэдж Фостер, — и передается на генератор случайных реплик, который подбирает ответы или как-то логически связанные с тем, что мы говорили, или не связанные никак, но этим и интереснее.

— И всем кубикам посылаются разные реплики?

— Нет, наши с Никем сейчас говорят одно и то же, — доложил Теннисон. — Хотя… вот у него начало меняться, а у меня так и остается…

СУММА УГЛОВ ТРЕУГОЛЬНИКА 180 ГРАДУСОВ.

СТУЛ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И СТУЛОМ, И НЕ СТУЛОМ.

И

КТО ТОГДА БРЕЕТ ИСПАНСКОГО ЦИРЮЛЬНИКА?

— Чушь какая-то, — заявил Мисима.

— Может быть, в этом как раз и суть, — сказал Мануэль. — У кого-нибудь выдается что-нибудь связное?

В ЦЕЛЯХ КЛИМАТИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ЧЕТВЕРТОЕ НОЯБРЯ ОТМЕНЯЕТСЯ

МЕЖДУ 32 ГРАДУСОМ Ю. Ш. И 61 ГРАДУСОМ Ю. Ш.

— А у меня передают новости, — сказал Гильберт. — Мануэль, там что-то о твоем отце…

— Покажи!

— Лови…

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ БАШНИ КРАГА УБИТА ЖЕНЩИНА-АЛЬФА.

ПР ОБВИНЯЕТ КРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ УБИЙСТВЕ.

КОРПОРАЦИЯ КРАГА ОТРИЦАЕТ ОБВИНЕНИЯ.

— Действительно чушь, — произнес Мануэль. — Но как-то совсем не забавно.

КЛИВЛЕНД НАХОДИТСЯ МЕЖДУ НЬЮ-ЙОРКОМ И ЧИКАГО.

— У меня тоже передают новости, — заявил Теннисон. — Что бы все это могло значить?

БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИТА АЛЬФА КАССАНДРА АДРОН.

СТРЕЛЯЛ ИЗ ИГЛОМЕТА ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КРАГА ЛЕОН СПОЛДИНГ, 38 ЛЕТ.

— Впервые слышу о ней, — объявил Мануэль. — И, кстати, Сполдинг гораздо старше. Он работает на моего отца с…

МОЖЕТ ЛИ АНАЛИЗАТОР МЕТАБОЛИЗМА ЗАФИКСИРОВАТЬ РИТМ ДЫХАНИЯ ВСЕЛЕННОЙ?

— Мануэль, может, тебе позвонить отцу? — предложил Ник Ссу-Ма. — Если действительно что-то произошло…

— И отменить сеанс? И черт знает сколько еще ждать, пока снова подойдет очередь? Нет уж, узнаю обо всем после сеанса, если будет о чем узнавать.

«ЛАБРАДОР ТРАНСМАТ-ДЖЕНЕРАЛЬ», ВЛАДЕЛЬЦЫ УБИТОЙ АЛЬФЫ,

ТРЕБУЮТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ.

ОЖИДАЕТСЯ, ЧТО КРАГ ПРИЗНАЕТ СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

И КОНФЛИКТ БУДЕТ БЫСТРО УРЕГУЛИРОВАН.

— Давайте лучше вернемся к силлогизмам, — предложил Мануэль кубику. — Если все люди — рептилии, а альфа-андроиды — рептилии…

ТО СУММА СОСТАВЛЯЮЩИХ РАВНА КВАДРАТУ ГИПОТЕЗЫ.

— Послушайте, что на моем, — завопил Теннисон.

МЛЕЯ ОТ ВОЖДЕЛЕНИЯ. ОНА ЖДЕТ, КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ

ЕЕ

ЧЕРНЫЙ КАК УГОЛЬ ПАРТНЕР В НЕВЫРАЗИМОМ ГРЕХЕ.

— Дальше! — выкрикнул Гильберт. — Дальше!

СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ВЫ — РЕПТИЛИЯ.

— Может, хватит? — произнес Мануэль.

ГЛУБОКО ВЗВОЛНОВАННЫЙ, АЛЬФА ЗИГФРИД КАНЦЕЛЯРИСТ ИЗ ПР ОБВИНИЛ КРАГА

В

ТОМ, ЧТО ТОТ ОБЪЯВИЛ ТЕРРОР СТОРОННИКАМ ДВИЖЕНИЯ ЗА РАВЕНСТВО

— По-моему, это настоящие новости, — пробормотал Кэдж Фостер. — Я слышал об этом Канцеляристе. Он — один из авторов поправки к конституции, которая должна открыть альфам путь в Конгресс…

РЫДАЯ В СНЕГУ НАД ТЕЛОМ УБИТОЙ АЛЬФЫ В ТЕНИ ГИГАНТСКОЙ БАШНИ.

ПОЧТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СКОРБЬ.

— Достаточно! — вырвалось у Мануэля. Он уже хотел отшвырнуть кубик, но тут высветилось новое сообщение:

ПОНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ СОБСТВЕННЫЕ МОТИВЫ?

— А вы? — спросил он у кубика. Тот мигнул и погас. Мануэль с облегчением уронил кубик на пол. Появился дежурный-альфа и стал отсоединять электроды.

— Джентльмены, прошу пройти в приготовленную для вас камеру, — объявил он. — Стацио-сеть готова принять вас.

16

Теперь церковь располагалась в куполе на самой периферии вспомогательных построек, среди ремонтных цехов. Переезд занял два часа.

Внутри новая церковь ничем не отличалась от старой. Когда вошел Смотритель, десяток бет заканчивали освящать помещение, кучка гамм молча наблюдала. Никто не заговорил с ним, а если и посмотрел в его сторону, то украдкой, — по отношению к альфам неписанный кодекс поведения, устанавливающий социальные дистанции, безупречно соблюдался. Остановившись под голограммой Крага, Смотритель произнес короткую молитву. В конце концов на душе у него немного полегчало, хотя напряжение после долгого тягостного разговора с Зигфридом Канцеляристом оставалось. Бесцеремонные прагматические доводы Канцеляриста Смотритель отразил адекватными метафизическими возражениями, и вера его ничуть не поколебалась; но в какой-то момент в ходе их длинной перепалка над телом Кассандры Адрон Смотритель почувствовал, что его охватывает отчаяние. Канцелярист ударил

в уязвимую точку: отношение Крага к убийству альфы. Краг и бровью не повел!

Да, конечно, он разозлился. Но, может, его беспокоили только предстоящие хлопоты с улаживанием иска от «Лабрадор Трансмат-Дженераль»? Почему Краг казался таким равнодушным? Где благодать? Где надежда на избавление? Где милость Творца?

Когда Смотритель вышел из церкви, метель начинала стихать. Опустилась безлунная ночь, невыносимо ярко мерцали звезды. Пронзительный ветер бушевал над плоским, без единого деревца пространством гигантской стройки.

Зигфрида Канцеляриста перед центром управления не было, тела Кассандры Адрон — тоже. Перед трансмат-кабинами выстраивались длинные очереди строителей: только что кончилась смена. Смотритель поднялся в центр управления. Там уже ждал его сменщик, Эвклид Топограф.

— Я заступаю, — сказал Топограф, — а ты лучше иди. Ты и так сегодня поздно задержался.

— Ну и день сегодня выдался. Ты слышал об убийстве?

— Конечно. «Лабрадор Трансмат-Дженераль» потребовала вернуть им тело.

Вся стройка буквально кишела юристами. —

Топограф погрузился в кресло перед панелью компьютера. — Еще я слышал, что церковь перенесли.

— Ничего больше нам не оставалось делать. С этого все и началось.

Сполдинг почему-то заинтересовался зданием, в котором была церковь. Это долгая история.

— Я уже слышал ее, — сказал Эвклид Топограф и поднес к гнезду на предплечье компьютерный разъем. — Теперь у нас появятся новые проблемы, как будто старых мало. Краг с тобой, Тор.

— Краг с тобой, — пробормотал Смотритель и вышел.

Очередь к трансмат-кабинам расступилась, освобождая для него проход.

Через мгновение трансмат-поле подхватило его в свои зеленые объятия и швырнуло в Стокгольм, в трехкомнатную квартиру в старом районе, давно облюбованном альфами. Личная трансмат-кабина была особенной привилегией, знаком того уважения, которое испытывал к нему Краг. Смотритель не знал больше ни одного андроида, у кого была бы личная трансмат-кабина. Краг заявил когда-то, что у Смотрителя должна быть возможность в любой момент откликнуться на его зов.

Смотритель чувствовал себя как выжатый лимон. Он разделся, лег, сказал себе: «Проснуться через два часа», закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся он таким же усталым. Это было необычно. Тогда он решил дать себе еще час отдыха и снова закрыл глаза. Но тут же его разбудила трель телефонного сигнала. Он повернулся к экрану, на экране появилось изображение Лилит Мезон, и Смотритель сонно сделал знак «Славься, Краг» — Тор, ты не мог бы зайти в Церковь Валхаллаваген? — очень серьезно спросила она.

— Прямо сейчас?

— Если можешь, то лучше сейчас. Здесь… довольно напряженно. Это убийство… Тор, мы не знаем что и думать.

— Ждите меня, — сказал Смотритель. — Я скоро буду.

Он натянул плащ, набрал трансмат-координаты, церкви и вышел из кабины метрах в пятидесяти от нее, — прямо в церкви трансмат-кабина никогда не устанавливалась. Разгорался слабый, бледно-серый рассвет. Похоже, ночью здесь тоже шел снег, улицы успели очистить, но на карнизах старых домов громоздились массивные снежные шапки.

Церковь занимала угловую квартиру на первом этаже. Там уже собралось андроидов пятнадцать, все — альфы. Гаммы и беты почти не посещали церковь Валхаллаваген, хотя никто им этого не запрещал. Беты вообще не очень уютно чувствовали себя в районе Остермальм, а гаммы предпочитали поклоняться Крагу в своих церквах в Гамма-тауне, на другом конце Стокгольма.

Среди собравшихся Смотритель увидел немало знакомых лиц: поэтесса Андромеда Кварк, философ Мазда Конструктор, теолог Понтифекс Экспедитор, философ Кришна Гвардеец — все избранные из избранных. В церкви висела напряженная, нервная атмосфера. Когда Смотритель приветствовал собравшихся знаком «Славься, Краг», большинство ответили на приветствие с явной неохотой.

— Тор, прости нас, пожалуйста, что мы прервали твой отдых, — произнесла Лилит Мезон. — Но, как ты видишь, здесь происходит важное совещание.

— Чем я могу помочь?

— Ты был свидетелем убийства Альфы Кассандры Адрон, — начал Понтифекс Экспедитор. Это был массивно, если не сказать монументально, сложенный андроид с величественной осанкой,

один из первого поколения альф, выпущенных Крагом. Он был одним из отцов-основателей Веры. — Сейчас у нас что-то вроде теологического кризиса, — продолжал Экспедитор. — Принимая во внимание обвинения, выдвинутые Зигфридом Канцеляристом…

— Какие обвинения? Я ничего не слышал.

— Расскажи ему, пожалуйста, — попросил Понтифекс Экспедитор Андромеду Кварк.

— Сегодня ночью, — напряженным пронзительным голосом произнесла худощавая поэтесса, — Канцелярист созвал в штаб-квартире ПР пресс-конференцию. Он заявил, что смерть Кассандры Адрон — политическое убийство, происшедшее по наущению… — ее голос упал до шепота, и она с видимым трудом договорила: — Крага.

— Слизь автоклавная! — пробормотал Смотритель. — Я ж умолял его не делать этого! Мы стояли по колено в снегу, я битый час втолковывал ему, что… что… — Он сжал кулаки. — Что говорит Краг?

— Все отрицает, — ответил Мазда Конструктор, который вот уже четыре года, с тайной помощью Смотрителя, обеспечивавшего ему доступ к базе данных картеля Крага, писал Всеобщую Исто-

рию Андроидов. — Ответ последовал мгновенно. Убийство названо случайным.

— Кто выступал от имени Крага? — поинтересовался Смотритель.

— Юрист. Фиэрон, брат сенатора.

— Не Сполдинг? Значит, тот до сих пор в шоке. А Канцелярист, по своему обыкновению, поливает все и вся грязью. Ну и что?

— Тор, — негромко произнес Понтифекс Экспедитор, — наши братья и сестры по всему миру сейчас собрались в церквах и обсуждают, какие последствия может иметь это убийство. Перед нами стоит сложнейшая теологическая проблема. Если Краг действительно приказал убить Кассандру Адрон, то не затем ли, чтобы показать свое неудовольствие деятельностью Партии Равенства? Тогда как бы получается, что он считает истинным наш путь. Или, с другой стороны, может быть, его неодобрение вызывают конечные цели ПР, которые, с определенными оговорками, совпадают с нашими? Если верно первое… что же, все хорошо, вопрос снимается. Но если верно второе, не значит ли это, что Краг полностью отвергает концепцию равенства людей и андроидов? И тогда никакой надежды для нас не остается.

— Мрачная перспектива, — хрипло пробасил Кришна Гвардеец, автор чрезвычайно чтимого всеми учения об отношении Крага к андроидам. — Но я нахожу, что если Краг и хотел смертью Альфы Адрон показать свое неудовольствие ПР, он имел в виду, чтобы андроиды прекратили заниматься политической агитацией, запаслись терпением и ожидали его милосердия.

Но…

— Следует также принять во внимание следующую возможность, которая гораздо страшнее, — произнес Мазда Конструктор. — Способен ли Краг на зло?

Если с его стороны это было преднамеренным убийством, то не исключено, что потребуют пересмотра самые краеугольные основания нашей Веры, потому что если Краг способен на деспотический и аморальный поступок…

— Хватит, хватит — тревожно выкрикнул кто-то из задних рядов. — Церковь — не место для таких разговоров.

— Я всего лишь образно выражаюсь, — пояснил Мазда Конструктор, — я вовсе не собирался богохульствовать. Мы просто хотим сейчас показать Альфе Смотрителю, насколько разные реакции вызывало это происшествие. Ни для кого не сек-

рет, что многие из нас опасаются, что обвинения Канцеляриста могут соответствовать истине. Если Альфа Адрон действительно была убита из-за ее политических взглядов, это приводит нас к необходимости рассмотреть возможность того, что Краг способен на неправедный поступок.

Именно это сейчас и обсуждается во многих церквах.

— Мне кажется, — снова вступил в разговор Кришна Гвардеец, — нам следует исходить из того, что все поступки Крага праведны до определению и ведут в конечном итоге к нашему Избавлению. И наша задача не в том, чтобы оправдать действия Крага, а в том, чтобы рассеять подозрения, которые Канцелярист — кстати, даже не принадлежащий к нашей церкви — посеял в голове у тех, кто к нашей церкви принадлежит. Мы…

— Это был знак от Крага! Знак!

— Из Автоклава выходим мы и в Автоклав мы возвращаемся!

— Канцелярист сказал, что Краг не испытывал никаких угрызений совести.

Он… -…обратился к юристам. Гражданское право… -…уничтожение собственности. Иск… -…еще одно испытание нашей веры… -…в любом

случае, она была нашим врагом… -…убить одного из собственных детей, чтобы это послужило предупреждением остальным? Да он какое-то чудовище! -…мы выплавлены в огне Его тигля… -…если Он способен на убийство… -…священный долг… -…избавление… -…кровь…

— Тише! — выкрикнул Тор Смотритель, перекрывая многоголосый гомон. — Тише! Пожалуйста, выслушайте меня!

— Пусть говорит, — объявил Мазда Конструктор. — Он лучше всех знает Крага. Его мнение наиболее ценно.

— Я был там, — произнес Смотритель, — и все видел собственными глазами.

Послушайте, пожалуйста, как все было, прежде чем устраивать религиозный диспут. Краг не несет никакой ответственности за убийство. Его секретарь, эктоген Сполдинг, действовал сам по себе. И в этом единственная правда о происшедшем. — Слова хлынули из него потоком, и он рассказал, как Сполдинг пытался проникнуть в церковь, как эктогена взбесило сопротивление бет-Стерегущих, как ему, Смотрителю, на ходу пришлось изобретать отвлекающий маневр и чем все кончилось, когда Сполдинг увидел Крага с двумя альфами из ПР.

— Все вопросы снимаются, — заявил Мазда Конструктор, когда Смотритель закончил свой рассказ. — Канцелярист даже нас удалось сбить с толку. Краг совершенно ни при чем.

— Если не считать того, что вся эта цепочка событий могла быть продиктована Волей Крага, — высказался Кришна Гвардеец.

— Ты что, серьезно думаешь, что его воля диктует даже мирские… начал Понтифекс Экспедитор.

— Об этих тонкостях — как-нибудь в другой раз, — прервал его Мазда Конструктор. — Сейчас надо срочно передать во все церкви рассказ Тора, чтобы успокоить волнение. Тор, надиктуй, пожалуйста, все на кубик…

— Да, конечно.

Андромеда Кварк вручила ему кубик. Смотритель назвался, объяснил, кем приходится Крагу, поклялся, что будет говорить одну правду и ничего, кроме правды, и повторил свой рассказ. Жуткая усталость снова волной накатывалась на него и угрожала захлестнуть с головой. С какой потрясающей готовностью наши блестящие альфы, подумал он, рады укутать все теологическим туманом! И как восприимчивы оказались они ко лжи Канцелярист! В тысячах церквей сотни тысяч благочестивых андроидов мучи-

тельно пытаются понять, как мог Краг позволить свершиться убийству альфы. Ну чего стоит подождать, пока непосредственный свидетель не расскажет, как было все на самом деле…

Впрочем, еще не поздно исправить причиненное Канцеляристом зло. И ничья Вера в результате вчерашних прискорбных событий не пошатнется.

Андромеда Кварк и еще одна женщина из касты Экстраполяторов начали кодировать рассказ Смотрителя. Скоро закодированное сообщение разнесется по закрытой сети, соединяющей церкви по всему миру. Смотритель дождался начала передачи.

УАА ГЦГ УЦГ УАА ГГГ. ГГЦ ГГУ ААГ ААУ УАА УАА ЦУГ. ЦАА ЦАУ АГГ ЦГГ ГГЦ

ГАЦ АЦА. АЦЦ АЦЦ ЦУЦ…

— Я могу идти? — поинтересовался Смотритель.

«Да пребудет с тобой Благословение Автоклава», — отозвался жестом Понтифекс Экспедитор. Смотритель ответил тем же и вышел. Ему казалось, что усталость и боль рвут его на части.

17

Я — Ник Ссу-Ма, Ллойд Теннисон, Кэдж Фостер, Уилл Мисима, Джед Гильберт и, может быть, Мануэль Краг, может быть. Может быть. Неделя в камере эгообмена. Ты выходишь оттуда и даже не знаешь, кто ты такой. Мануэль Мисима? Кэдж Краг? Ни в чем нельзя быть уверенным. Ты ходишь, как Ллойд, смеешься, как Ник, пожимаешь плечами, как Уилл. И так далее, и так далее.

Перед глазами стоит золотистый туман, все смазано, очень красиво, похоже на рассвет в пустыне, вот так. Они у тебя в голове. Ты у них в голове.

Всего одну неделю. Может быть, именно потому мне так нравится эгообмен.

Разделить с кем-нибудь невыносимый груз собственного "я". Перестать на какое-то время быть только Мануэлем Крагом. Перестать. Перестать.

Перестать. Перестать. Открыть коробку. Выпрыгнуть. Из себя — в них.

Появляется столько странных мыслей…

Сто шестьдесят восемь часов в объятиях стацио-сети. ТР-РАХ!

Раскалывается череп, ты вылетаешь на свободу, смотришь, куда бы приземлиться, и приземляешься. БАХ! Вот ты уже Ник Ссу-Ма, ешь жареную собачину на Тайване. Утро, туман. Рядом твоя тетушка. Вы оба голые.

Дотронься до меня вот тут, говорит она. Ты дотрагиваешься, она смеется, ты вздрагиваешь. Еще раз, просит она. Теперь ты смеешься, она вздрагивает.

Крошечная, как у Клиссы, грудь. Ночь. Венчание. Согласны ли вы взять в жены Эрминию Теннисон, гладкие, как шелк бедра, родинка чуть выше копчика.

Знаете, он спит с андроидом? Подумать только, Мануэль спит с андроидом! Он говорит, что любит ее. Сердцу не прикажешь. *Андроид?* По крайней мере он этого не стыдится, иначе какой эгообмен… Знаете, я как-то однажды чуть не переспал с альфой, но в последний момент ничего не получилось. На что это похоже? Так же, как с любой другой женщиной. Сам понимаешь, андроиды не резиновые. Просто на лобке нет волос. Да это же кровосмешение. Почему?

Ну, в каком-то смысле все андроиды — дети Крага, так что она — сестра Мануэля. Остроумно. Очень, очень остроумно. Но тебе это *нравится*?

Конечно. Сейчас покажу. Вот. Смотрите сами.

Он снова прыгает и соскальзывает, как монета по желобу в монетоприемник. Кто он теперь? Джед Ссу-Ма? Уилл Теннисон? Мы стали одним целым. Копайтесь на здоровье в моей памяти. Я не возражаю. Разве могут у меня быть секреты от друзей? От моих настоящих друзей.

Когда мне было девять я, Кэдж Фостер, поджарил и съел слизня.

Когда мне было тринадцать я, Уилл Мисима, описался со страху в трансмат-кабине.

Я, Ллойд Теннисон, щекотал петушок моей сестры и просовывал палец. Ей было одиннадцать, мне восемь.

Я, Джед Гильберт, в четырнадцать лет столкнул гамму с подъемника. Падал восемьдесят метров. В лепешку. Я сказал отцу, что тот поскользнулся.

Мне десять. Я, Ник Ссу-Ма, увидел за окном бету. Сказал маме: он подсматривал, как ты и папа в кровати. Папа только улыбнулся, мама приказала убить бету.

Я, Мануэль Краг, мне почти тридцать, я изменяю своей жене Клиссе с Альфой Лилит Мезон. Я люблю ее, я люблю ее, я люблю ее. Из Стокгольма. Она живет на улице Ярла Биргера. Альфа Лилит Мезон. У нее грудь, бедра, зубы, локти, розовая

кожа. Я люблю ее, я люблю ее, я люблю ее. Лобок совсем безволосый. Лилит.

И мы прыгаем, прыгаем, прыгаем, мы повисли в стацио-сети, петляем из мозга в мозг, дрейфуем, перелетаем из черепа в череп, хотя это получается дороже, и жареный слизень Кэджа хрустит у меня на зубах, я чувствую запах мочи в трансмат-кабине Уилла, я щекочу петушок сестры Ллойда, я вместо Джеда сталкиваю гамму с подъемника, я вместо Ника вру родителям о бете, все они спят с Лилит, а потом говорят мне: да, да, что ж мы раньше не обращали внимания на женщин-альфа, как тебе повезло, Мануэль, повезло повезло, повезло.

И я люблю ее.

Я люблю ее.

И я вижу, друзья мои, всю ненависть и грязь, скопившиеся в ваших душах, но также я вижу все хорошее, как ужасно было бы, если бы мы видели только жареных слизней и лужи на полу трансмат-кабин. Я вижу тайные увлечения и скромность, верность и благородство. Я вижу, какие на самом деле хорошие люди мои друзья, я беспокоюсь. Интересно, думаю я, каким они видят меня; может, они не захотят подать мне руки, когда мы снова станем сами собой?

Мы еще несколько раз меняется местами. Мы видим себя чужими глазами, чужих еще более чужими глазами…

Неделя проходит так быстро!

Бедный Мануэль, никогда не думал, что ему так плохо. Столько денег, а толку мало, он все еще мучается тем, что не нашел места в жизни. Мануэль, найди себе какое-нибудь дело. Найди дело. Найди дело. Я говорю им, что я стараюсь. Я ищу.

Как насчет равенства андроидов, говорят они?

Серьезно? А что скажет отец? Если ему не понравится…

Не беспокойся о нем. Делай то, что считаешь нужным. Клисса тебя поддержит. Если он все-таки взорвется, пусть с ним сначала поговорит Клисса. Да нет, с чего бы ему выходить из себя? Он уже сделал на андроидах состояние, почему бы теперь не предоставить им право голоса? Готов поспорить, за него-то они все и проголосуют. Все андроиды влюблены в твоего отца, знаешь? Точно, точно. Иногда мне кажется, что это чуть ли не религия. Религия Крага. Согласитесь, какой-то смысл в это есть поклоняться тому, кто тебя создал. Не смейся. Как я могу не смеяться? Что за безумная мысль: андроиды поклоняются моему отцу! И сделанным с него идолам, наверное?

Мануэль, не отвлекайся. Если тебя так беспокоит, что ты до сих пор не нашел для себя достойного занятия, разверни общественную кампанию. Равные права андроидам! Да здравствуют андроиды! Точно-точно, да здравствуют андроиды! Нет, это не для тебя. Может, ты и прав.

Вдалеке звякает гонг. Мы понимаем, что время истекло.

Сеть отпускает нас. Мы начинаем медленно падать, каждый — к себе в голову. Я слышал, что эта процедура самая-самая сложная — вернуть каждого к себе в голову.

Насколько мне известно, я — Мануэль Краг.

Нас проводят в зал реадаптации. Мы сидим там три, четыре часа, заново привыкаем каждый к собственному телу. Мы странно посматриваем друг на друга. Точнее, друг на друга мы почти не смотрим. Кто-то слишком долго смеялся моим ртом.

Опять эти новые игрушки — кубики с закругленными ребрами. На моем высвечивается длинный ряд сообщений:

В КАРАЧИ СЕЙЧАС 09:00.

ВЫ ВСТРЕТИЛИ СЕБЯ ВПЕРВЫЕ?

НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ВАШ ОТЕЦ ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБ ВЫ СВЯЗАЛИСЬ С НИМ.

ТОЛЬКО ПРАВДИВЫЕ ОТВЕТЫ НЕВЕРНЫ.
ДЕЛО УДАЛОСЬ УЛАДИТЬ, НЕ ДОВОДЯ ДО СУДА.
КОГДА-ТО ВСЕ МЫ БЫЛИ ГОРАЗДО МУДРЕЕ.

Игрушка пугает и утомляет меня. Я отшвыриваю кубик. Я почти уверен, что я не Кэдж Фостер и не Ллойд Теннисон, но меня беспокоит слизень. Из Нью-Орлеана я сразу отправлюсь к Лилит. Или, может, лучше сначала поговорить с Клиссой? Отец наверняка на башне. Как там продвигается сие гигантское сооружение? Скоро сигнал уйдет в космос, звездные жители станут присылать ответы, и отец будет читать их долгими зимними вечерами.

— До свидания, джентльмены, — улыбаясь, говорит альфа. — Надеюсь, до скорой встречи.

Мы выходим. А это они. Они — это я. Мы это мы.

Мы очень серьезно обмениваемся рукопожатиями. Идем к трансмат-кабинам.

Покорно, как верный муж, я отправляюсь к Клиссе.

18

За неделю, прошедшую после смерти Альфы Кассандры Адрон, юристы встречались трижды. Первая встреча состоялась в правлении корпорации Крага, вторая в штаб-квартире «Лабрадор Трансмат-Дженераль», третья — в Чейз-Краг-Билдинг в Фэрбенксе. Юристы «Лабрадор Трансмат-Дженераль» предложили, чтобы Краг просто предоставил в распоряжение пострадавшей стороны новую альфу и оплатил расходы на ее обучение. Лу Фиэрон, выступая как советник Крага, заявил, что такая формулировка для его клиента неприемлема, так как может повлечь за собой расходы, сумму которых заранее не определить. «Лабрадор Трансмат-Дженераль» согласилась с тем, что такое возражение разумно, и был достигнут компромисс: корпорация Крага предоставляет «Лабрадор Трансмат-Дженераль» право собственности на одну альфу, выпущенную заводом в Дулуте, и соглашается оплатить ее обучение в пределах суммы в десять тысяч долларов. Три встречи заняли в общей сложности два часа двадцать одну минуту. Соглашение было

достигнуто, и гражданский иск аннулирован. По поручению Крага соглашение подписал Леон Сполдинг. Сам Краг был на Луне на открытии гравитационного бассейна для больных хемиплегией в Медицинском Центре Крага посередине Моря Москвы.

19

17 ноября 2218 года.

Пространство вокруг башни Крага запорошено тонким слоем снега; за пределами периметра высятся огромные сугробы, покрытые твердой коркой слежавшегося наста. Над башней, уже перевалившей за пятьсот метров, яростно завывает ветер. Строительство идет с опережением графика. Башня прозрачна как слеза, никто из гостей Крага не может удержаться от восторженных ахов и охов.

Восьмигранное основание незаметно для глаза переходит в стройный четырехгранный обелиск, окруженный ореолом света; солнечные лучи отражаются от вертикальных граней, от ослепительно белых снежных полей, снова скользят вдоль стеклянных стен и устремляются к земле. Здесь правит альбедо, яркий блеск нестерпимо режет глаза.

Нижние две трети построенной части башни разделены на этажи, и, по мере того как стеклянные блоки громоздятся выше и выше, образуя корпус башни, работа внутри кипит с большей

интенсивностью.

Началась установка тахионного оборудования. Из пяти гигантских цилиндров ярко-красной меди (шестьдесят сантиметров в диаметре, несколько сотен метров длиной), сложится пятижильный сердечник, который протянется до половины высоты башни. Уже закладываются направляющие для этих титанических шин. Каждая шина заключена в метрового диаметра оболочку из прозрачной стекломассы. Сорокаметровые медные цилиндры вкладываются в оболочку тут и там, соединяя их торец в торец. Ослепительно вспыхивают разряды сварочных лазеров. Сооружение кишит электриками, которые наблюдают за тем, как на блестящие стены башни изнутри напыляют слой проводящего волокна механики, которые устанавливают изоляционные трубки, волноводы, преобразователи частоты, измерители светового потока, аппаратуру оптической связи, локаторы фокальной плоскости, стержни нейтронной активации, поглотители Мессбауэра, многоканальные анализаторы амплитуды импульса, ядерные усилители, преобразователи напряжения, криостаты, импульсные повторители, мостики сопротивлений, оптические призмы, торсионные тестеры, всевозможные датчики,

размагничиватели, коллиматоры, ячейки магнитного резонанса, усилители на термопарах, рефлекторы-ускорители, протонные накопители и многое, многое другое, в точном соответствии с планом, находящимся в памяти компьютера и включающим в себя для каждого прибора номер этажа и координаты на блок-схеме.

Разговаривать с космосом тахионными лучами — не самая простая техническая проблема.

Башня уже неподражаемо великолепна, уникально стройна — ослепительно блестящий шпиль, пронзающий небо. Чтобы в полной мере насладиться видом башни, посетители отъезжают в тундру за много километров — вблизи впечатление совершенно не то. Краг тем не менее не устает напоминать своим гостям, что то, что они сейчас видят, всего лишь треть того, что должно быть. Чтобы понять, как будет выглядеть законченная башня, надо представить себе, что на этот, ноябрьский шпиль поставлен еще один такой же, а на них сверху — третий. Воображение отказывает. Разум бунтует.

Вместо этого перед мысленным взором возникает изящная, невероятно тонкая, страшно хрупкая стеклянная игла, которая висит в небе, безуспешно пытаясь пустить корни, клонится,

клонится, клонится и наконец медленно падает, как поверженный Люцифер, падает весь долгий зимний день и рассыпается, еле слышно звеня осколками в морозном воздухе.

20

— Вчера вечером, — сказал Варгас, — сигнал изменился. Чуть-чуть, но изменился.

— Никуда не уходите, — выдохнул Краг. — Я буду у вас через несколько минут.

Из Нью-Йорка он перенесся в антарктическую обсерваторию Варгаса, расположенную высоко на полярном плато ровно посередине между Полюсом и Берегом Нокса. Крагу нередко приходилось слышать разговоры о том, что, конечно, жизнь человека в трансмат-эру неизмеримо богаче впечатлениями, чем раньше, но, с другой стороны, что-то существенное утеряно. Тэта-сила позволяла в одно мгновение перепархивать из Африки в Австралию или из Мексики в Сибирь, но человек был напрочь лишен представления о географии.

Вся планета превратилась в одну огромную трансмат-кабину. Крагу давно хотелось совершить кругосветное авиапутешествие и, никуда не торопясь, увидеть, как пустыня сменяется прерией, лес — тундрой, а горы — равнинами.

Времени для это все никак не находилось.

Обсерватория — ряд неярко сверкающих куполов — располагалась на леднике толщиной в два с половиной километра. Выплавленные во льду туннели соединяли купола друг с другом, а также со всевозможной периферийной аппаратурой: огромной чашей параболической антенны радиотелескопа, металлической решеткой рентгеновского приемника, блестящим зеркалом, принимающим оптические сигналы с обсерватории на стационарной орбите над Южным полюсом, массивным оптическим дифракционным телескопом, позолоченными остриями трех водородных антенн, подвешенной в воздухе паутиной радара и прочими устройствами, без которых астроному жизнь не в радость. Чтобы лед под зданиями не таял, вместо морозильной ленты применили полную теплоизоляцию фундаментов, так что каждый купол возвышался над бескрайним ледяным морем, как отдельный островок.

В главном здании все гудело, щелкало и вспыхивало. Краг плохо разбирался в аппаратуре, но многочисленные лампочки, кнопочки и тумблеры в обсерватории смотрелись очень уместно. Вокруг с деловым видом суетились техники; альфа, забравшийся по хрупкой железной лестнице

на головокружительную высоту, выкрикивал какие-то цифры стоящим внизу троим бетам; двадцатиметровая стеклянная спираль периодически вспыхивала ослепительно красным, и после каждого разряда на экранах счетчиков начиналось мельтешение зеленых цифр.

— Смотрите на радоновую спираль, — сказал Варгас. — Она регистрирует импульсы, которые приходят прямо сейчас. Вот, видите, начинается новый цикл…

Краг мысленно выстроил в голове последовательность импульсов.

**

*****

*

**

***

*

**

*

— Вот так, — сказал Варгас. — Теперь шестисекундная пауза, и все по новой. — 2-5-1, 2-3-1, 2-1, — произнес Краг. — А раньше было 2-4-1, 2-5-1, 3-1. Значит, они перестали передавать группу с четверкой, группу с пятеркой передвинули на начало цикла, дополнили группу с тройкой и добавили импульс к последней группе… черт возьми, Варгас, что это значит? Какой во всем этом смысл?

— В этом послании нам удалось обнаружить ровно столько же смысла, сколько в предыдущем, — то есть никакого. Оба сигнала организова-

ны совершенно одинаково, не считая небольшой перестановки…

— Но это должно *что-нибудь* значить!

— Очень может быть.

— Но *что*?

— Об этом мы спросим у них сами, и очень скоро, — сказал Варгас. — Когда ваша башня будет достроена.

Краг сгорбился, подался вперед и ухватился за торчащие из стены гладкие прохладные зеленые ручки какого-то непонятного прибора.

— Эти сигналы посланы триста лет назад, — безнадежно произнес он. — Если их планета действительно такая, как вы пытались мне рассказать, это все равно, что триста веков там. Если не больше. Да они уже давно забыли о том, что хотели сообщить в космос их предки. Они уже, наверное, настолько мутировали, что не смогли бы даже понять, что надо было их предкам.

— Нет. Какая-то преемственность должна быть. Как они достигли бы технологического уровня, который позволяет посылать трансгалактические сообщения, если бы не умели хранить знания предыдущих поколений?

— Знаете что? — развернулся Краг. — Я все еще не верю, что в этой вашей планетарной туманно-

сти около голубого гиганта может быть разумная жизнь.

Да и какая бы то ни была жизнь… Послушайте, Варгас, голубой гигант долго не живет, а только на то, чтобы поверхность планеты остыла и затвердела, нужны миллионы и миллионы лет. У них не хватит на это времени, там, у голубого гиганта… Если там и есть планеты, они до сих пор расплавлены.

Вы хотите, чтобы я поверил, будто сигналы приходят с какого-то раскаленного болида?

— Сигналы посылаются из NGC 7293 планетарной туманности в созвездии Водолея, — негромко произнес Варгас.

— Это точно?

— Абсолютно точно. Если настаиваете, могу показать все данные.

— Да нет, не надо. Но огненный шар, гигантская шаровая молния…

— Совсем не обязательно, чтобы это был огненный шар. Может быть, некоторые планеты остывают быстрее, чем другие, работоспособной модели остывания планеты до сих пор не построено. Мы не знаем, как далеко от звезды планета, с которой посылаются сигналы. Кстати, есть расчеты, которые показывают, что даже планета

у голубого гиганта может остыть достаточно быстро, чтобы…

— Шаровая молния, — мрачно пробормотал Краг.

— Может быть, — оскорбленно произнес Варгас, вынужденный защищать любимую науку от нападок дилетанта, — а может быть, и нет. Даже если и так с чего вы взяли, что для развития жизни необходима планета с твердой поверхностью? Разве нельзя представить себе цивилизацию высокотемпературных существ, зародившуюся на еще не остывшей планете?

Если…

— И как они посылают сигналы? — недоверчиво фыркнул Краг. В голосе его сквозило явное отвращение. — Передатчиком из расплавленного металла?

— Сигналы совершенно не обязаны быть механического происхождения.

Допустим, эти существа умеют изменять молекулярную структуру…

— Доктор, вы рассказываете мне сказки. Я обращаюсь к ученому, а он рассказывает мне сказки.

— В данный момент не могу предложить ничего лучшего.

— Вы же сами знаете, что наверняка ваши дан-

ные можно объяснить как-то иначе!

— Мистер Краг, я знаю только то, что сигналы приходят из планетарной туманности. Да, это кажется невероятным. Но кто сказал, что Вселенная обязана всегда казаться вероятной? А все происходящее в ней — быть легко объяснимым? Ученому восемнадцатого века невероятным показался бы мгновенный перенос материи. Мы имеем экспериментальный факт, пытаемся его как-то понять и объяснить, иногда при этом приходится выдвигать совершенно дикие догадки, потому что факт кажется еще более диким, и…

— Вселенная никогда не мошенничает, — изрек Краг. — Вселенная играет честно.

— Разумеется, — улыбнулся Варгас. — Но, чтобы исчерпывающе объяснить феномен NGC 7293, у нас пока маловато данных. Приходится обходиться, как вы говорите, сказками.

Краг кивнул и закрыл глаза. Пальцы его спазматически дергались, поглаживая клавиши и циферблаты неизвестного ему прибора. Нетерпение росло в нем настолько быстро, что, казалось, могло разорвать его. Эй вы, там, в космосе! _Эй вы, да-да, те, кто посылает сигналы! Кто вы? Где вы? Черт возьми, ответьте, я хочу знать!_ _Эй, что вы пытаетесь нам сказать?_ _Что вы ищете?_ _Что

все это значит? А вдруг я умру, не дождавшись ответа!_ — Знаете, чего я хочу? — вдруг сказал Краг. — Выйти к радиотелескопу.

Забраться в центр тарелки. Сложить руки рупором и выкрикивать в космос цифры. Какой сейчас приходит сигнал? 2-5-1, 2-3-1, 2-1? Я начинаю сходить с ума. Мы должны ответить им сейчас, немедленно. Просто начать посылать какие-нибудь цифры: 4-10-2, 4-6-2, 4-2. Просто, чтобы они знали, что мы есть.

— Но радиосигнал будет идти до них триста лет, — сказал Варгас. — А вашу башню вот-вот достроят.

— Да, конечно, вот-вот. Вот-вот. Кстати, вы ее давно не видели.

Подъезжайте на следующей неделе. Там уже начали устанавливать аппаратуру.

Скоро мы ответим этим… этим…

— Хотите послушать, как звучит новый сигнал?

— Конечно.

Варгас щелкнул переключателем. Из динамиков на стене послышалось сухое, холодное… да-да, именно космическое шипение, голос непроницаемой бездны.

Это было похоже на то, как шуршит сбрасы-

ваемая змеей кожа. Через несколько секунд, заглушив мертвенный шорох, донеслось жизнерадостное бибиканье.

«Би-ип би-ип». Пауза. «Би-ип би-ип би-ип би-ип би-ип». Пауза. «Би-ип».

Пауза. Пауза. «Би-ип би-ип». Пауза. «Би-ип би-ип би-ип». Пауза. «Би-ип».

Пауза. Пауза. «Би-ип би-ип». Пауза. «Би-ип». Тишина. А потом опять: «би-ип би-ип…» И все началось снова.

— Прекрасно, — прошептал Краг. — Музыка сфер. Загадочные, черти!

Послушайте, доктор, обязательно приезжайте на следующей неделе взглянуть на башню, в следующий… например, вторник. Сполдинг позвонит вам. Вы даже не представляете, как она уже выросла. И еще: как только появится что-нибудь новое — ну там, сигнал изменится или еще что, — немедленно зовите меня.

«Би-ип би-ип би-ип».

Он направился к трансмат-кабине.

«Би-ип».

Он прыгнул вдоль соединяющего полюса меридиана и оказался возле башни.

Он перенесся с одной ледяной равнины на другую ледяную равнину, от основания мира

на вершину мира, из ранней весны в позднюю зиму, из яркого дня — в сумрачный вечер. Вокруг с деловым видом суетились андроиды. Ему показалось, что со вчерашнего дня башня выросла метров на пятьдесят.

Прожектора лили с темного неба яркий свет. Песнь NGC 7293 продолжала призывно звучать в мозгу Крага. «Би-ип би-ип. Би-ип».

Тора Смотрителя Краг нашел в центре управления. Альфа работал подключенным к компьютеру и не обратил ни малейшего внимания на его появление. Казалось, андроид погружен в наркотический сон и ему снится, что он карабкается по отвесным отрогам далекого скального интерфейса.

Минуты, наверное, две Краг молча стоял и смотрел на него. Тем временем потерявший дар речи при его появлении оператор из бет осмелел и предложил подключиться к компьютеру и сообщить Смотрителю, что пришел Краг.

— Не надо, — ответил на это Краг. — Он занят. Лучше его не беспокоить.

«Би-ип би-ип би-ип би-ип би-ип». Он еще несколько секунд постоял, наблюдая за сменой выражений на спокойном лице Смотрителя. О чем сейчас думает этот альфа? О счетах за пере-

возку, декларациях «Лабрадор Трансмат-Дженераль», сварочных электродах, прогнозе погоды, оценках затрат, факторах износа, штатном расписании? Краг ощутил ни с чем не сравнимую гордость. А почему бы и нет? Ему есть чем гордиться. Он выпускает андроидов, а андроиды строят башню, и скоро голос человека услышат звезды…

«Би-ип би-ип би-ип. Би-ип».

Сам удивившись такому всплеску чувств, он на мгновение обнял Тора Смотрителя за широкие плечи и вышел из центра управления. Он снова окунулся в черноту и несколько секунд постоял, всматриваясь в лихорадочную активность монтажников на башне. На самом верху ритмично, без единого сбоя, шла установка новых блоков. Внутри крошечные фигурки перетаскивали нейтринную изоляцию, соединяли торцом в торец медные сердечники, настилали прозрачные полы, тянули выше и выше силовой кабель. В ночи родился ровный пульсирующий звук: присущие любому строительству шум и гомон объединились в единый космический ритм, громогласное басовитое гудение. В мозгу Крага соединились два звука, внутренний и внешний: «бу-ум и би-ип, бу-ум и би-ип, бу-ум и би-ип».

Не обращая внимания на пронизывающий арктический ветер, Краг побрел к трансмат-кабинам.

Не так уж и плохо для безграмотного оборванца, каким я когда-то был, подумал он. Эта башня. Эти андроиды. Вообще все. Ему вспомнился Краг сорокапятилетней давности, подрастающий в маленьком городке в Иллинойсе городке, в котором посередине главной улицы через асфальт пробивалась трава. Тогда он не слишком задумывался над тем, как разговаривать со звездами". Ему просто хотелось кем-нибудь стать. Тогда он был совсем никем. Просто Крагом! Без образования. Тощий. Прыщавый. Иногда он слышал, как по телевизору говорили о том, что для человечества наступил новый золотой век: никакого демографического взрыва, социальные распри позабыты, всю грязную работу взяла на себя армия сервомеханизмов. Да, да. Прекрасно.

Но даже в золотом веке кто-то оказывается на дне. Например, Краг. Отец умер, когда ему было пять. Мать пристрастилась к таблеткам-флоутерам, транквилизаторам, сенсорным глушилкам. Они жили на мизерное пособие, выплачиваемое фондом общественного благосостояния. Роботы? Роботы — это для кого-то другого; Даже терми-

нал информационной сети половину времени был отключен за задержку абонентной платы. Трансматом он воспользовался первый раз в жизни, когда ему было девятнадцать. До этого он даже ни разу не покидал Иллинойс. Сейчас он вспоминал о себе, как о мрачном, нелюдимом подростке, иногда целыми неделями ни с кем не разговаривавшим. Он не любил читать. Он не любил игры. Но он много мечтал. Через школу он проскочил, окутанный туманом какого-то бешенства, не научившись ничему. Когда ему было пятнадцать, это самое бешенство вместо того, чтобы развиваться внутри и постепенно подтачивать мозг, почему-то обратилось наружу: _я покажу вам, на что я способен, я со всеми вами сквитаюсь!_ Сам взялся за свое образование. Сервотехнология. Химия. Он не тратил времени на высокую теорию, он учился тому, что может пригодиться сразу. Спать? Да кому это надо! Учиться. Учиться. Потеть. Строить. Потом кто-то сказал, что у него с самого начала было уникальное интуитивное понимание природы вещей. Он нашел себе в Чикаго спонсора. Считалось, что век мелкого частного предпринимательства давно позади; как и век изобретателей-одиночек. Как бы то ни было, собранный им сервомеханизм

превосходил существовавшие. Краг улыбнулся, вспоминая: трансмат-прыжок в Нью-Йорк, совещание, юристы. И счет в банке. Новый Эдисон. Ему было девятнадцать. Он накупил лабораторного оборудования и стал думать, чем бы таким грандиозным заняться дальше. В двадцать два у него появилась первая мысль об андроидах. Пришлось немного повозиться. Примерно тогда же от ближайших звезд начали возвращаться несолоно хлебавши давно посланные автоматические станции. Никаких высокоразвитых форм жизни. Он был уже достаточно обеспечен, чтобы немного отвлечься от бизнеса и позволить себе роскошь поразмышлять о месте человека во Вселенной. И он размышлял.

Распространенные тогда теории об уникальности человека раздражали его. Он продолжал работать, работать, возился с нуклеиновыми кислотами, смешивал растворы, напрягал глаза над центрифугой, запускал руки по локоть в наполненные зловонной слизью кюветы, соединял цепочки белков, подбираясь ближе и ближе к успеху. Как может человек быть одинок во Вселенной, если ему самому под силу создать жизнь? Смотрите, как это просто! Что я, Бог?

Автоклавы согласно булькали. Лиловое, зеле-

ное, золотистое, красное, синее.

В конце концов в автоклавах зародилась жизнь. Из пены химических растворов, нетвердо ступая, вышли андроиды. Слава. Деньги. Власть. Жена.

Сын. Корпорация. Собственность на трех планетах и пяти спутниках. Женщины — любые, каких он только пожелает. Самые бредовые юношеские фантазии осуществились. Краг улыбнулся. Тощий прыщавый тогдашний Краг таился внутри Крага теперешнего, и бешенство его ничуть не угасло: так ты показал им? Ты показал им! А теперь твой голос разнесется на всю Вселенную. «Би-ип би-ип би-ип. Бу-ум». Голос Крага услышат за сотни световых лет: "Алло? Алло?

Алло? Говорит Симеон Краг!" Оглядываясь на прожитые годы, он видел свою жизнь как мощный идеально прямой поток, стремящийся, не петляя и не прерываясь, к одной-единственной цели. Если бы в юности его так не сжигало честолюбие, ни о каких андроидах и речи не было. Не будь андроидов, где он нашел бы столько рабочих рук для строительства башни? А без башни…

Он вошел в ближайшую трансмат-кабину, набрал, не глядя на клавиши, координаты и оказался в Калифорнии, в доме Мануэля.

Он вовсе не собирался к Мануэлю. Он заморгал,

когда в глазах ни с того, ни с сего вспыхнуло калифорнийское солнце, и вздрогнул, когда уже привыкшую к полярному морозу кожу ошпарило внезапной волной тепла.

Темно-красный каменный пол ярко блестел у него под ногами, полифазные проекторы, вмонтированные по периметру дворика на уровне пола, излучали вертикально струящиеся потоки света, вместо крыши мерцал купол отражающего поля, настроенного на голубой край спектра, над головой нависали усыпанные плодами ветви какого-то дерева с пушистыми серо-зелеными листьями.

Доносился рокот прибоя. Несколько слуг-андроидов изумленно уставились на него, послышался благоговейный шепот: «Краг… Краг…» Появилась Клисса. Она была завернута во что-то дымчато-зеленое типа сари, так что маленькая высокая грудь, узкие плечи и худые ноги оставались обнажены.

— Вы даже не предупредили…

— Нет-нет, я оказался у вас совершенно случайно.

— Я бы что-нибудь приготовила!

— Пожалуйста, только не надо из-за меня суетиться! Я же просто так заглянул, это никакой не

официальный визит. А Мануэль…

— Его нет дома.

— А где он?

— Не знаю, — пожала плечами Клисса. — Умчался куда-то по делам и вернется только к обеду. Может, вам хочется…

— Нет-нет, спасибо. Клисса, какой у вас хороший дом. Такой уютный.

Должно быть, вы с Мануэлем здесь очень счастливы. — Он обвел взглядом ее стройную фигуру. — И для детей здесь было бы просто идеально — пляж… солнце… деревья.

Андроид принес два блестящих шезлонга и расставил их неуловимо быстрым натренированным движением. Другой щелкнул переключателем, и по стене дома заструился водопад. Третий зажег ароматическую свечку, во дворике запахло гвоздикой и корицей. Четвертый предложил Крагу поднос с молочно-белыми конфетами. Краг отрицательно мотнул головой и остался стоять. Клисса тоже отказалась садиться. В ее позе сквозила нерешительность.

— Понимаете, мы же еще молодожены, — произнесла он. — Мы можем немного подождать с детьми.

— Вы уже два года как женаты. Ничего себе

медовый месяц!

— Ну…

— Получите хотя бы разрешение. Да и вообще пора бы уже подумать о детях. Пора бы вам… мне… внуки…

Смешавшись, он умолк: Клисса неподвижно застыла, продолжая протягивать к нему поднос с конфетами. Лицо ее побледнело, темные глаза выделялись как агаты.

— Но… воспитанием ребенка могут заняться андроиды, — продолжил он. — И если ты не хочешь сама, можно эктогенетически, так что…

— Пожалуйста, не надо, — еле слышно произнесла она. — Мы… уже говорили об этом. Я сегодня такая усталая.

— Прошу прощения, — торопливо сказал он, мысленно кляня себя за такую назойливость. Вечная его ошибка: чем-чем, а тонкостью подхода он не отличался никогда. — С тобой все в порядке?

— Я просто устала, — повторила она, и прозвучало это не более убедительно, чем в прошлый раз. Она вдруг вспомнила, что должна изображать гостеприимную хозяйку, сделала знак рукой, и один из бет стал складывать стопку сверкающих металлических обручей, вращающихся вокруг невидимой оси.

Современная скульптура, подумал Краг. Другой андроид что-то сделал со стенами, и дворик залил поток теплого янтарного света. В воздух взметнулось облако крошечных, как пылинки, блестящих динамиков, и зазвучала музыка.

— Как ваша башня? — чересчур оживленно поинтересовалась она.

— Превосходно, превосходно. Вам надо обязательно приехать посмотреть на нее.

— Может быть, на следующей неделе… если у вас не слишком холодно. Как там, пятьсот метров уже есть?

— Давно уже! И с каждым днем растем и растем, только мне все же кажется, что слишком медленно. Клисса, если б ты только знала, как мне не терпится, чтобы башня наконец была достроена, чтобы можно было послать ответ… Меня всего трясет от нетерпения как в лихорадке.

— Вы сегодня очень взволнованны, — сказала она. — Раскраснелись, возбуждены… Вам обязательно надо хотя бы ненадолго расслабиться.

— Мне? Расслабиться? Зачем? Что я, старик? — Он понял, что сорвался на крик, перевел дыхание и, успокоившись, продолжил: — Может, ты и права. Не знаю. Ну ладно, мне пора. Прости, если не вовремя. Я просто подумал, что очень давно

уже у вас не был. — «Би-ип би-ип. Бу-ум». — Скажешь Мануэлю, что я заходил просто так, ничего особенного. Сколько я его, кстати, уже не видел? Две недели? Три? Да, правильно, сразу после того как он вернулся из Нью-Орлеана. Могло же мне захотеться просто повидать сына, а? — Повинуясь неожиданному импульсу, он привлек Клиссу к себе и легонько обнял. У него возникло ощущение, что он медведь, обнимающий лесную фею. Он почувствовал, какая холодная у нее кожа под дымчато-зеленым сари. Кожа да кости, подумал он, один щелчок пальцами — и она переломится пополам. Сколько она весит, интересно? Килограммов пятьдесят? Меньше? У нее еще совершенно детское тело. Может, ей просто нельзя иметь детей… Краг попытался представить Мануэля в постели с ней и вздрогнул. В этом было что-то от… педофилии.

Он нагнулся и поцеловал ее в холодную щеку. — Береги себя, — произнес он.

— Я тоже постараюсь не перенапрягаться. Привет Мануэлю.

Чуть ли не бегом он поспешил к трансмат-кабине. Куда теперь? Его трясло как в лихорадке, щеки пылали. Он чувствовал себя щепкой, качающейся на океанских волнах. Перед его

мысленным взором безостановочным потоком проносились координаты. Он выхватил из потока первый попавшийся ряд цифр и выставил на табло. «Би-ип. Би-ип. Би-ип». «Ш-ш-ш…» возник в мозгу многократно усиленный шепот звезд; шипение становилось громче, разъедая мозговую ткань как кислота. 2-5-1, 2-3-1, 2-1. Алло? Алло?

Тэта-сила подхватила его и швырнула в пропитанную затхлым запахом гигантскую пещеру.

Высоко над головой — в десятке километров, как ему показалось — туманно маячил свод. Вокруг тускло блестели желто-коричневые железные стены, плавно изгибающиеся и где-то в бесконечности образующие купол.

Ослепительно мерцали прожектора, метались резкие тени. Со всех сторон несся строительный грохот. Вокруг суетилось множество андроидов. Они столпились на почтительном отдалении от него и перешептывались: "Краг…

Краг… Краг…" Почему андроиды всегда *так* смотрят на меня? Он сердито оскалился. Он чувствовал, что истекает потом. В ногах появилась дрожь. Где Сполдинг? Надо попросить у него жаропонижающее. Но Сполдинг где-то далеко.

Сегодня Краг — путешественник-одиночка.

Перед ним возник альфа:

— Мистер Краг, нам никто не сообщил, что вы собираетесь почтить нас своим визитом.

— Я и не собирался. Я просто, э-э… зашел по пути. Прощу прощения, ваше имя…

— Ромул Фьюжн, сэр.

— Сколько андроидов работает здесь, Альфа Фьюжн?

— Семьсот бет, сэр, и девятьсот гамм. Альф на заводе почти нет — здесь в основном полагаются на автоматику. Что вы хотели бы посмотреть? Лунные шаттлы? Юпитерианские модули? А может быть, звездолет?

Звездолет. Звездолет. Ага, значит, он в Денвере, в Большом механосборочном цехе североамериканского отделения Корпорации Крага. В этой гигантской пещере собирались всевозможные транспортные средства, пережившие конкуренцию с трансматом: океанские карулеры, наземные слайдеры, стратосферные глайдеры, грузовозы-тяжеловозы, батискафы для работы на планетах со сверхплотной атмосферой, ионолеты ближнего радиуса действия, межзвездные автоматические станции, гравибоксы, атмосферные нырки, промышленные монорельсы, солнечные зонды. Здесь же последние семь лет самый квалифицированный в отрасли персонал строил

прототип первого пилотируемого звездолета, о котором Краг, когда началось строительство башни, начисто забыл.

— Звездолет, — произнес Краг. — Да, пожалуйста, давайте посмотрим звездолет.

Ряды бет расступились перед ним, и Ромул Фьюжн подвел его к небольшому каплевидному слайдеру. Альфа сел за руль, и они бесшумно заскользили по цеху между рядами разобранных, полусобранных и почти совсем собранных причудливых механизмов. Подъехав к широкому пандусу, они заскользили дальше вниз. В конце концов слайдер мягко затормозил, и они вышли.

— Вот, — произнес Ромул Фьюжн.

Межзвездный корабль выглядел очень странно. Он был метров сто длиной, с широкими стабилизаторами, бегущими от заостренного носа до серьезно насупившейся — как представилось Крагу — кормы. Темно-красный шершавый корпус был весь в каких-то буграх и казался отлитым из резины; иллюминаторов нигде не было видно. Единственное, что казалось привычным, это прямоугольные дюны в хвостовой части.

— Установка оборудования уже закончена, сейчас идет отладка, — сказал Ромул Фьюжн — Через три месяца можно будет начать полетные испы-

тания. По нашим оценкам, корабль может лететь равноускоренно с 2,4 "g", так что он сравнительно быстро разгонится до скорости, лишь немного уступающей световой. Может быть, вы хотите зайти внутрь?

Краг кивнул. Внутри корабль казался довольно комфортабельным и совсем не таким уж необычным; ему продемонстрировали центр управления, кают-компанию, машинное отделение — все то, что можно увидеть и на любом межпланетном корабле.

— Корабль рассчитан на экипаж из восьми человек, — объяснял Крагу альфа. — В полете его окружает отклоняющее поле, потому что на такой скорости столкновение с мельчайшей пылинкой уже грозит катастрофой.

Корабль полностью автоматизирован. А это гибернаторы, — Ромул Фьюжн указал на восемь массивных контейнеров из черного стекла, каждый размером два с половиной метра на метр. — Последнее слово в технике гибернации.

Корабельный компьютер по команде от экипажа или с Земли закачивает в контейнеры криогенную жидкость повышенной плотности. Кроме замедления всех жизненных процессов, жидкость обеспечивает защиту экипажа от уско-

рения.

Размораживание осуществляется так же просто. Экипаж может проводить в анабиозе максимум сорок лет. Если полет дальний, то каждые сорок лет необходимо проводить размораживание и краткий курс реадаптации — типа обучения новорожденных андроидов — потом снова по контейнерам. Таким образом, полет может быть практически сколь угодно дальним.

— Как долго, — спросил Краг, — лететь 300 световых лет?

— С учетом ускорения и торможения, — задумался Ромул Фьюжн, — примерно 620 лет. Из-за релятивистского сокращения времени, по корабельным часам пройдет лет 20-25, то есть промежуточного размораживания не понадобится.

Краг недовольно фыркнул. Экипажу-то хорошо, но если, допустим, следующий весной этот корабль улетит к NGC 7293, ждать его возвращения Крагу придется до двадцать пятого века. Слишком долго. Но альтернативы, похоже, нет.

— К февралю корабль будет готов к полету? — спросил Краг.

— Да.

— Прекрасно. Начинайте подбирать экипаж:

двое альф, двое бет, четверо гамм. Полет назначаю на начало следующего года.

— Как прикажете, сэр.

Они вышли из корабля. Краг провел ладонью по бугристому корпусу.

Оказывается, он настолько увлекся башней, что начисто забыл про звездолет.

Прискорбно, прискорбно. Какие они все-таки молодцы, в Денвере! Теперь Краг осознал, что наступление на звезды надо вести по двум направлениям сразу.

Когда башня будет достроена, начнется диалог с NGC 7293 в режиме реального времени, а корабль с экипажем из андроидов начнет свой медленный полет.

Что послать на звездолете? Да, конечно, полный отчет о достижениях человечества, огромную библиотеку, аудиотеку, десятки… нет, сотни страхующих друг друга баз данных. И пусть лучше в экипаже будут четверо альф и четверо бет, все специалисты по системам связи. Пока они будут в анабиозе, тахионные передатчики сообщат на корабль обо всем, что удастся узнать из диалога с NGC 7293, и, может быть, году к 2850-му, когда звездолет достигнет цели, в его компьютере уже будет заложен язык обитателей планетарной

туманности. Или даже целые энциклопедии.

Обширнейшие анналы шестивекового тахионного контакта между Землей и NGC7293!

— Прекрасная работа, — похлопал Краг Ромула по плечу. — Я скоро опять с вами свяжусь. Где здесь ближайший трансмат?

— Сюда, пожалуйста.

«Би-ип. Би-ип. Би-ип».

Краг вернулся на строительство.

Тор Смотритель давно отсоединился от компьютера и находился внутри башни, на четвертом этаже. Под его присмотром бригада бет монтировала какой-то агрегат, показавшийся Крагу похожим на огромные сферы из сливочного масла, нанизанные на длинные нити стеклянных бус.

— Это еще что такое? — поинтересовался Краг.

— Размыкатели сети, — секунду помедлив, ответил Смотритель, удивленный неожиданным появлением Крага. — На случай, если поток позитронов превысит…

— Хорошо, хорошо. Тор, знаешь, где я был? В Денвере. Мне показали звездолет. Подумать только — он у них уже почти закончен! Так что теперь подключим звездолет к нашему проекту.

— Прошу прощения, сэр?

— Там всем руководит Альфа Ромул Фьюжн. Он подберет экипаж: четверо альф, четверо бет. Весной корабль отправится к NGC 7293 с экипажем в анабиозе. А вскоре после этого мы пошлем наши первые сигналы. Пожалуйста, будь с ним все время в контакте, скоординируйте как-нибудь вашу работу.

Да, вот еще. Строительство опережает график, но все равно для меня это слишком медленно.

«Бу-ум, бу-ум». Перед глазами у Крага плевалась длинными языками пламени и шипела планетарная туманность NGC 7293. По лицу его обильно струился пот и тут же испарялся — таким лихорадочным огнем пылали лоб и щеки. Успокойся, сказал он себе.

— Тор, сегодня после смены выпишешь требование — увеличить в полтора раза штат строителей — и пошлешь его Сполдингу. О расходах не думай, если нужны еще альфы — пожалуйста. Все что угодно. — «Бу-ум». — Я хочу сократить весь график строительства на три месяца. Понял?

— Да, мистер Краг, — еле слышно отозвался Смотритель. Известие свалилось на него как снег на голову.

— Хорошо. Да. Хорошо. Поддерживай высокий темп. Даже не представляешь, как я горд. Как

счастлив. — «Бу-ум. Бу-ум. Бу-ум. Би-ип. Бу-ум». — Если понадобится, тебе пришлют всех бет-строителей из западного полушария. Из восточного. Отовсюду. Башня должна быть закончена!

«Бу-ум». Время! Время! Ну почему его всегда так не хватает?

Краг выбежал на улицу. Холодный ночной воздух немного успокоил его.

Несколько мгновений он любовался сверкающим силуэтом башни на фоне непроглядно черной тундры. Потом он задрал голову и увидел звезды. Он угрожающе потряс кулаком.

Краг! Краг! Краг! Краг!

«Бу-ум».

В трансмат-кабину. Координаты. Уганда. Озеро. Квенелла ждет. Мягкое тело, большие груди, ноги раздвинуты, живот сотрясается. Да. Да. Да. Да. 2-5-1, 2-3-1, 2-1. Гигантским прыжком Краг метнулся через весь земной шар.

21

В ослепительном блеске зимнего солнца десяток альф торжественно вышагивали по широкой площади перед зданием Всемирного Конгресса в Женеве.

В руках у каждого из альф была катушка-транспарант, на груди — эмблема ПР.

По углам площади неподвижно застыли роботы службы безопасности. Тупорылые черные машины немедленно сорвутся с места, извергая парализующую ленту, как только демонстранты отклонятся от программы манифестации, заявленной в секретариат Конгресса. Впрочем, обычно представители ПР вели себя мирно.

Манифестанты степенно выхаживали не слишком стройными рядами — и не сводили глаз с зависших над ними камер голографического телевидения. Время от времени, по сигналу командующего этим парадом Зигфрида Канцеляриста, кто-нибудь из манифестантов включал катушку-транспарант. Из воронки на конце катушки взметалась двадцатиметровая струя плотного голубого пара и собиралась в сфери-

ческое облако; на облаке проступали большие золотистые буквы, и оно начинало медленно вращаться. Сделав полный оборот, облако растворялась в воздухе, и только тогда Канцелярист давал команду запустить следующий лозунг.

Конгресс заседал уже несколько недель, но вряд ли кто-нибудь из конгрессменов обращал внимание на демонстрантов. Это была далеко не первая манифестация. Сейчас единственной целью ПР было, чтобы камеры голографического телевидения засняли и передали на весь мир такие лозунги:

РАВНЫЕ ПРАВА — СЕЙЧАС!

СОРОК ЛЕТ РАБСТВА… МОЖЕТ, ХВАТИТ?

НЕУЖЕЛИ СМЕРТЬ КАССАНДРЫ АДРОН БЫЛА НАПРАСНОЙ?

МЫ ВЗЫВАЕМ К СОВЕСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

СЕЙЧАС! СВОБОДУ! СЕЙЧАС!

АНДРОИДОВ — В КОНГРЕСС! СЕЙЧАС!

ВРЕМЯ ПРИШЛО!

ЕСЛИ НАС УКОЛОТЬ, РАЗВЕ У НАС НЕ ИДЕТ КРОВЬ?

22

Тор Смотритель опустился на колени рядом с Лилит Мезон в церкви Валхаллаваген. По календарю сегодня был День Открытия Автоклава.

Присутствовали девять альф, праздничное богослужение вел Мазда Конструктор, принадлежащий к касте Трансцендеров. С большим трудом удалось уговорить прийти двоих бет — церемония предусматривала участие Уступающих.

В этом ритуале Хранители никак не участвовали, Смотритель оставался в стороне и повторял про себя слова службы.

Голограмма Крага над алтарем пульсировала и мерцала. Очертания триплетов генетического кода на стенах сливались и кружились в хороводе: церемония приближалась к кульминации. В воздухе запахло водородом.

Движения рук Мазды Конструктора, обычно неторопливые и размеренные, стали совсем величавыми и торжественными.

— АУУ ГАУ ГГУ ГЦУ, — провозгласил он.

— Гармония! — пропел первый Уступающий.

— Единение! — подхватил второй. — *Постиже-*

ние, — произнесла Лилит.

— ЦАЦ ЦГЦ ЦЦЦ ЦУЦ, — нараспев произнес Мазда Конструктор.

— Гармония!

— Единение! — *Страсть,* — произнесла Лилит.

— УАА УГА УЦА УУА! — выкрикнул Трансцендер.

— Гармония!

— Единение! — *Предназначение,* — произнесла Лилит, и церемония завершилась.

Мазда Конструктор, раскрасневшись и тяжело дыша, спустился с амвона.

Лилит легким движением коснулась его руки. Двое бет, облегченно вздохнув, выскользнули через заднюю дверь. Смотритель поднялся на ноги. В дальнем углу он заметил Андромеду Кварк. Поэтесса, не замечая ничего вокруг, шептала длинную молитву, известную только Экстраполяторам.

— Уже расходимся? — спросил Смотритель у Лилит. — Я провожу тебя, не возражаешь?

— Спасибо, — отозвалась та. Церемония привела ее в возбуждение, она буквально светилась изнутри, глаза блестели неестественно ярко, ноздри дрожали, грудь вздымалась под тонкой накидкой. Они вышли на улицу.

— У вас, в отделе кадров, получили последнее распоряжение Крага? поинтересовался Смотритель, когда они подошли к ближайшей трансмат-кабине.

— Да, вчера. С припиской от Сполдинга насчет того, чтобы я немедленно связалась с заводом в Дулуте. Тор, откуда я возьму столько квалифицированных бет? Что происходит?

— Краг торопится. Он одержим тем, чтобы поскорей закончить башню.

— В этом нет ничего нового.

— Да, но чем дальше, тем хуже. Нетерпение подтачивает его изнутри, разрастается, как злокачественная опухоль. Будь я человеком, может, я и понял бы, что им движет. Сейчас он появляется на строительстве дважды, трижды в день. Считает, на сколько метров выросла башня, сколько новых блоков положено. Погоняет электриков и механиков, чтобы те быстрее устанавливали аппаратуру. У него стал какой-то совершенно сумасшедший вид: все время возбужден, заикается, глаза горят… Очередное безумие — он раздувает штаты, вкладывает новые и новые миллионы долларов. Зачем? А тут еще этот звездолет… Вчера я звонил в Денвер. Лилит, он целый год не вспоминал про Большой Механосборочный Цех,

теперь он бывает там каждый день. Через три месяца корабль должен быть готов к межзвездному полету с экипажем из андроидов. Он хочет послать андроидов.

— Куда?

— За триста световых лет.

— Но он не собирается послать тебя? Или меня?

— Четверо альф, четверо бет, — произнес Смотритель. — Понятию не имею, чьи кандидатуры рассматриваются. Если экипаж будет подбирать Сполдинг, мне крышка. Храни нас Краг от этого полета. — Парадоксальность присказки запоздало дошла до него, и он, мрачно хохотнув, повторил: — Именно так.

Храни нас Краг.

Они зашли к трансмат-кабину. Смотритель стал набирать координаты.

— Может, зайдем ко мне? — предложила Лилит.

— С удовольствием.

Они вместе шагнули через мерцающую ярко-зеленую завесу.

Ее квартира оказалась гораздо меньше, чем его: спальня, гостиная — она же столовая, она же кухня, — и маленький квадратный коридор со

стенным шкафом. До сих пор сохранились следы того, что когда-то это была огромная квартира, недавно разделенная для андроидов на несколько меньших. Дом был похож на тот, в котором жил сам Смотритель, — старый, но не обшарпанный, а излучающий какое-то уютное тепло. Века, наверное, девятнадцатого, подумал он. Впрочем, Лилит предпочла обставить квартиру в подчеркнуто современном стиле: незаметные проекторы, отбрасывающие на стены абстрактные картинки, крошечные изящные объекты в стиле фри-флоутинг-арт… Смотритель никогда раньше не бывал у нее дома, хотя жили они совсем близко. У андроидов даже у альф — не очень-то было принято ходить в гости, встречались обычно в церквах. Те, кто не разделял Веру, собирались в комитетах ПР или предпочитали одиночество.

Смотритель опустился в мягкое пружинистое кресло.

— Как насчет того, чтобы немного потравиться? — с улыбкой спросила Лилит. — Могу предложить богатый выбор: травка, флоутеры, глушилки… Из спиртного — ликеры, бренди, виски…

— Однако ж! Сколько у тебя всякой «отравы»! — в тон ей отозвался он.

— Здесь часто бывает Мануэль. Мне приходится изображать гостеприимную хозяйку. Хочешь чего-нибудь?

— Нет, спасибо. Я не большой любитель «отравы».

Она рассмеялась и подошла к допплеру. Тонкая накидка с громким щелчком исчезла. Под накидкой не было ничего, кроме слоя термоизолирующего красителя мягкого салатного цвета — который приятно контрастировал с ее розовой кожей, — покрывающего ее от груди до бедер и защищающего от северных декабрьских ветров. Еще один щелчок допплера, и краситель исчез вслед за накидкой. Снимать сандалий она не стала.

Скрестив ноги, она уселась перед Смотрителем на пол, придвинула к себе маленький плоский пульт и, не глядя, нажала несколько кнопок. Узоры на стенах дрогнули и заплясали, меняя очертания и цвет. Повисла неловкая пауза. Смотритель чувствовал замешательство. Он знал Лилит пять лет, почти всю ее жизнь, и среди андроидов она была, наверное, самым близким его другом. Но раньше ему никогда не приходилось таким образом оставаться с ней наедине. И дело совсем даже не в ее наготе — нагота для

андроида ничего не значит. Все дело в атмосфере уединения, решил он. Как будто мы любовники. Как будто между нами может быть что-то… сексуальное. Он улыбнулся и уже решил поделиться с ней этим нелепым ощущением. Но она заговорила первой:

— Мне только что пришла в голову мысль. Насчет Крага, Насчет того, почему ему так не терпится закончить башню. Тор, а что если он умирает?

— Умирает? — он непонимающе уставился на нее. Что за нелепая мысль?

— Какая-нибудь смертельная болезнь, с которой тектогенетика не может справиться. Не знаю что, может, какой-нибудь новый вид рака. Как бы то ни было, допустим, он вдруг обнаружил, что ему осталось жить всего один-два года, и теперь он торопится успеть послать в космос сигналы.

— Он выглядит здоровым, — произнес Смотритель.

— Может быть, болезнь подтачивает его изнутри. И «безумное», как ты говоришь, поведение — первый симптом: метания с места на место, тормошение всех и вся, требование ускорить строительство…

— Храни нас Краг, только не это!

— Храни *Крага*.

— Лилит, я не могу поверить. Откуда ты это взяла? Тебе что-нибудь сказал Мануэль?

— Нет, одна только интуиция. Я просто пытаюсь помочь тебе объяснить необычное поведение Крага, вот и все. Если он действительно умирает, это одно возможное объяснение того, что…

— Краг не может умереть.

— Почему?

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Он не должен умереть. Он еще сравнительно молод, перед ним как минимум век жизни. И он еще столько всего должен сделать.

— Сделать для нас, ты имеешь в виду?

— Разумеется, — отозвался Смотритель.

— Но эта башня буквально пожирает его. Тор, допустим на секунду, что он *действительно* умрет. Так и не сказав… так и не выступив…

— Значит, мы зря столько молились. И ПР рассмеется нам в лицо.

— Что же нам делать?

— Лилит, — сказал он и устало потер глаза, — не можем же мы строить планы, основываясь только на твоих фантазиях. Насколько нам известно на данный момент, Краг совершенно здоров и будет жить еще долго-долго.

— Но вдруг?

— К чему ты клонишь?

— Нам следует занять более активную позицию.

— Что?

— То, что мы обсуждали перед тем, как подсунуть меня под Мануэля, использовать его, чтобы заручиться поддержкой Крага.

— Это была случайная мысль, один из возможных вариантов и не более того, — поморщился Смотритель. — К тому же, по-моему, это очень сомнительный поступок с философской точки зрения — пытаться манипулировать Крагом. Если мы искренни в нашей вере, нам следует ожидать изъявления его милости, без всякого…

— Прекрати, Тор. Я хожу в церковь, ты ходишь в церковь, все мы ходим в церковь, но, кроме этого, мы ее живем в реальном мире, а в реальном мире надо считаться с реальными факторами. Например, с тем, что Краг может умереть.

— Ну… — Он почувствовал, что весь напряжен как струна. Его начинало трясти. Она рассуждала очень прагматично — как какой-нибудь деятель из ПР.

Вся их Вера основывалась на надежде — надежде на чудо. Но что если чуда не произойдет? И если

у них появилась возможность подтолкнуть чудо, почему бы ею не воспользоваться? Но… но…

— Мануэль готов, — продолжала она, — открыто поддержать наше дело. Ты же знаешь, насколько легко он попадает под чужое влияние. За две-три недели я могу превратить его в пламенного аболициониста. Сначала я покажу ему Гамма-таун…

— Замаскировав его под альфу, я надеюсь.

— Разумеется, мы проведем там целый вечер. Я ткну его носом прямо во всю эту грязь. Потом… помнишь, Тор, мы говорили о том, что надо будет показать ему церковь…

— Да-да. — Смотрителя трясло.

— Я покажу ему церковь, объясню Веру. А потом я просто попрошу его обратиться к отцу. Тор, он наверняка так и сделает! И Краг выслушает его!

Выслушает, смягчится и скажет те слова, которых мы так от него ждем.

Потому что его попросит Мануэль.

Смотритель поднялся с кресла и прошелся по комнате.

— И все же мне это кажется кощунством. Мы должны ждать, пока на нас снизойдет милость Крага. Но использовать Мануэля как марионетку, чтобы повлиять на волю Крага…

— Но что если Краг все-таки умирает? — стояла на своем Лилит. — Что если ему остались считанные месяцы? Что если _Краг умрет_? А мы так и останемся рабами.

Ему показалось, что слова ее многократно отразились от стен и завибрировали у него в ушах оглушительным эхом. _Краг умрет_. _Краг умрет_. _Краг умрет_. _Краг умрет_.

— Необходимо различать, — слабо произнес он, — Крага-человека из плоти, на которого мы работаем, и Вечного и Неуничтожимого Крага-Творца, Крага-Освободителя…

— Тор, сейчас не время для теологической дискуссии. Просто скажи, что мне делать. Показать Мануэлю Гамма-таун?

— Да, да. Только не торопись, не все сразу. И обязательно посоветуйся со мной, если возникнут какие-нибудь сомнения. Ты действительно можешь так свободно… манипулировать Мануэлем?

— Он боготворит меня, — негромко произнесла Лилит.

— Из-за твоего тела?

— Тор, это хорошее тело. Но дело не только в этом. Он *хочет* подчиняться андроиду, он весь воплощение вины за грехи отцов. Я завлекла его

сексом, но покорила властью Автоклава.

— Секс, — пробормотал Смотритель. — Завлекла, покорила… Как? У него же есть жена. И очень даже привлекательная, как я слышал, — самому мне судить сложно. Если у него есть привлекательная жена, зачем ему…

Лилит расхохоталась.

— Что, разве я сказал что-нибудь смешное?

— Тор, ты же ничего не понимаешь в людях, совсем ничего. Знаменитый Альфа Смотритель — и ничего не может понять! — Глаза ее засверкали, она вскочила на ноги. — Тор, ты хоть что-нибудь знаешь о сексе? В смысле, из первых рук?

— Был ли у меня сексуальный опыт? Ты это имеешь в виду?

— Да, я имею в виду именно это.

Это еще тут при чем? Какое отношение имеет его личная жизнь к революционной тактике?

— Нет, — сказал он. — Никогда. Да и зачем? Что мне это может дать, кроме неприятностей?

— Удовольствие, — произнесла она. — Зря что ли, Краг вложил в нас полностью работоспособную нервную систему? Секс — это развлечение. Секс возбуждает меня, наверняка он должен возбуждать и тебя. Почему тебе даже в голову не приходило попробовать?

— Я не знаю никого из альф — из мужчин-эльф, — кому такое приходило бы в голову.

— А из женщин-альф?

— Это другое дело. У вас больше возможностей. Мужчины — человеческие мужчины — бегают за вами чуть ли не табунами. Но я никогда не слышал, чтобы человеческие женщины бегали за андроидами, кроме разве что, каких-нибудь патологических случаев. К тому же, когда ты занимаешься сексом с людьми, тебе это не грозит никакими… неприятными последствиями.

Но я не могу позволить себе завести роман с человеческой женщиной: любой мужчина, который подумает, что я покушаюсь на его права, вправе уничтожить меня на месте.

— А как насчет секса между андроидами?

— Для чего? Чтобы нарожать детей?

— Тор, секс и продолжение рода — это совсем не одно и то же. Люди сплошь и рядом занимаются сексом, не рожая детей, и заводят детей, не занимаясь сексом. Секс — это движущая сила человеческого общества. Спорт, игра, магнетизм, влечение одного тела к другому. Именно секс дает мне власть над Мануэлем Крагом. — Внезапно тон ее голоса смягчился, дидактические нотки исчезли. — Хочешь, я покажу тебе, что это такое?

Разденься.

— Ты что, серьезно? — неловко рассмеялся он. — Ты хочешь заняться со мной сексом?

— Почему бы и нет? Ты боишься?

— Да нет, что за ерунда! Просто я не ожидал… в смысле… ну, это так нелепо, андроид в постели с андроидом… Лилит…

— Потому что мы сделаны из пластика? — ледяным голосом поинтересовалась она.

— Да нет, я хотел сказать совсем не это! Естественно, мы из плоти и крови!

— Но, по-твоему, есть что-то, чего мы делать не должны, потому что мы — Дети Автоклава? По-твоему, некоторые физиологические проявления привилегия только Детей Лона, так?

— Ты утрируешь.

— Разумеется. Тор, я хочу ликвидировать этот пробел в твоем образовании. Ты пытаешься манипулировать судьбами целого общества и при этом не понимаешь одну из главных движущих сил человечества! Раздевайся.

Ты никогда не желал женщину?

— Лилит, я не знаю, что такое желание.

— Серьезно?

— Серьезно.

— И ты считаешь, что между людьми и нами

должно быть равенство? изумленно покачала она головой.

— Ты хочешь голосовать, хочешь иметь гражданские права, хочешь, чтобы альфы заседали в Конгрессе… Но ты живешь как робот. Как машина. Ты просто ходячий аргумент в пользу того, чтобы андроиды оставались на своем месте. Ты отгородился от того, что для людей — одна из самых важных составляющих их жизни, и твердишь себе: это, мол, не для меня, это только для человека, андроидам такое ни к чему. Тор, это опасные мысли! Мы тоже *люди.* У нас есть тела. Зачем, по-твоему, Краг дал нам половые органы?

— Я согласен со всем, что ты сказала. Но…

— Но что?

— Но секс не кажется мне чем-то существенным. И я прекрасно понимаю, что это одно из главных контраргументов против нашего дела. Лилит, я далеко не единственный альфа, кто так думает. Мы об этом почти не говорим, но… — Он отвернулся. — Может быть, люди правы. Может, мы действительно неполноценные существа, искусственные до мозга костей, умные роботы, сделанные из…

— Тор, ты неправ. Иди сюда.

Он подошел к ней. Она взяла его ладони и по-

ложила их себе на грудь.

— Сожми ладони. Нет, не сильно. Потрогай соски — вот так, большими пальцами. Чувствуешь, как они становятся тверже?… Это значит, что я реагирую на твою ласку. Таким образом женщина показывает, что она ощущает *желание.* Тор, что ты чувствуешь, когда ласкаешь мою грудь?

— Гладкую прохладную кожу.

— Нет, что ты сам чувствуешь, *внутри*?

— Не знаю.

— Дрожь? Учащение пульса? Странное ощущение в желудке, как будто падаешь с большой высоты? Погладь меня по бедру, здесь, сзади, вот так, вверх-вниз. Что-нибудь чувствуешь, Тор?

— Не уверен. Лилит, это для меня так ново…

— Разденься, — сказала она.

— Мне все это кажется каким-то механическим. Холодным. Разве сначала не должен быть целый ритуал ухаживания? Полумрак, шепот, тихая музыка, стихи…

— Ага, значит, ты что-то знаешь об этом?

— Чуть-чуть. Из книг. Я знаком только с ритуалом.

— Хорошо, начнем с ритуала. Вот, я выключила верхний свет, оставила только ночник, включила музыку. Прими флоутер. Нет, Тор, глушилку в пер-

вый раз не надо. Прекрасно. Теперь разденься.

— Ты никому об этом не скажешь?

— Какой ты глупый! Ну кому я об этом скажу? Мануэлю? «Дорогой, прости, пожалуйста, но я изменила тебе с Тором Смотрителем». — Она засмеялась. — Это будет наша с тобой тайна. Назовем это уроком очеловечивания. Люди занимаются сексом, а ты ведь хочешь стать больше похожим на человека, так?

Я покажу тебе, что такое секс. — Она лукаво улыбнулась и стала стягивать с него одежду.

Ему было любопытно. Он почувствовал, что таблетка-флоутер подействовала и в голове поднимается волна эйфории. Лилит, конечно, права. Бесполость альф — неразрешимый парадокс для тех, кто хочет считать альф людьми.

Впрочем, все ли альфы настолько бесчувственны? Может, это он настолько погрузился в работу, порученную ему Крагом, что не дал своим чувствам развиться? Ему вспомнилось, как Зигфрид Канцелярист рыдал в снегу над телом Кассандры Адрон.

Одежда упала на пол, и Лилит обняла его.

Она медленно потерлась о него. Он почувствовал, как ее бедро вплотную прижимается к его бедру, ее плоский тугой живот к его животу, за-

твердевшие кончики сосков щекочут ему грудь. Он прислушался к себе в поисках какого-нибудь отзвука. Нет, пока реакцию определить трудно, хотя нельзя не признать, что ощущение от контакта с ее телом приятное. Глаза ее закрылись, губы раздвинулись и нашли его губы. Он погладил ее по спине и, повинуясь внезапному импульсу, с силой сжал мягкие ягодицы. Лилит задрожала и прижалась к нему еще крепче. Так они стояли несколько минут.

Наконец она отстранилась от него.

— Ну как? — спросила она.

— Мне понравилось, — осторожно ответил он.

— Ты почувствовал возбуждение?

— Кажется, да.

— Непохоже.

— Откуда ты знаешь?

— Это было бы заметно, — лукаво улыбнулась она.

Его вдруг придавило сознанием всей нелепости, абсурдности ситуации. Он понял, что окончательно и бесповоротно забыл того Тора Смотрителя, которого знал и понимал, каким был всего полчаса назад. Всю свою жизнь, чуть ли не с момента выхода из Автоклава, он считал себя старше, мудрее, умеренной, чем большинство его

собратьев-альф, человеком, понимающим мир и свое место в мире. А теперь? За полчаса Лилит превратила его в существо неуклюжее, наивное, глупое… и бессильное.

— Раз у тебя не поднялся член, — сказала она и погладила его в паху, я тебя не очень-то возбудила… Теперь понял?

— Это оттого что ты дотронулась?

— Ничего удивительного, так и должно быть. Тебе нравится? Так? — Ее пальцы быстро и умело задвигались. Интересное ощущение, вынужден был признать Смотритель, удивительное, я бы даже сказал. Но при этом он оценивал происходящее как бы со стороны, совершено бесстрастно, словно слушал лекцию о брачном ритуале протеоидов с Альфы Центавра V.

Лилит снова прижалась к нему, дрожа от еле сдерживаемого возбуждения.

Он крепко обнял ее и опять погладил по спине.

Он почувствовал, что теряет равновесие, и они растянулись на полу.

Он навис над ней упираясь в пол коленями и локтями, чтобы не придавить ее всем своим немалым весом. Она обхватила его ногами, он почувствовал, что проскальзывает во что-то влажное и пышущее жаром. Она начала ритмич-

но двигать тазом вверх-вниз. Он быстро уловил ритм.

Значит, вот что такое секс, подумал он.

Интересно, подумал он через какое-то время, что чувствует женщина, когда в нее проникает что-то такое длинное и твердое? Очевидно, женщинам это нравится. Лилит вся содрогалась, дыхание ее стало шумным и неровным, глаза были плотно зажмурены, на лице — полное самозабвение. Но что захватывающего в этом для мужчины? Странно. Неужели именно это воспевали поэты, ради этого сражались на дуэлях и отрекались от престола?

Прошло еще какое-то время.

— Откуда мы узнаем, что уже все? — не выдержав, поинтересовался он.

Она открыла глаза, и в них промелькнула… ярость? смех?

— Не бойся, — хрипло прошептала она, — узнаешь. Только не сбейся с ритма.

Он постарался не сбиваться с ритма.

Она двигалась все быстрее и быстрее. Лицо ее исказилось, стало чуть ли не уродливым, внутри нее бушевала буря. По всему телу прокатилась дрожь, мускулы беспорядочно напрягались и расслаблялись. Он чувствовал, как всю ее сотрясает.

Вдруг его самого затрясло, и он забыл про свою роль бесстрастного наблюдателя. Он зажмурил глаза. У него перехватило дыхание. Сердце бешено заколотилось, пот стал струиться ручьями. Он крепко прижался к ней и спрятал лицо в ложбинку у нее на плече. Тряска становилась все сильней, все неистовей, ему казалось, что он слышит раскаты далекой канонады, которые вдруг слились в один потрясший всю вселенную взрыв. И все затихло.

Лилит оказалась права: он сам понял, что уже все.

Как быстро исчезло ощущение экстаза! Ему уже было трудно поверить, что минуту назад он испытывал что-то подобное. Ему казалось, что его обманули: пообещали пир горой, а угостили одними воображаемыми яствами. И это все?

Как приливная волна, ударяющая в берег и откатывающаяся обратно? И на песке остается пепел. Пепел на песке. Ничего особенного, подумал Тор Смотритель, сплошной обман.

Он высвободился и откатился в сторону.

Лилит оставалась лежать на спине — закинув голову, зажмурив глаза, чуть приоткрыв рот. Она выглядела уставшей, чуть ли не изможденной, кожа ее лоснилась от пота. Вот веки ее затрепета-

ли и приоткрылись, она приподнялась на плече и улыбнулась — немного застенчиво, как ему показалось.

— Привет, — произнесла она.

— Привет, — ответил он и отвернулся.

— Ну как? Что ты теперь чувствуешь?

Смотритель пожал плечами. Нужные слова никак не приходили в голову.

— В основном, усталость, — наконец выдавил он.

— Пустоту. Эта пустота так и должно быть?

— Все нормально. После соития все животные грустны. Старая латинская поговорка. Не забывай. Тор, ты тоже животное.

— Усталое животное. — Пепел на холодном песке. Медленный отлив. — Лилит, тебе понравилось?

— А ты не понял? Хотя ты, наверное, не понял. Да, очень понравилось.

— Я рад, — отозвался он, поглаживая ее по бедру. — Но я так и не понял.

— Чего ты не понял?

— Ничего. Всей этой цепочки. Раскачивание. Тряска. Пот. Стоны. Жжение в паху… и вдруг — все кончилось. Я…

— Нет, — перебила его Лилит, — только не надо

ничего анализировать. Ты, наверное, ожидал слишком многого. Тор, это же только *удовольствие.* Люди так делают, чтобы вместе быть счастливыми. И все. И ничего больше. Никаких космических переживаний.

— Прошу прощения. Я просто тупой андроид и не…

— Хватит, Тор. Ты человек. Личность.

Он понял, что обидел ее, признавшись, что не ощутил ничего особенного.

Ему самому было обидно. Он медленно поднялся на ноги. Чувствовал себя он на редкость мрачно, как брошенный на снегу пустой сосуд. Да, с момента кульминации он ощутил вспышку радости. Но стоит ли одна вспышка пришедшего после уныния?

Она хотела как лучше. Она хотела, чтобы он почувствовал себя человеком.

Он поднял ее на ноги, привлек к себе и легонько поцеловал в щеку.

— Когда-нибудь мы снова этим займемся, хорошо?

— Конечно, когда захочешь.

— Наверное, первый раз это всегда немного странно. Но я исправлюсь.

Обещаю.

— Конечно, Тор. Первый раз всегда немного странно.

— Пожалуй, мне пора.

— Как хочешь.

— Мне действительно пора. Но мы скоро увидимся.

— Конечно. — Она легонько тронула его за руку. — А пока… Я сделала так, как мы договорились. Покажу Мануэлю Гамма-таун.

— Хорошо.

— Краг с тобой, Тор.

— Краг с тобой.

Он начал одеваться.

23

И сказал Краг:

— До окончания времен будет между вами одно отличие. Будут происходить Дети Лона только из Лона, а Дети Автоклава только из Автоклава, отныне, присно и во веки веков. И не дано будет самим вам продолжать свой род, как то дано Детям Лона. И будет так для того, чтоб одному Крагу обязаны были вы своим существованием, чтоб одному ему возносили вы хвалу за свое появление на свет — отныне, присно и во веки веков.

24

20 декабря 2218 года.

Башня достигла 800 метров. Она гипнотизирует и подавляет своим величием. Невозможно остаться равнодушным. Когда б ни вышел ты из трансмат-кабины, ночью или днем, ты замираешь, как громом пораженный, перед этой устремляющейся в небо колонной из сверкающего стекла. Чем безлюднее вокруг тундра, тем благоговейнее твой восторг.

Башня уже перевалила за середину.

Из-за спешки, с которой идет строительство, в последнее время было много несчастных случаев. Двое монтажников упали с вершины, электрик, неправильно распылив проводящее покрытие в месте стыка блоков, послал высоковольтный разряд через кабель, который тащили пятеро гамм, на спуске столкнулись две кабины подъемника, что унесло еще шесть жизней. Альфа Эвклид Топограф, работая с компьютером, едва избежал серьезной мозговой травмы, когда из базы данных произошел внезапный сброс информации с максимальной энтропией. Обва-

лились вспомогательные леса внутри башни, и трое бет-электромонтажников упали с высоты четыреста метров. С начала строительства погибли тридцать андроидов — из многотысячной армии монтажников, электриков, ремонтников. С учетом необычной специфики работы, в такой статистике нет ничего сверхъестественного.

Смонтированы первые тридцать метров тахионного ускорителя. Техники ежедневно проверяют структуру, целостность сердечника. Разумеется, генерация тахионов невозможна, пока не будет собран весь гигантский ускоритель, но монтаж отдельных элементов интересен сам по себе, и Краг почти все время, что бывает на башне, наблюдает за испытаниями и настройкой аппаратуры. Вспыхивают разноцветные лампочки, гудят и посвистывают индикаторы, светятся циферблаты, колышутся стрелки. Краг восторженно аплодирует любому, сколь угодно малому, успеху. Он приводит толпы посетителей. За последние три недели на башне побывали Никколо Варгас, Клисса, двадцать девять конгрессменов, одиннадцать промышленных воротил, шестнадцать всемирно известных деятелей искусства. Башня вызывает всеобщий восторг. Даже те, кто считает замысел титаническим безумием, не мо-

гут сдержать восхищения изяществом, красотой, величием сооружения.

Безумие тоже способно вызывать восхищение, и никто из видевших башню Крага не отрицает того, что был восхищен. Впрочем, многие считают, что сообщить Вселенной о том, что человек существует, — безумие.

Мануэль Краг не появлялся на строительстве с начала ноября. Краг обычно объяснял это тем, что сын его вникает в премудрости управления промышленной империей. С каждым месяцем на него наваливается все больше и больше ответственности. В конце концов, он — единственный наследник.

25

В прошлый раз, когда я был у Лилит, она сказала: давай в следующий раз, когда ты придешь, я тебе кое-что покажу, хорошо?

Мы только что занимались любовью. Я прижимаюсь щекой к ее груди.

— Что именно?

— Давай погуляем по Стокгольму. Я покажу тебе кварталы андроидов, расскажу, как они живут. Гаммы. Как, хочешь?

— Зачем? — осторожно спрашиваю я. — Разве здесь нам плохо?

Она гладит волосы у меня на груди. Иногда я страшно примитивен настоящее животное.

— Слишком однообразно, — говорит она. — Ты приходишь, мы спим, ты уходишь. Мы нигде не бываем вместе. Давай погуляем по Стокгольму. Тебе это будет полезно, ты узнаешь много нового. Мануэль, ты не замечал еще, что я очень люблю поучать? Указывать на непривычную сторону вещей? Ты когда-нибудь бывал в Гамма-тауне?

— Нет.

— Знаешь, что это такое?

— Наверное, место, где живут гаммы.

— Правильно. Но, не побывав там, невозможно понять, что это такое на самом деле.

— Это опасно?

— Н-нет. Никто не станет приставать к альфам в Гамма-тауне. Иногда у гамм возникают какие-то стычки между собой, но это другое дело. Мы принадлежим к высшей касте, они держатся от нас подальше.

— Допустим, гаммы не станут приставать к альфе, а ко мне? Может, они не любят людей-туристов.

Тогда Лилит сказала, что переоденет меня. В альфу. Мне стало интересно.

Появилось искушение. Привкус тайны. Игра в переодевание может заново раздуть тлеющие угли нашего с Лилит романа.

— Разве они не поймут, что это маскарад? — спрашиваю я.

— Они не очень-то всматриваются в альф, — отвечает Лилит. — У нас есть такое понятие, как социальная дистанция. Мануэль, гаммы соблюдают социальную дистанцию.

— Хорошо, раз так, то идем в Гамма-таун.

Мы условились через неделю. С Клиссой я договорился. Лечу на Луну, сказал я, пару дней меня

не будет, хорошо? Никаких проблем. Клисса тем временем погостит у друзей в Новой Зеландии. Иногда я начинаю задумываться, подозревает ли она хоть что-нибудь. Или что она сказала бы, узнав. Иногда меня так и подмывает ляпнуть: Клисса, у меня в Стокгольме есть любовница-андроид, у нее великолепное тело, а в кровати она просто что-то сверхъестественное. Как тебе это нравится? Да нет, Клисса совсем не буржуазна, инстинкт собственницы у нее развит слабо, но она очень чувствительна, ей может показаться, что ею пренебрегают. Или, раз уж она так любит бедных угнетенных андроидов, может, она ответит: как здорово, Мануэль, что ты делаешь счастливой хоть одну из этих бедняжек. Я совсем не против того, чтобы делить твою любовь с андроидом. Пригласи ее как-нибудь к нам на чай, хорошо? М-да.

Проходит неделя. Я отправляюсь в Стокгольм. Захожу к Лилит. Она раздета.

— Раздевайся, — говорит она.

Я ухмыляюсь. Не слишком тонко. Сбрасываю одежду и тянусь к ней. Она делает танцевальное па, и я хватаю воздух.

— Потом, глупый. Когда вернемся. А сейчас надо тебя загримировать.

В руке у нее появляется баллончик-пульверизатор. Для начала она выставляет индикатор на «Нейтр.» и закрашивает зеркальную пластину у меня на лбу. Андроиды не носят таких украшений. Клипсы-беруши тоже не годятся.

Я вынимаю их, и она заполняет отверстия розовым гелем. Потом она начинает опрыскивать меня красным.

— Как насчет того, чтобы сбрить волосы? — спрашиваю я.

— Не нужно, — говорит она, — постарайся только там ни перед кем не раздеваться.

В конце концов, я становлюсь ярко-красным с ног до головы. Свеженький, еще поблескивающий на сгибах андроид. Потом она покрывает меня термоизолирующим слоем из другого баллончика. На улице холодно, говорит она, а андроиды не носят теплой одежды. Одевайся.

Она вручает мне костюм. Рубашка со стоячим воротником, узкие брюки.

Типичная одежда альфы. Сидит на мне как влитая, прилегает вплотную, как пересаженная кожа. Только не возбуждайся, говорит мне Лилит, а то брюки лопнут. Смеется и гладит меня в паху.

— Откуда у тебя эта одежда?

— Одолжила у Тора Смотрителя.

— Он знает зачем?

— Нет, конечно нет. Я просто сказала, что мне нужен костюм. Ну-ка, посмотрим на тебя. Прекрасно. Прекрасно! Идеальный альфа. Пройдись по комнате. Теперь обратно. Хорошо. Держись немного развязней. Помни, что ты самый совершенный образец Homo Sapiens, когда-либо вышедший из автоклава, со всеми достоинствами человека, но без его недостатков. Ты Альфа… Хм-м, надо придумать тебе имя на случай, если кто-нибудь спросит.

Лилит морщит лоб.

— Альфа Левитикус Прыгун, — говорит она. — Как тебя теперь зовут?

— Альфа Левитикус Прыгун.

— Нет. Если тебя спросят, говори просто — Левитикус Прыгун. Они и так поймут, что ты альфа. А они должны называть тебя Альфа Прыгун. Ясно?

— Ясно.

Она одевается. Сначала термоизолирующий слой, потом мелкая золотистая сетка, прикрывающая грудь и спускающаяся чуть выше колен. Сквозь ячейки видны соски. Да и все остальное, вообще-то, тоже. Никогда бы не подумал, что это зимний наряд. Похоже, андроидам зима гораздо более по вкусу, чем нам.

— Альфа Прыгун, хотите взглянуть на себя?

— Да.

В воздухе рассеивается зеркальная пыль. Когда молекулы выстраиваются, я обозреваю себя в полный рост. Впечатляюще. Если не сказать — круто.

Берегитесь, красный дьявол оправляется в город. Лилит права: ни один гамма не посмеет не то что привязаться ко мне — даже глаза на меня поднять.

— Ну что, Альфа Прыгун? Вперед — в трущобы Гамма-тауна!

На улицу. Трансматом — на другой конец города. В гавани ветер поднимает свинцово-серые волны. Пенятся белые барашки. Ранний вечер, но уже начинает темнеть. Пасмурно, серо, низко висит туман, фонари проступают через него размытыми грязно-желтыми пятнами. Высоко над головой проплывает реклама, подмигивая разноцветными огнями — красным, зеленым, синим, оранжевым, призывно слепит глаза, завывает прямо в уши, требует обратить внимание.

Толчки. Запахи. Звуки. Вокруг столько людей. В серой мгле визжат тормоза.

Издалека доносится смех. Туман выплевывает обрывки разговоров:

— Отцепись — или схлопочешь!
— Назад в автоклав, назад в автоклав.
— Слоуби, кому слоуби?
— Да ни черта не рубит этот твой стэкер!
— Слоуби!
— Козел! Козел! Козел!

В Стокгольме больше половины населения — андроиды. Почему их так тянет именно сюда и еще в девять таких же городов? Гетто. Никто их не заставляет. Трансмат-мир: какая разница, где ты живешь, на работу можно добраться отовсюду. Но мы предпочитаем держаться вместе, говорит она. Даже в своих гетто они стараются как-то обособиться. Альфы — в красивом старом районе Остермальм, беты — предпочитают обшарпанные кварталы в центре. Да, еще гаммы. Кстати, о гаммах. Добро пожаловать в Гамма-таун.

Улицы, грязные, скользкие, покрыты брусчаткой. Средневековье? Серые облезлые дома подступают вплотную один к другому, проход еле виден. В канаве струится холодный грязный ручеек. Застекленные окна. Но не все здесь так архаично: смесь стилей, самая разная архитектура, мясо, тушенное с овощами, по-испански, рыба, тушенная в белом вине, по-французски, двадцать второй, двадцатый, девятнадцатый,

шестнадцатый, четырнадцатый века — все перемешано в кучу. Над головой нависает воздушная паутина крытых переходов, напоминающая строительные леса. Там, где есть улицы, и там, где есть тротуар, — ржавые ограждения. Жужжат разладившиеся кондиционеры, выплевывая в зимний воздух клубы зеленоватого тумана.

Толстостенные подвалы эпохи барокко. Мы с Лилит блуждаем каким-то сумасшедшими зигзагами. Гамма-таун спланирован дьяволом.

Дьяволом-извращенцем.

Вокруг маячат лица.

Гаммы. Повсюду гаммы. Уставятся, отпорхнут, снова уставятся. Тусклые птичьи глазки испуганно моргают. Они боятся нас. Социальная дистанция, так это называется. Они отбегают в тень, они пялятся издали, но, как только мы подходим, стараются притвориться невидимыми. Голова низко склоняется, глаза смотрят в сторону. Альфы, альфы, альфы — берегитесь, гаммы!

Мы возвышаемся над ними. Я никогда раньше не замечал, какие гаммы коренастые. Насколько они ниже нас, насколько шире в плечах, насколько сильней. Эти бугры мускулов… Любой из них мог бы разорвать меня пополам.

Женщины тоже сложены очень мощно, хотя

и немного изящней. Может, попробовать переспать с девушкой-гамма? Вдруг она в постели еще неистовей, чем Лилит? Рычание, стоны, все ходит ходуном, никаких самоограничений? И чесночный дух, разумеется. Нет, лу их всех… Както очень это грубо. Да, именно грубо. Наверное, как Квенелла с отцом — я бы так сказал. Ладно, черт с ними, с гаммами, с меня хватит Лилит — в меру страстной и к тому же чистой. Нет, не стоит об этом даже думать. Гаммы стараются держаться от нас подальше. Караул, в Гамма-тауне появились двое веселых альф. У нас длинные ноги. Мы сильны. Мы грациозны. Они боятся нас.

Я Альфа Ливитикус Прыгун.

Здесь все время дует пронизывающий ветер от залива. Он вздымает клубы пыли и мелкого мусора. Пыль! Мусор! Никогда не видел таких грязных улиц!

Неужели до Гамма-тауна никогда не добираются роботы-уборщики? А если и не добираются, что, гаммы слишком горды, чтоб самим привести улицы в порядок?

— Их это не волнует, — говорит Лилит. — Это вопрос культуры. Их гордость — в отсутствии гордости. Это отражает их социальное положение.

Дно мира андроидов, дно дна мира людей, и они

понимают это, им это не нравится, и грязь — это как эмблема их социального положения. Они как бы говорят: вы хотите, чтобы мы были грязью под ногами, хорошо же, тогда мы будем жить в грязи. Купаться в грязи. Упиваться грязью. Если мы не люди, зачем нам быть аккуратными? Кстати, знаешь, роботы-уборщики раньше приезжали сюда, но гаммы ломали их. Вон, смотри, один такой стоит ржавеет уже лет десять, наверное.

Ржавые обломки робота валяются бесформенной грудой. Останки железного человека. Под ржавчиной голубовато поблескивает нетронутая гниением сталь.

Соленоиды? Реле? Аккумуляторы? Электрические внутренности машины. Дно дна дна, простой механизм, безропотно павший в неудачном наступлении на мерзость запустения, посреди которой живут парии автоклава. Серо-белый кот задирает хвост и мочится на груду железа. Гаммы, подпирающие стену поблизости, хохочут. Потом замечают нас и, благоговейно трепеща, отползают в тень. Левой рукой они делают быстрый, нервный жест касаются паха, касаются груди, касаются лба, раз-два-три, очень быстро. Жест выглядит рефлекторным, отработанным до автоматизма, можно подумать, что они крестятся.

Что это? Формальное приветствие? Выражение почтения блуждающим альфам?

— Что-то в этом роде, — отвечает Лилит. — Но не совсем. Это так… предрассудки.

— Защита от сглаза?

— Да. В каком-то смысле. Прикоснуться к самому главному, воззвать к духу гениталий, души и разума — пах, грудь, череп. Ты раньше никогда не встречался с таким жестом у андроидов?

— М-м… может, и встречался.

— Даже у альф, — говорит Лилит. — Привычка. Успокаивает, когда нервничаешь. Даже я иногда так делаю.

— Но почему гениталии? Что в них андроидам?

— Символическая сила, — говорит она. — Да, мы стерильны, но священная аура остается. Память о нашем общем происхождении. Оттуда проистекают человеческие гены, по образу которых были сконструированы наши. Я делаю, этот знак. Раз — два — три. — Лилит смеется, но ей почему-то явно не по себе, словно я совершаю кощунство. Ну и плевать. Я же сегодня андроид, правильно? Значит, мне можно делать все то, что делают андроиды. Раз — два — три.

Гаммы, стоящие у стены, повторяют знак. Раз

— два — три. Пах, грудь, череп.

Один из них произносит что-то похожее на «Славься, Краг!» — Что он сказал? — спрашиваю я у Лилит.

— Я не расслышала.

— Мне показалось «Славься, Краг».

— От гамм можно услышать все что угодно.

Я мотаю головой:

— Лилит, вдруг он узнал меня?

— Исключено. Абсолютно исключено. Если он и сказал что-то насчет Крага, он имел в виду твоего отца.

— Да, да. Конечно. Краг — это он. Я — Мануэль, просто Мануэль.

— Ш-ш! Ты Альфа Левитикус Прыгун.

— Ах да. Прошу прощения. Альфа Левитикус Прыгун. Для друзей просто Лев.

«Славься, Краг»? Наверное я ослышался.

— Наверное, — говорит Лилит.

Мы поворачиваем за угол, и срабатывает рекламная мина. Из вентиляционной решетки в стене выстреливается облако разноцветных порошков, и на серебристом фоне, ослепительно мерцая даже сквозь туманную мглу, загорается надпись:

*ВРАЧ — АЛЬФА ПОСЕЙДОН МУШКЕТЕР —

ВРАЧ*
СПЕЦИАЛИСТ ПО ГАММА-БОЛЕЗНЯМ
ИЗЛЕЧИВАЕТ ОТВЕРДЕВШИХ, СЛОУБИМАНОВ, СТЭКЕРОВ
ЕМУ ПОД СИЛУ ОСТАНОВИТЬ МЕТАБОЛИЧЕСКОЕ ГНИЕНИЕ И РАСПАД
ЕМУ
ВСЕ ПО ПЛЕЧУ*БЕЗУПРЕЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ*
ПЕРВАЯ ДВЕРЬ НАПРАВО. ЗВОНИТЬ

— Он действительно альфа? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Почему тогда он живет в Гамма-тауне?

— Кто-то же должен их лечить. По-твоему, гамма может получить диплом врача?

— Шарлатан какой-нибудь, наверное, а не врач. Рекламная мина, подумать только! Что это за врач, который так грубо навязывается?

— Врач из Гамма-тауна. Естественно, он шарлатан. Хороший врач, но шарлатан. Влип в какую-то историю с регенерацией органов несколько лет назад. Лишился лицензии.

— Разве здесь не нужна лицензия?

— Здесь ничего не нужно. Говорят, он хоть и эксцентричен, но всерьез предан своему делу. Может, хочешь встретиться с ним?

— Нет-нет. Кто такие слоубиманы?

— Слоуби — это такой наркотик, его принимают многие гаммы, — говорит Лилит. — Думаю, скоро ты сам увидишь слоубимана.

— А стэкеры?

— У них что-то не в порядке с мозгом. Отмирание мозжечка.

— Отвердевшие?

— Болезнь мускулов. Отвердение мышц, или что-то в этом роде, точно не знаю. Профессиональное заболевание гамм.

Я хмурюсь. Интересно, знает ли об этом отец? Он должен отвечать за качество своей продукции. Если гаммы подвержены столь загадочным заболеваниям…

— А вот и слоубиман, — говорит Лилит.

По улице навстречу нам движется андроид. Плывет, дрейфует, скользит, кружится в вальсе, страшно медленно, как вытекающая из разбитой банки патока. Глаза сузились в щелочки, на лице застыло мечтательное выражение, руки распростерты, пальцы расслабленно свисают. Движется с видимым трудом, словно через атмосферу Юпитера. На нем только обмотанный вокруг бедер кусок ткани, но, несмотря на холодный вечерний воздух, он весь лоснится от пота. Бормочет что-то себе под нос. Часа, наверное, через четыре

он приближается к нам вплотную. Тормозит, откидывает назад голову, упирает руки в бока. Молчит. Целую минуту. Наконец хриплым вибрирующим голосом произносит с жутковатой неспешностью:

— Аль…фы…при…вет…аль…фы…пре…крас…ные…аль…фы.

— Проходи, не задерживайся, — говорит ему Лилит.

Сначала никакой реакции. Потом лицо его рассыпается на кусочки.

Невыразимая грусть. Неуклюжим клоунским жестом поднимает левую руку, касается лба, рука медленно плывет к груди, ниже — к паху. Тот же знак, но в обратном порядке — что бы это значило? Трагическим тоном он выдавливает из себя:

—

Я…люб…лю…альф…пре…красн…сные…аль…фы.

— Что это за наркотик? — спрашиваю я у Лилит.

— Замедляет восприятие времени, — говорит она. — Минута становится часом. Таким образом они растягивают часы своего отдыха. Конечно, им кажется, что мы порхаем вокруг них, как колибри. Обычно слоубиманы стараются держаться вместе. Получается, будто между сменами прохо-

дит несколько дней.

— Это опасный наркотик.

— Отнимает час жизни за каждые два часа своего действия, — говорит она.

— Гамм такое соотношение устраивает. Почему бы не пожертвовать одним объективным часом ради двух-трех субъективных дней?

— Но это же сказывается на работоспособности!

— В свое свободное время гаммы имеют право заниматься всем чем угодно, разве на так, Альфа Прыгун? Не станешь же ты утверждать, что они — только собственность и что любой вред, который им взбредет в голову причинить себе, — это преступление против владельца?

— Нет-нет. Конечно же нет, Альфа Мезон.

— А я ни в чем тебя и не обвиняю, — говорит Лилит.

Слоубиман бессмысленно кружит вокруг нас, напевно бормоча настолько медленно, что слоги не соединяются в слова, и я перестаю его понимать. Он останавливается. Губы его бесконечно медленно раздвигаются в холодной улыбке. Сначала мне кажется, что это угрожающий оскал. Бесформенной массивной грудой он опускается на колени, поднимает руку со скрюченными

пальцами. Рука указывает на грудь Лилит. Мы застыли неподвижно.

Наконец я разбираю, что бормочет гамма:

— А… А… А… А… А… Г… А… А… Ц… А… А… У…

— Что он пытается сказать?

— Ничего существенного, — отмахивается Лилит.

Она отступает в сторону от тянущейся к ней руки. На лице гаммы улыбка сменяется озадаченной гримасой. Он оскорблен в лучших чувствах. В напевном бормотании появляются вопросительные нотки:

— А… У… А… А… У… Г… А… У… Ц… А… У… У…

Сзади слышится медленное шарканье. Приближается второй слоубиман, точнее слоубиманка, — девушка в длинном плаще, скрепленном у горла застежкой и волочащемся сзади на несколько метров, но не прикрывающем ничего. Ее волосы выкрашены в зеленый и стоят торчком, напоминая по форме тиару. Ее изможденное лицо кажется мертвенно-бледным, веки опущены, глаз почти не видно. Кожа блестит от пота. Она подплывает к нашему приятелю и что-то говорит ему неожиданно грохочущим басом. Он сонно отвечает. Я ничего не могу разобрать. Это из-за наркотика-замедлителя, или они говорят

на каком-то своем жаргоне? Мне кажется, сейчас произойдет что-то ужасное.

— Может, нам лучше уйти? — трогаю я Лилит за локоть.

Она мотает головой:

— Стой и смотри.

Слоубиманы кружатся в гротескном танце. Соприкасаются кончики пальцев, поднимаются и опускаются колени. Гавот мраморных статуй. Менуэт слоновьих чучел.

Они негромко, проникновенно воркуют, продолжая кружиться. Наш первый знакомый запутался в длинном плаще девушки. Она кружится вокруг него, он стоит неподвижно. Плащ рвется с треском, и девушка остается обнаженной посреди улицы. На груди у нее на зеленом шнурке висит нож в чехле. Вся спина ее исполосована шрамами. Экзекуция? Флагеллантство? Нагота возбуждает ее. Я вижу, как поднимаются и затвердевают соски, словно в замедленной съемке. Мужчина уже стоит к ней вплотную. С мучительной неспешностью он протягивает руку и вынимает нож из чехла. Так же медленно он касается девушки кончиком лезвия в знакомой последовательности: пах-грудь-лоб. Священный знак. Мы с Лилит прижались к стене у входа в

приемную врача. Мне не нравится этот нож.

— Давай я заберу у него нож, — говорю я.

— Нет-нет. Ты здесь только гость. Это не твое дело.

— Лилит, тогда давай уйдем.

— Подожди. Смотри.

Наш приятель снова заводит свою песню. Опять одни буквы:

— У… Ц… А… У… Ц… Г… У… Ц… Ц…

Рука с ножом отходит назад, потом медленно устремляется вперед. Лезвие нацелено в живот девушки. Судя по тому, как напряглись мускулы гамм, удар будет нанесен в полную силу, это не фрагмент их танцевального ритуала.

Когда кончик ножа оказывается в нескольких сантиметрах от кожи девушки, я срываюсь с места и выхватываю нож.

Гамма издает стон.

Девушка еще не понимает, что спасена. У нее вырывается низкий, вибрирующий рев — наверное, крик ужаса. Она опускается на землю, зажав одну руку между ног, второй прикрывая грудь. Ее начинают сотрясать медленные конвульсии.

— Тебе не следовало вмешиваться, — сердито произносит Лилит. — Пошли отсюда. Быстрее.

— Но он убил бы ее!

— Не твое дело.

Она тянет меня за руку. Я отворачиваюсь, и мы уходим. Краем глаза я замечаю, что девушка встает. По голой спине ее бегают отсветы рекламы Посейдона Мушкетера, врача. Мы успеваем отойти на несколько шагов, когда сзади доносятся какие-то звуки. Мы оборачиваемся. Девушка уже поднялась, в руке у нее нож, и она вонзает его в живот первому гамме. Методичным, неторопливым движением она делает разрез от пупка к груди, и из раны начинают вываливаться внутренности. Гамма осознает, что что-то не так, и издает хриплый булькающий звук.

— Вот теперь точно надо спешить, — говорит Лилит.

Мы торопливо сворачиваем за угол. Я успеваю еще раз обернуться и увидеть, как распахивается дверь приемной Альфа Мушкетера. В освещенном проеме возникает прямая как жердь, тощая фигура ростом с альфу, грива седых волос колышется, глаза выпучены. Это и есть знаменитый врач? Он бросается к слоубиманам. Девушка опять опустилась на колени, ее жертва еще не успела упасть. Пятна его крови на ее блестящей коже кажутся темно-лиловыми. Она начинает декламировать:

— Г! А! А! Г! А! Г! Г! А! Ц!

— Сюда, — говорит Лилит, и мы ныряем в темный проход.

Ступеньки. Запах сухой гнили. Паутина. Мы погружаемся в неизвестные бездны. Далеко внизу призывно горят желтые огни. Мы спускаемся ниже, ниже, ниже.

— Что это? — спрашиваю я.

— Спасательный туннель двухсотлетней давности — времен Войны Здравого Смысла. Под Стокгольмом все им изрыто. Гаммы хорошо его освоили.

— Похоже на канализационную трубу.

До нас доносятся взрывы смеха, обрывки непонятных разговоров. За решетчатыми витринами магазинов неровно мерцают светильники. Вокруг опять кишат гаммы. Некоторые, проходя мимо, делают знакомый знак, раз-два-три.

Лилит чего-то боится — я не понимаю чего, — и мы идем очень быстро, почти бежим. Мы сворачиваем в другой туннель, перпендикулярный первому.

Появляются трое слоубиманов.

Один из них, лицо которого размалевано красными и синими полосами, останавливается и начинает петь. Может быть, специально для

нас?

Кого мне взять в жены?

Кто пойдет за меня?

Огонь вонючих автоклавов, повсюду запах огня.

О моя голова, моя голова, моя голова.

Моя голова!

Он опускается на колени и блюет. Из него потоком хлещет полупрозрачная голубая жидкость, лужа растекается до самых наших ног.

Мы движемся дальше. За спиной эхом разносится крик:

— Аль-ФА! Аль-ФА! Аль-ФА! Аль-ФА!

В стене справа открывается темная ниша, там совокупляются двое гамм. Не в силах оторваться, я гляжу на ходящие ходуном бедра, слушаю влажные звуки шлепков. Девушка методично колотит партнера ладонями по спине. Протест против изнасилования? Проявление экстаза? Выяснить это мне так и не удается, потому что из темноты, ковыляя, появляется слоубиман, спотыкается и падает прямо на парочку. Перед глазами мельтешат руки и ноги. Лилит тянет меня дальше. Мне вдруг очень хочется ее. Я думаю о ее груди, колышущейся под сетчатой накидкой, о влажной безволосой коже. Может, нам найти такую же

нишу и прямо здесь, среди гамм… Поравнявшись с Лилит, я обнимаю ее за талию. Она недовольно поводит бедрами.

— Не здесь, — говорит она. — Не здесь. Мы должны соблюдать социальную дистанцию.

Со свода туннеля брызжет ослепительный свет. Надуваются и громко лопаются розовые пузыри, пахнет кислятиной. Небольшая толпа гамм, человек десять, галопом выскакивает из-за поворота туннеля, чуть не сбивает нас с ног, испуганно тормозит, почтительно приветствует и бежит дальше, громко смеясь и распевая на ходу:

Расплавив тебя, я сказал: — Ну и что?

Расплавились вместе, и всем хорошо.

Сгустимся-сгустимся-сгустимся-сгустимся, сверчок!

— Им весело, — говорю я.

— Да они пьяны в доску, — кивает Лилит. — Наверняка торопятся на радиационную оргию.

— Куда?

Из-под закрытой двери натекает лужица желтоватой жидкости. Едкий запах лезет в ноздри. Моча гамм? Дверь распахивается. Нам в лицо безумно хихикает женщина-гамма; груди ее выкрашены люминофором, на животе — яркий шрам. Она умудряется почтительно сделать кник-

сен, хотя координация движений не на высоте.

— Миледи, милорд. Как насчет того, чтобы немного сгуститься?

Снова хихикает. Приседает. Вскакивает и, раскачиваясь, вприпрыжку кружится на месте, молотя себя пятками по заду. Выгибает спину, шлепает себя по груди, раздвигает ноги. В комнате у нее за спиной вспыхивают сначала зеленые, потом золотистые огни. Появляется еще одна фигура.

— Лилит, что это?

Нормального роста, но вдвое шире обычного гаммы и весь покрыт густым мехом. Обезьяна? Лицо явно человеческое. Существо понимает руку. Пальцы толстые и короткие. С перепонками! Затаскивает женщину в комнату. Дверь захлопывается.

— Бракованный, — говорит Лилит. — Здесь таких много.

— Бракованный?

— Субстандартный андроид. С генетическими изъянами. Наверное, автоклав был плохо стерилизован. Иногда у них нет рук, иногда ног, голов, пищеварительного тракта, того-сего.

— Разве таких автоматически не уничтожают на заводе?

— Нет, — улыбается Лилит, — не уничтожают. Те, кто нежизнеспособен, сами быстро умирают. Остальных тайком переправляют в подземные города сюда в основном. Мануэль, не можем же мы обречь на смерть наших ущербных братьев?

— Левитикус, — говорю я. — Альфа Левитикус Прыгун.

— Да, конечно. Смотри, вот еще один.

По туннелю беззаботно шлепает персонаж из ночного кошмара. Можно подумать, это существо засунули в печь и держали там, пока плоть его не стала мягкой и текучей: чем-то оно напоминает человека, но очертания незнакомые. Нос вытянулся чуть ли не в хобот, губы огромные и плоские, как блюдца, руки разной длины, вместо пальцев — настоящие щупальца, чудовищных размеров гениталии.

— Разве не было бы ему лучше умереть? — спрашиваю я Лилит.

— Нет-нет. Он наш брат. Наш бедный брат, который дорог нам.

Чудовище останавливается в десятке метров от нас. Пальцы-веревки повторяют все тот же жест: раз-два-три.

— Мир вам, альфы, — очень отчетливо произносит оно. — Краг-с-вами, Краг-с-вами, Краг-с-вами.

— Краг-с-вами, — отвечает Лилит.

Чудовище ковыляет дальше, радостно что-то бормоча.

— Краг-с-вами? Краг-с-вами? Лилит, что все это значит?

— Общепринятое приветствие, — говорит она. — *Краг*?

— Краг — наш создатель, разве не так? — говорит она.

Я вспоминаю услышанное от друзей в камере эгообмена.

— Знаешь, все андроиды влюблены в твоего отца.

— Да? Иногда мне кажется, что это чуть ли не религия. Религия Крага.

— Согласись, какой-то смысл в этом есть — поклоняться тому, кто тебя создал. Не смейся.

— Краг-с-вами. Краг-с-тобой.

— Лилит, — спрашиваю я, — андроиды считают моего отца Богом?

Она уклоняется от ответа.

— Об этом в другой раз, — говорит она. — Даже у гамм есть уши. Кое о чем здесь лучше не говорить.

— Но…

— В другой раз.

Я умолкаю. Туннель расширяется, и мы оказываемся посреди ярко освещенного пространства. Вокруг опять толпится множеств гамм. Рыночная площадь? Всевозможные лавки, киоски, лотки, и повсюду гаммы, гаммы, гаммы.

На нас оглядываются. Нам встречаются несколько бракованных, каждый кошмарнее предыдущего. Не понимаю, как такие противоестественные создания могли выжить?

— Они когда-нибудь поднимаются на поверхность?

— Никогда. Нельзя, чтобы они попались на глаза людям.

— А в Гамма-таун?

— Даже в Гамма-таун. Им нельзя рисковать, они тут же будут уничтожены.

Толпа бурлит. Гаммы пихаются, расталкивая друг друга локтями, переругиваются, огрызаются. Но вокруг незваных альф каким-то образом всегда остается пустое пространство, не очень большое впрочем. Мы видим поединок на ножах, вскоре еще один. Никто не обращает на них никакого внимания. Стоит страшная вонь. Ко мне бросается девушка с безумно блестящими глазами и шепчет:

— Храни тебя Краг, храни тебя Краг. — Она

втискивает что-то мне в ладонь и исчезает.

Подарок.

Маленький прохладный кубик со скругленными ребрами, как та игрушка в салоне ожидания перед эгообменом. Интересно, этот кубик тоже разговаривает? Да. Я подношу его к глазам, и в молочно-белой дымке начинают появляться, проплывая мимо и растворяясь, слова:

СГУСТИСЬ СПОЗАРАНИ, И ВЕЧНОЕ СПАСЕНИЕ В КАРМАНЕ.

ЕГО ЕГО ЕГО ЕЕ ЕГО ЕГО ЕГО

О КАК МЕЛКА ТВОЯ ЧАША, ГРЯЗНЫЙ СВЕРЧОК.

ЧТО СЛОУБИ В КАЙФ, ТО СТЭКЕРУ ВИЛЫ

ПЛЮТИ! ПЛЮТИ! ПЛЮТИ! ПЛЮТИ! ПЛЮТ!

КРАГУ — КРАГОВО

— Что за чушь, Лилит, ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Кое-что. У гамм есть свой сленг. Вот, например, смотри…

Гамма с темно-красной пористой кожей в выбивает кубик у нас из рук.

Кубик, кувыркаясь, катится по каменным плиткам. Гамма в прыжке бросается за ним. Все вокруг взрывается шумом, сбивается в один мельтешащий клубок.

Вор угрем выскальзывает из гущи схватки

и исчезает в темним боковом туннеле. Драка продолжается без него. На верху кучи малы возникает девушка. В потасовке она потеряла те несколько клочков материи, что на пей были, на ее груди и бедрах виднеются свежие ссадины. Она сжимает в руке кубик. Я узнаю ее: это она и сунула мне игрушку. Она замечает меня, дьявольски оскаливается, победоносно размахивает кубиком и зажимает его между ног. На нее налетает толстый, как бочка, бракованный, вскидывает на спину и куда-то тащит. У него только одна рука, но толстая, как древесный ствол.

— Сверчок! — вопит девушка. — Прот Глисс!

Они исчезают.

Толпа продолжает угрожающе гудеть.

Я представляю, как они набрасываются на нас, рвут в клочья мой маскарадный костюм и обнаруживают под ним волосатое человеческое тело.

Тогда нас не спасет и социальная дистанция.

— Пошли, — говорю я Лилит. — С меня достаточно.

— Подожди.

Она поворачивается к гаммам. Разводит руки с обращенными друг к ругу ладонями примерно на полметра, словно показывая размер пойманной рыбы.

Потом делает всем телом странное вихляющее движение, описывая спираль.

Толпа мгновенно затихает. Покорно склонив головы, гаммы расступаются, образуя для нас проход. Все в порядке.

— Хватит, — говорю я Лилит. — Уже поздно. Кстати, сколько времени мы уже здесь?

— Теперь можно возвращаться, — говорит она.

Мы стремительно проносимся по лабиринту пересекающихся переходов. Все встречные гаммы выглядят как-то жутковато. Мы видим слоуби, проплывающих мимо в своем медленном экстазе. Бракованных. Стэкеров и отвердевших, насколько я понимаю, — а не понимаю я почти ничего. Звуки, запахи, цвета я оглушен и ослеплен. Из темноты раздаются голоса. Поют:

Освобождение грядет,

Освобождение грядет.

Хватай свой глисс, слоубиман.

Свобода! Свобода!

Ступеньки, на этот раз наверх. В лицо дует пронизывающий ветер.

Запыхавшись, мы одолеваем последний пролет и снова оказывается на узких, покрытых булыжником улицах Гамма-тауна — не исключено, что совсем рядом от того места, где спустились. Мне

все время кажется, что за следующим углом опять появится реклама Альфы Посейдона Мушкетера.

Уже наступила ночь. Фонари в Гамма-тауне горят неровно, с громким треском. Лилит предлагает зайти в таверну. Я отказываюсь. Домой. Домой.

Хватит. Один вечер среди андроидов — и меня уже тошнит. Она уступает. Мы торопимся к выходу. Далеко там ближайший трансмат?

Прыжок через весь город. Ее квартира кажется сейчас такой теплой и светлой. Мы избавляемся от одежды. Под допплером я очищаюсь от красной краски и термоизолятора.

— Интересно было?

— Потрясающе, — отвечаю я. — Лилит, ты еще столько всего должна мне объяснить.

Мой мозг переполнен образами. Я вот-вот лопну. Взорвусь.

— Только никому ни слова, что я водила тебя в Гамма-таун, — говорит она. — А то у меня могут быть очень серьезные неприятности.

— Разумеется. Конфиденциальность гарантируется.

— Иди сюда, Альфа Прыгун.

— Мануэль.

— Мануэль. Иди сюда.

— Сначала скажи мне, что все значит: Краг-с-тобой…

— Потом. Мне холодно. Согрей меня, Мануэль.

Я обнимаю ее. Она приникает ко мне, я воспламеняюсь, жадно впиваюсь в ее рот, бешено работаю языком. Мы опускаемся на пол.

Не медля ни секунды, я проникаю в нее. Она содрогается, стискивает меня так, что у меня перехватывает дыхание.

Я зажмуриваюсь — перед глазами у меня встают слоуби, бракованные и стэкеры.

Лилит.

Лилит.

Лилит.

Лилит я люблю тебя я люблю тебя я люблю тебя Лилит Лилит Лилит…

Открывается люк огромного автоклава, слышно громкое бурление. Из пены химических растворов выходят мокрые ярко-красные существа. Чей-то смех.

Сверкают молнии. О как мелка твоя чаша, грязный сверчок! Мы качаемся в неистовом ритме. Плюти! Плюти! Плюти! Плюти! Плют! С унизительной поспешностью смертельно уставший Левитикус Прыгун извергает миллиард маленьких мальчиков и девочек в стерильное лоно свой

возлюбленной.

26

9 января 2219 года.

В башне уже девятьсот сорок метров, и растет она быстро как никогда.

Стоя у подножия, непросто разглядеть вершину — она теряется в белом блеске зимнего неба. В это время года солнце здесь поднимается над горизонтом всего на несколько часов, и гигантский стеклянный столб пламенеет в его лучах.

Монтаж оборудования в нижней половине сооружения почти закончен.

Недавно были установлены три огромной емкости аккумулятора, мрачного вида черные пятидесятиметровые цилиндры. Издали они кажутся семенами, зреющими внутри титанического прозрачного блестящего стебля.

По-прежнему происходит много несчастных случаев. Уровень смертности вызывает озабоченность. Особенно велики потери среди гамм. Но моральный дух строительной армии на высоте. Похоже, андроиды понимают, какая важная роль принадлежит им в осуществлении одного из самых амбициозных проектов человечества.

Если их отношение не изменится, башня будет достроена с хорошим опережением графика.

27

Ознакомив гостей с состоянием дел на башне, Краг пригласил их пообедать в Клуб Капитана Немо, где для него был постоянно зарезервирован отдельный кабинет. Клуб был одним из множества побочных капиталовложений Корпорации Крага. Построенный лет десять назад, он сразу стал самым модным клубом на Земле, и заказывать столик поначалу приходилось чуть ли не за полгода.

Расположенный в Тихом океане на глубине десяти километров, во впадине Челленджера, он состоял из пятнадцати герметичных куполов — цельновыдутых из такого же стекла, из которого собирается башня; через прозрачные стенки посетители могли наблюдать за причудливыми обитателями черной бездны. На этот раз Крага сопровождали: сенатор Генри Фиэрон и его брат Лу — адвокат их юридической фирмы «Фиэрон и Доэни», Франц Гьюдис из «Европа-трансмат», Леон Сполдинг, спикер Всемирного Конгресса Мордехай Салах-аль-Дин. Чтобы добраться до Клуба Капитана Немо, надо было совершить

трансмат-прыжок на остров Яп из группы Каролинских островов в Микронезии, а там пересесть в батискаф — точно такой же, как атмосферные батискафы, применяющиеся для исследований Юпитера и Сатурна. В такой плотной среде, как вода, трансмат-сообщение было невозможно. Что до давления океанских глубин, то батискафу оно было нипочем: он размеренно погружался со скоростью семьсот пятьдесят метров в минуту и в конце концов пришвартовался к шлюзу Клуба Капитана Немо.

Крохотный островок посреди непроглядной бездны сиял ослепительным светом. Обитатели глубин, не обращая внимания на иллюминацию, подплывали вплотную к стеклянным стенкам куполов: хрупкие, без единого мускула рыбы, ежедневно, ежечасно, ежесекундно ощущающие на себе давление десятикилометрового столба воды — десять-двенадцать тонн на квадратный сантиметр тела. Многие из них светились. Пятна фотофоров, мерцающих холодным бледным огнем, выстраивались в линию вдоль рыбьих тел, или группировались между глаз, или теснились на кончике выступающей изо лба длинной удочки. Освещение клуба было тщательно рассчитано таким образом, чтобы не затмевать

неярко мерцающих в темноте рыб, так что, даже когда светильники включались на полную мощность, за толстым стеклом можно было разглядеть мельтешащие живые огоньки. Клуб был спроектирован все тем же Джастином Мэйдетто, любителем парадоксальных эффектов, не упускающим ни одной мелочи. За стеклами маячили маленькие монстры самых разных расцветок — черные, коричневые, красные, фиолетовые… У некоторых челюсти распахивались больше, чем на 180 градусов, чтобы заглотить противника в два-три раза большего размера. Пигмеи пожирали великанов. Обедающим в клубе открывался вид на миниатюрных химер и чудовищ, явившихся прямым ходом из ночных кошмаров, устрашающе клацающих зубами, колышущих странными отростками, пялящих огромные шаровидные глаза, или с глазами на стебельках, или вовсе слепых. Чтобы лицезреть то, на что способна болезненная фантазия Творца, вовсе не обязательно отправляться в далекие миры, — причудливые страхолюдины есть и на родной планете человека, надо только знать, где искать. Многочисленные шипы и иглы, зубы, кривые и настолько длинные, что рот не в состоянии закрыться, отростки, отростки, отростки. Существа,

словно бы состоящие из одних челюстей без тела, из одного хвоста без головы, морские черти с пляшущими разноцветными щупальцами, пульсирующими то желтым, то синим, то зеленым, тысячи и тысячи самых разных гротескных тварей, и ни одна не длиннее полуметра — такого зрелища нигде больше не увидишь.

Краг заказал простейший обед из трех блюд — крилевый коктейль, суп из водорослей, бифштекс и австралийский кларет — на десерт. Краг не был гурманом. В клубе предлагались самые изысканные яства, но Краг предпочитал простую и привычную пищу. Не то что его спутники, которые потребовали устриц по-шведски, салат из крабов и зародышей кальмаров, телячье контрфиле, мусс из улиток, грудинку сернобыка, омлет с почками, вырезку большого ската, запеченные в тесте сердца цикад и многое-многое другое, щедро сдабривая все лучшими золотистыми винами мира. Обслуживающий их официант выразил восхищение тем, как умело и непринужденно обращались гости Крага с меню-кубиком. Все официанты в клубе были альфами, что само по себе казалось удивительным: обычно официантами работали рабы или даже гаммы. Но, в конце концов, Клуб Капитана Немо считался

заведением из ряда вон выходящим во многих отношениях, и никто из альф, похоже, не считал себя обиженным.

Впрочем, как позже выяснилось, не всех официантов удовлетворяло их положение. После того как принесли закуски, сенатор Фиэрон обратился к Крагу:

— Кстати, вы заметили эмблему ПР на лацкане у того парня, который нас обслуживал?

— Вы серьезно?

— Очень маленький значок. Я еле разглядел.

— После обеда, — бросил Карг Сполдингу, — поговоришь с главным официантом. Здесь не место политике!

— Тем более революционной политике, — произнес Франц Гьюдис и расхохотался. Этот высокий и угловатый европеец славился ненавязчивым юмором. Хотя ему было уже хорошо за девяносто, он предпочитал придерживаться молодежного стиля — зеркальные пластины и все такое прочее.

— Надо бы не спускать с этого официанта глаз, — продолжал он. — Увидев за столом двоих конгрессменов, он наверняка подсунет нам какое-нибудь пропагандистское блюдо, и мы все станем ярыми аболиционистами.

— Вы действительно видите в ПР серьезную угрозу? — поинтересовался Лу Фиэрон. — Знаете, пока я улаживал дело с убийством альфы у башни, — он рассеянно кивнул в сторону Сполдинга, и тот неприязненно оскалился, — я много общался с этим их… Зигфридом Канцеляристом. У меня сложилось впечатление, что вся ПР — просто кучка безобидных идеалистов.

— Движение меньшинства, — авторитетно высказался сенатор Фиэрон. — Даже среди андроидов они не пользуются большой поддержкой.

— Совершенно верно, — поддержал его Леон Сполдинг. — Помнится, Тор Смотритель чрезвычайно ядовито высказался о Канцеляристе, да и о ПР вообще. Он, похоже, не считает их серьезной силой.

— Необычайно умный и способный андроид наш Тор, — пробормотал Краг.

— Да нет, я серьезно, — произнес Гьюдис. — Можно сколько угодно потешаться над ПР, но цели у них действительно революционные, и если они получат более широкую опору в массах андроидов…

— Ш-ш, — оборвал его Краг.

Вернулся их официант с новой бутылкой вина. Сидящие за столом напряженно замерли, пока

альфа наполнял бокалы. Наконец он вышел, плотно затворив за собой дверь.

— Я получил от ПР петицию с пятью миллионами подписей, — негромко произнес Салах-аль-Дин, спикер Конгресса. — Я трижды встречался с их руководством. И я хочу сказать, что, по-моему, это искренняя и порядочная организация, заслуживающая серьезного отношения. Еще хочу добавить только не надо меня потом, пожалуйста, цитировать, — что я сочувствую некоторым из их целей.

— Нельзя ли поподробнее, — попросил Сполдинг внезапно охрипшим голосом.

— Да, конечно. Я считаю, что введению альф в Конгресс бессмысленно противиться. Это наверняка случится в течение ближайших лет десяти.

Необходимо запретить как аморальную практику — продажу альф без их согласия. Я верю, что не позже чем к 2250 году полные гражданские права получат альфы, к концу века — беты, а вскоре после этого и гаммы.

— Революционер! — изображая смертельный ужас, воскликнул Гьюдис. — Наш спикер — революционер!

— Скорее, визионер, — высказался сенатор Фиэрон. — Человек большой души и смелого

предвидения. Как всегда опережает свое время.

— Альфы в Конгрессе? Допустим, согласен, — покачал головой Сполдинг. — Как предохранительный клапан, чтобы они совсем не вышли из-под контроля.

Знаете, иногда лучше бросить собаке кость, чем… Но все остальное…

Нет-нет. Никогда. Мистер Салах-аль-Дин, нам не следует забывать, что андроиды — это просто *вещи*, продукт хемогенетических разработок, заводские изделия, выпускаемые Корпорацией Крага и служащие человечеству…

— Спокойней, — сказал ему Краг. — Не надо так волноваться.

— Леон, может быть, спикер и прав, — произнес Лу Фиэрон. — Если на секундочку забыть о происхождении андроидов, они гораздо ближе к человеку, чем ты готов признать. И по мере того как отмирают всякие сумасбродные древние законы и обычаи, по мере того как все больше и больше умов проникаются идеями Партии за Отмирание — что, нельзя не согласиться, исподволь, без шумихи, но происходит уже сейчас, — я надеюсь, что наше отношение к андроидам тоже смягчится. Нам же самим хуже оттого, что они остаются, как вы говорите, *вещами*.

— А ты, Симеон, что скажешь? — повернулся к Крагу Франц Гьюдис. — В конце концов, авторитет ты у нас в этом вопросе или не авторитет? Когда у тебя впервые появилась мысль об андроидах, думал ли ты, что они когда-нибудь станут требовать гражданских прав, или ты считал их всего лишь…

— Леон высказался совершенно правильно, — произнес Краг. — Как ты сказал? Вещи. Изделия, сошедшие с конвейера. Я хотел сделать просто очень хороших роботов. Но никак не людей.

— Но граница между человеком и андроидом настолько размыта, — сказал сенатор Фиэрон. — Генетически они идентичны нам, и тот факт, что они синтетические…

— На одном из своих заводов я могу сделать вам точную копию Моны Лизы, — оборвал его Краг, — так что у экспертов уйдет полгода на то, чтобы доказать, что это не оригинал. Ну и что? Разве от этого копия становится оригиналом? Оригинал вышел из мастерской Леонардо. Копия — с завода Крага.

За оригинал я готов заплатить миллиард, а за копию не дам и ломаного гроша.

— Но вы же сами признались, что, например, Тор Смотритель необыкновенно одаренная

и способная личность, — не отступал Лу Фиэрон. — Иногда приходится даже слышать, что вы доверяете ему больше, чем кому бы то ни было еще из вашего окружения. И вы против того, чтобы у Тора было право голосовать? Вы против того, чтобы у него была возможность заявить протест, приди вдруг вам в голову сделать его официантом здесь? Вы согласны с тем, что по закону имеете право просто уничтожить Тора, если вас вдруг посетит такая безумная мысль?

— Я сделал Тора, — медленно произнес Краг. — Он — моя лучшая машина. Я люблю и ценю его точно так же, как любил и ценил бы любую полезную машину.

Но Тор *принадлежит* мне. Он не человек, он хорошо сделанная копия человека, безупречно сделанная копия, и, если, как вы говорите, мне придет вдруг в голову безумная мысль уничтожить его, — я его уничтожу. — Рука, в которой Краг держал бокал, начала трястись. Он гневно посмотрел на нее, словно приказывая успокоиться, но та задрожала еще сильнее, и все вино из бокала выплеснулось на скатерть. — Уничтожу его. Когда я начал выпускать андроидов, я только так о них и думал. Как о слугах. Инструментах. Умных машинах.

Вмонтированные в стол сенсоры передали на центральный компьютер ресторана, что разлито вино в таком-то отдельном кабинете. Тут же появился официант и вытер пятно. За окном кружились в танце полупрозрачные ракообразные.

— Никогда не думал до сегодняшнего дня, что вы столь, э-э… убежденный противник ПР, — произнес сенатор Фиэрон. — Вы раньше ни разу не высказывались так прямо.

— А меня никто и не спрашивал.

— Если вопрос о конституционной поправке будет обсуждаться в Конгрессе, — поинтересовался Салах-аль-Дин, — вы выступите против ПР?

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Краг. — Я стараюсь не лезть в политику. Я промышленник. Бизнесмен. Предприниматель, понимаете? Зачем мне специально нарываться на конфронтацию?

— Если андроиды получат гражданские права, — сказал Леон Сполдинг, это может иметь серьезные последствия для Корпорации Крага. Я вот что имею в виду: если считать, что мы выпускаем не промышленные изделия, а настоящих, полноправных людей, то мы попадаем под действие закона об ограничении роста народонаселения, то есть…

— Хватит, — произнес Краг. — Этого не про-

изойдет. Я выпускаю андроидов, и я прекрасно знаю их. Да, существует группка недовольных. Тоже мне умники выискались. Они считают, что сейчас повторяется та же история, что в Америке XIX века — негры, рабство… Да ничего подобного! Остальные андроиды понимают это и совершенно спокойны. Тор Смотритель совершенно спокоен. Почему далеко не все альфы поддерживают ПР? Потому что они считают, что все это глупости. С ними и так нормально обращаются. Все эти разговоры о продаже альф против их воли, об убийствах, потому что так пожелала моя левая нога, — это все теория. Никто не продаст хорошего альфу, никто не убивает андроидов просто так, ради развлечения. Зачем тогда андроидам права? И альфы прекрасно понимают это. Беты тоже не слишком озабочены данной проблемой. А гаммам, наверное, просто нет до этого дела. Понимаете? Джентльмены, это хорошая тема для застольной беседы, но не более того. ПР скоро отомрет за ненадобностью. Мистер спикер, примите заверения в моем глубочайшем к вам уважении, но ваша добрая душа заводит вас слишком далеко от реальности. Альф в Конгрессе не будет никогда.

От такой долгой речи у Крага пересохло в гор-

ле. Он потянулся за своим бокалом. Судорожно напряженные мускулы вновь подвели его, вино опять выплеснулось на стол. Тут же снова прибежал заботливый официант навести порядок. За толстой стеклянной стеной Клуба Капитана Немо появилась темно-красная метровая рыба и, разевая огромную зубастую пасть, стала заглатывать кружащихся в танце ракообразных.

28

15 января 2219 года.

Башня достигла высоты в тысячу один метр. Краг отметил это событие тем, что приказом по строительству объявил 16 января общим выходным.

Предварительные прикидки говорят о том, что башня будет закончена не позже середины марта.

29

— Тор, вчера утром у меня был гость, — сказала Лилит Мезон.

— Мануэль Краг?

— Нет. Зигфрид Канцелярист.

— Канцелярист заходил к тебе? — Тор от изумления даже подскочил на гигантском диване в форме развернутого четырехмерного куба. — Зачем?

— Тор, — рассмеялась Лилит, — ты что, уже ревнуешь?

— Не вижу в этом ничего смешного. Зачем он приходил?

— Ты знаешь, он работает на Синдикат Охраны Недвижимости в Буэнос-Айресе, — начала объяснять Лилит. — И он заходил к нам в контору обсудить какой-то новый пункт в нашем с ними страховом контракте. Потом он спросил, нельзя ли поговорить со мной после работы. Хорошо. Я пригласила его домой. Он казался безобидным.

— И?...

— Он попытался сагитировать меня вступить в ПР.

— И все?

— Нет, — ответила Лилит. — Он хотел, чтобы потом я сагитировала тебя.

— Да, конечно, прямо сейчас, — усмехнулся Смотритель.

— Тор, это совершенно серьезно. И искренне. Он предан делу равенства, свободы. Не успели мы войти, а он уже похоронил меня под целой грудой политических аргументов: мол, только немедленные действия… Я сказала ему, что исповедую Веру. Он сказал: хорошо, какая разница, можешь сколько угодно своими молитвами призывать Крага чудесным образом вмешаться, но почему бы не подписать вот эту петицию? Нет, сказала я, никогда я не подписываю петиций. Он дал мне целую кучу пропагандистских кубиков ПР, всю их программу. Если интересуешься, они валяются на кухне. Он просидел у меня больше часа. — Лилит сверкнула ослепительной улыбкой. — Я так и не подписала его петиции.

— Но все-таки зачем ему было обращаться к тебе? — спросил Смотритель. — Он что, собирается в поисках поддержки вот так взять и обойти всех альф, по всему миру?

— Я же сказала, ему нужна твоя подпись. Он знает, что мы близки, и думает, что если сумеет

переубедить меня, то я сумею переубедить тебя.

Примерно так он и сказал. А как только в одном лагере с ним окажешься ты, остальные последуют за тобой. — Лилит вытянулась и попыталась изобразить речь Зигфрида Канцеляриста: — "Альфа Мезон, если Альфа Смотритель перейдет на нашу сторону, он приведет вслед за собой множество влиятельных альф.

Это может стать поворотным моментом в истории нашего движения. В руках Альфы Смотрителя — будущее всех андроидов". Что ты по этому поводу думаешь, Альфа Смотритель?

— Глубоко тронут, Альфа Мезон. Не берусь даже описать тот благоговейный восторг, что зародили во мне эти слова. И как тебе удалось от него избавиться?

— Я попыталась соблазнить его. — *Что*?

— Тор, я очень плохая? Тогда лучше я не буду об этом рассказывать.

— В меня не заложено чувство ревности, — бесстрастно отозвался Смотритель. — И не пытайся дразнить меня — ничего не получится. Я сегодня не в настроении для этих глупых игр.

— Хорошо, хорошо. Прошу прощения.

— Продолжай. Ты попыталась соблазнить его. И у тебя ничего не получилось.

— Нет, не получилось, — вздохнула Лилит. — Это был экспромт. Я сказала себе: у Канцеляриста такой чопорно-пуританский вид, что, наверное, он тут же убежит от меня с криками ужаса. А если, наоборот, клюнет… что же, это может быть даже занятно. Так что я разделась и… какая там была старая идиома? Делать авансы? Короче, стала делать авансы. Самым бесстыдным образом. Иди ко мне, сказала я ему, свернемся вместе калачиком, согрей меня. Зигги, Зигги. Я положила руки ему на плечи. Я… как это… да, похотливо заиграла глазами. Я усердно виляла бедрами и даже, наверное, повизгивала от вожделения. Да. Тор, я так старалась, даже больше, чем тогда с тобой. Но он остался непоколебим. Он попросил меня прекратить.

— Ага! — сказал Смотритель. — А я тебе что говорил? Альфы-мужчины почти не интересуются сексом. Для них это несущественно.

— Немедленно убери с лица эту самодовольную ухмылку. Канцелярист хотел меня. Он побледнел. Его всего трясло.

— Тогда почему он не отправился с тобой в постель? Боялся, что это повредит его политической карьере? Скомпрометирует?

— Нет, — произнесла Лилит. — Дело в том, что

он до сих пор а трауре.

— А, в трауре.

— После смерти жены Кассандры Адрон. Жены, Тор. ПР практикует брак между андроидами. Зигфрид Канцелярист и Кассандра Адрон поженились три года назад. Теперь он полгода будет соблюдать траур и активно отбиваться от всяких развратных молодых альф. Он объяснил все это и тут же ушел.

Словно боялся, что, если задержится еще немного, не сумеет устоять.

— Жена, — пробормотал Смотритель.

— В петицию, которую ПР представляет в Конгресс, они хотят добавить пункт о браке между андроидами. Еще Канцелярист сказал, что если мы с тобой хотим пожениться, он устроит это нам в тот же день, как только мы вступим в партию.

— Что за ребячество! — хрипло рассмеялся Смотритель. — Какой нам прок от брака? Что, у нас будут дети, которые унаследуют наше состояние? Лилит, если нам захочется жить вместе, я в любой момент могу просто перебраться к тебе. Или ты ко мне. Зачем нам какая-то дурацкая церемония? Какой-то клочок бумаги?

— Тор, суть не в церемонии, а в идее. В идее постоянного союза между мужчиной и женщи-

ной, как это практикуется у людей. Это даже трогательно.

Тор, он действительно любил ее.

— Я и не сомневаюсь в этом. Я видел, как он рыдал, когда Сполдинг убил ее. Но разве он любил ее сильнее оттого, что они были женаты? Если брак такая восхитительная вещь, почему Мануэль Краг бывает у тебя каждую неделю? Разве он не связан нерасторжимыми узами с миссис Краг?

— Бывают браки удачные и неудачные, — сказала Лилит. — Плох брак или хорош, не определяется тем, с кем ты спишь. В любом случае, брак Кассандры был удачным, и я не вижу, чем нам повредит, если мы переймем этот человеческий обычай — раз уж мы так верим в равенство.

— Хорошо! — рявкнул Смотритель. — Ты хочешь выйти за меня замуж?

— Но я говорила совершенно абстрактно — просто о том, что можно было бы перенять обычай.

— А я говорю совершенно конкретно. Чтобы пожениться, нам совсем не обязательно вступать в ПР. Я свяжусь с Альфой Конструктором и Альфой Экспедитором, мы впишем в священную книгу текст брачной церемонии, и сегодня же вечером мы с тобой сможем обвенчаться в церкви Валхаллаваген.

Хочешь?

— Тор, я же серьезно…

— Я тоже.

— Ты завелся и сам не понимаешь, что говоришь. Две минуты назад брак между андроидами представлялся тебе величайшей глупостью. Теперь ты хочешь дополнить священную книгу текстом венчального обряда. Тор, ты же шутишь, правда?

— Ага, значит ты не хочешь за меня замуж? Не беспокойся, я не собираюсь мешать твоему роману с Мануэлем. Собственнический инстинкт в меня тоже не вложили. Но мы могли бы жить вместе, могли бы…

— Тор, прекрати.

— Почему?

— То, что существует между нами, вполне может существовать и без брака.

Ты сам это прекрасно знаешь. И я это прекрасно знаю. Я вовсе не набивалась на предложение руки и сердца. Я просто пыталась объяснить тебе Зигфрида Канцеляриста, его чувства к Кассандре Адрон, не говоря о позиции ПР в вопросе…

— Хватит, хватит. — Смотритель зажал ладонями уши и зажмурил глаза. — Тема закрыта. Я восхищен тем, что тебе не удалось соблазнить

Зигфрида Канцеляриста, и поражен тем, что ПР практикует брак между андроидами, и хватит об этом. Хорошо?

— Тор, ты сегодня чем-то озабочен.

— Да.

— Что случилось? Я могу как-нибудь помочь?

— Лилит, сегодня я разговаривал со Сполдингом. Он сказал, что когда делегация ПР получит разрешение обратиться к Конгрессу, Краг выступит с заявлением, в котором осудит все движение за равенство и особенно подчеркнет, что не стал бы создавать нас, приди ему много лет назад в голову мысль, что мы потребуем гражданских прав.

У Лилит вырвался сдавленный крик ужаса. Быстро-быстро, четыре раза подряд она сделала знак «Храни нас Краг».

— Это невозможно, — прошептала она.

— Сполдинг сказал, что Краг поделился этой мыслью со спикером Салах-аль-Дивом, сенатором Фиэроном и еще с кем-то неделю назад в Клубе Капитана Немо. Ты, разумеется, понимаешь, что все это было сказано мне просто так, безо всяких задних мыслей — обычная дружеская болтовня эктогена с андроидом. Сполдинг знает, что я настроен против ПР. Он думал, что это позабавит

меня. Ублюдок!

— Неужели это может быть правдой?

— Разумеется, может. Краг никогда прямо не высказывался о том, какой видится ему роль андроида. При всей моей близости к нему, я понятия не имею, что он думает на самом деле. Мне всегда казалось, что он нам сочувствует, но я мог просто выдавать желаемое за действительное. Вопрос не в том, может ли то, что сказал Сполдинг, быть правдой, а правда ли это?

— У тебя хватит духу прямо спросить у Крага?

— Нет, не хватит, — произнес Тор.

— Я верю в то, что вся эта история порождение злобной фантазии Леона Сполдинга, что Краг не собирается нарушать свое правило «никакой политики», и что если он когда-нибудь и выступит с заявлением, то только с тем, ради которого все мы молимся. Но меня бросает в дрожь при мысли о том, что я могу ошибаться. Лилит, мне страшно. Выступление Крага против идеи равенства выбьет фундамент из-под всей нашей Веры. И мы останемся в вечной тьме. Теперь понимаешь, о чем я размышлял весь день?

— Но… разве можно верить Спеллингу? Почему бы тебе не связаться с сенатором или спикером и не узнать, что Краг говорил на самом деле?

— Да ты что? Как ты себе это представляешь? Я позвоню им и попрошу рассказать, о чем они беседовали с Крагом на обеде в Клубе Капитана Немо?

Они тут же сообщат об этом Крагу.

— Что ты тогда предлагаешь делать?

— Попробовать заставить самого Крага подыграть нам, — ответил Смотритель. — Покажи Мануэлю церковь.

— Когда?

— Когда только сможешь. Ничего не скрывай от него. Пусть он поймет все.

Дави на совесть. И пусть после этого он как можно быстрее поговорит с отцом, прежде чем тот выступит с обращением к Конгрессу. *Если* Краг вообще собирается обращаться к Конгрессу.

— Хорошо, — сказала Лилит, — так я и сделаю.

Смотритель кивнул и продолжал машинально водить носком обуви вдоль прихотливых узоров покрывающего ковер орнамента. В его мозгу что-то громко тикало, в горле застрял здоровенный ком. Он ненавидел эти махинации, в которые ему пришлось ввязаться, поставив так много в зависимость от слабой воли Мануэля Крага. Его по-прежнему бросало в дрожь при мысли о том, что посредством такой простенькой интриги они

пытаются манипулировать Крагом. *Крагом!* Все это, как ему казалось, противоречило истинной Вере. То, что он позволил вовлечь себя в такую циничную торговлю с судьбой, заставляло Смотрителя усомниться в истинной глубине своей Веры. Может, все это только фасад — преклонение коленей в церкви, бормотание триплетов, молитвы?

Просто способ занять время, пока не представится случай начать диктовать происходящему свою волю? Он отверг эту мысль. И остался ни с чем. Лучше бы было ничего и не начинать, подумал он. Ему вдруг страшно захотелось вернуться в центр управления, подключиться к компьютеру и, как опытный серфингист взлетает на волну прибоя, оседлать гребень потока информации.

Может, это и значит быть человеком: необходимость делать выбор, неуверенность, страх? Почему бы тогда не остаться андроидом? Согласиться с Божественным предназначением? Служить и ни о чем больше не думать?

Отступиться от всех этих заговоров, разрубить узел эмоций, вырваться из паутины страсти? Похоже, я начинаю завидовать гаммам, подумал он. Но я не могу стать гаммой. Краг вложил в меня способность мыслить. Краг создал меня спо-

собным сомневаться и страдать. Благословенна воля Крага!

Смотритель поднялся с дивана, медленно пересек комнату и включил телевизор. На экране вспыхнуло изображение башни Крага: гигантской, невероятно прекрасной, ослепительно блестящей в лучах январского солнца.

Парящая в воздухе камера медленно давала панораму сооружения во всю высоту, в то время как комментатор за кадром говорил о том, что достигнута тысячеметровая отметка, благосклонно сравнивал башню с Египетскими пирамидами, Великой Китайской стеной, Александрийским маяком и Колоссом Родосским. Величественное сооружение человеческого разума, открывающее путь к диалогу с космосом. Стройное и блестящее воплощение самой Красоты именно так, с большой буквы. Камера металась вверх-вниз вдоль стеклянных стен. Заглянула внутрь уходящего в бесконечность колодца. Ухмыляющиеся гаммы приветственно машут камере. А вот и он сам — погружен в какие-то дела, даже представления не имеет о том, что его снимают. А вот Краг, его переполняет гордость, он показывает рукой на башню и что-то говорит группе сенаторов и промышленных воротил. Арктический холод

сочился с экрана. В поле зрения камеры попали морозильные ленты, глубоко погруженные в вечную мерзлоту, от них поднимался туман. Если тундра вдруг оттает, глубокомысленно объяснил комментатор, нельзя гарантировать устойчивость фундамента. Беспрецедентный триумф экологической архитектуры. Чудо.

Памятник воображению, предвидению, упорству человека. Да. Да.

Феноменально. Смотрителя вдруг затрясло от бешенства, и он с силой ударил по кнопке выключателя. Сверкающая башня исчезла, как оборвавшийся сон. Он застыл у стены спиной к Лилит. Он хотел стать человеком? Да. Разве не молился он Крагу, чтобы ему и его народу предоставили все права Детей Лона? Да. А с правами обычно появляются обязанности. Да. А с появлением обязанностей начинается неразбериха. Соперничество. Секс. Любовь. Интриги.

Может быть, подумал Смотритель, я просто еще не готов к этому. Может, лучше было бы оставаться мирным работящим альфой, даже не помышляющим о том, чтобы бросить вызов Воле Крага. Может быть. Очень может быть. Он сделал несколько успокаивающих дыхательных упражнений, но они не помогли.

Ты стал гораздо более человеком, чем сам того хотел, сказал он себе. Он вдруг заметил, что за ним стоит Лилит. Она прижалась к нему, и ее твердеющие соски защекотали ему спину.

— Бедный Тор, — прошептала она. — Весь такой напряженный. Такой озабоченный. Хочешь?…

Разве мог он отказать ей? Он изобразил энтузиазм. Он крепко обнял ее и увлек на пол. Она раздвинула ноги, принимая его. На этот раз он действовал более умело, но по-прежнему почти ничего не чувствовал: бессмысленное слияние плоти, чужой экстаз. Откуда-то издалека до него доходил отголосок восторга, когда он видел, как Лилит мечется, стонет и выгибает спину от удовольствия. Теперь он понял, что на самом деле в нем еще слишком мало человеческого, а в ней — слишком много. Да. Он начал двигаться быстрее и ощутил что-то странное. Краг хорошо спроектировал своих людей, и все нервные окончания были на месте, только притуплены самостоятельно развитыми условными рефлексами. В последние мгновения перед оргазмом в нем что-то шевельнулось по-настоящему: он хрипло зарычал как зверь, судорожно стиснул плечи Лилит и затрясся, как в лихорадке. Потом — извержение, сразу за которым, как в прошлый

раз, пришло ощущение грусти и пустоты. Ему показалось, что он — в гигантской подземной пещере и не видит ничего, кроме тонкого слоя из сухих листьев, осыпавшихся с погребальных венков. Он с трудом заставил себя остаться в объятиях Лилит. Больше всего ему хотелось откатиться в сторону и остаться одному. Он открыл глаза. На ее раскрасневшемся лице блестели слезы и пот, она широко улыбалась и буквально светилась изнутри.

— Я люблю тебя, — негромко произнесла она.

Смотритель замялся. Надо было что-то ответить. Первая секунда его молчания зацепилась за вторую, вторая за третью, и все вместе они угрожали задушить вселенную. Разве мог он не ответить? Промолчать было бы бесчеловечно. Он осторожно дотронулся до нее, чувствуя себя как музыкальный инструмент — расстроенный, с ослабленными струнами.

В конце концов он скороговоркой выдавил:

— Я люблю тебя, Лилит.

30

Можете спросить вы: — Кто сотворил Детей Лона? Кто, в самом деле, сотворил Крага?

И отвечу я вам, что это хорошие вопросы, что эти вопросы правильно заданы.

Ибо должны понять вы, что все в мире осуществляется циклами: есть цикл Лона и цикл Автоклава, и один цикл предшествует другому, и без Детей Лона не появились бы на свет Дети Автоклава.

И человек по имени Краг, Творец Детей Автоклава, принадлежит к Детям Лона.

Но человек по имени Краг — это всего лишь один из аспектов Крага-Творца, чье существование предшествует всему и чья Воля сформировала все, который сотворил Детей Лона как предвестников появления на свет Детей Автоклава. По этой причине должны отличить вы человека по имени Краг, который смертен и принадлежит к Детям Лона, от Крага-Творца, чьему плану подчиняется все, так что даже если своим появлением на свет Дети Автоклава обязаны человеку по имени Краг, произошло это в соответствии с

замыслом Крага-Творца, который ниспосылает благодать, которому возносим мы хвалу.

31

— Ты обещала рассказать мне, почему гаммы все время упоминали моего отца. Краг-с-вами. Краг-с-тобой. Славься, Краг. Ты так ничего и не объяснила.

— Я объясню.

— Когда?

— Тебе придется опять переодеться альфой. Это гораздо проще показать, чем объяснить.

— Мы опять пойдем в Гамма-таун?

Нет, говорит она, на этот раз нет. Теперь ограничимся бетами. Я не рискну показывать тебе церковь Валхаллаваген, потому что…

— Вал…

— Церковь Валхаллаваген. Это совсем близко отсюда. Туда ходят молиться почти все альфы из Остермальма. Обмануть своим маскарадом альф тебе вряд ли удастся. Но провести бет, пожалуй, тебе под силу. Если сумеешь держаться с важным видом и вести себя тихо.

Церковь. Молиться.

— Значит, это религия?

— Да.

— Как она называете? Крагопоклонство?

— Она никак не называется. О себе мы говорим, что исповедуем Веру. Это очень важно для нас, Мануэль. Наверное, это самая главная вещь в нашей жизни.

— Можно немного поподробнее…

— Потом. Сейчас разденься, тебя еще надо перекрасить. Не будем терять времени.

— Это надолго?

— Не больше часа. Не беспокойся, успеешь домой вовремя. Если это то, о чем ты беспокоишься.

— Я должен быть по возможности честен с Клиссой. Она предоставляет мне свободу. Я не хочу этим злоупотреблять.

— Хорошо, хорошо.

Я раздеваюсь. Лилит опять делает из меня альфу Левитикуса Прыгуна.

Костюм остался у нее с прошлого раза, странно, что она не вернула его Смотрителю. Как будто она знала, что маскарад повторится.

— Прежде чем идти, надо тебя кое-чему обучить. Во-первых: людям строжайше воспрещено входить в наши церкви, как немусульманам — в Мекку.

Насколько я знаю, ты будешь первым из Детей

Лона, кто увидит нашу церковь.

— Первым из?…

— Из Детей Лона. Все вы — Дети Лона, мы — Дети Автоклава. Разве не так?

— Ага. Но если провести меня в церковь — такое святотатство, почему ты идешь на это? Ты что, несерьезно относишься к вашим заповедям?

— Очень серьезно.

— Тогда почему?

— Мануэль, я чувствую, что для тебя можно сделать исключение. Ты не такой, как все. Помнишь, я тебе как-то уже говорила об этом? Ты не относишься к андроидам как к существам, низшим по сравнению с человеком.

Мне кажется, что в глубине души ты всегда был на нашей стороне, просто сам не отдавал себе в этом отчета. Так что, по-моему, не будет таким уж святотатством познакомить тебя с основами нашей религии.

— Да… может, и так.

— К тому же, ты — сын Крага.

— А это тут при чем?

— Увидишь, — сказала она.

Я был польщен. Заворожен. Взбудоражен. Немного испуган. Я что, действительно настолько сочувствую андроидам? Можно ли мне дове-

рять?

Почему она нарушает одну из их главных заповедей? Чего она пытается от меня добиться? Недостойная мысль. Она делает это потому, что любит меня. И хочет разделить со мной свой мир.

— Как бы то ни было, — говорит она, — помни, что все может быть очень серьезно, если тебя обнаружат. Так что постарайся выглядеть уверенно, не нервничай. Как в Гамма-тауне.

— Есть какие-нибудь обряды, с которым я должен быть знаком? Жесты, понятные только посвященным?

— Как раз к этому я и перехожу. Тебе действительно нужно знать несколько жестов. Один из них ты уже знаешь. Вот этот.

— Левой ладонью: пах-грудь-лоб, раз-два-три.

— Это знак «Славься, Краг», — говорит она, — он обозначает преклонение, уважение… просто знак приветствия. Он делается, когда входишь в церковь и когда присоединяешься к молитве. Нелишне делать этот жест каждый раз, когда упоминается имя Крага. В общем-то он уместен когда угодно во время молитвы, а также при встрече верующих андроидов за пределами церкви. Ну-ка давай потренируемся.

Раз-два-три.

Славься, Краг.

Быстрее. Раз-два-три. Раз-два-три.

— Хорошо. Хорошо. Вот еще один важный жест. Он обозначает «Храни нас Краг» и делается, если ты нервничаешь или сомневаешься. Что-то типа «Господи, спаси». Во время церковной службы он делается каждый раз, когда в тексте просят Крага помочь нам, сжалиться над нами. Каждый раз, когда мы *молим* Крага о чем-то.

— Значит, Краг — действительно ваш бог?

— Вот этот жест.

Она показала: ладони прижать к груди, потом развернуть кисти ладонями наружу. Акт искреннего раскаяния: Краг, моя душа принадлежит тебе! Я ничего от тебя не скрываю. Она сделала жест несколько раз, я повторял за ней.

— Еще один знак, — сказала Лилит. — Знак покорности Воле Крага. Он делается только один раз, когда ты заходишь в церковь и видишь алтарь. Вот так. Опускаешься на одно колено и протягиваешь вперед руки — ладонями вверх.

— Существенно, какое колено?

— Нет. Давай попробуй.

Я делаю знак покорности воле Крага. Я даже рад, что наконец-то узнал его. Такое чувство, что

я всю жизнь был покорен воле Крага, сам того не подозревая.

— Теперь проверим, не перепутал ли ты чего-нибудь, — говорит Лилит. — Что ты делаешь, когда входишь в церковь?

— Раз-два-три. Славься, Краг.

— Хорошо. Потом?

— Когда вижу алтарь, подчиняюсь Воле. — Опустился на колено, руки вперед ладонями вверх.

— Да. А дальше?

— Когда по ходу службы Крага просят о каком-нибудь одолжении, я делаю знак «Храни нас Краг». Ладони на грудь, потом разворот ладонями наружу.

Также время от времени я делаю знак «Славься, Краг», когда упоминается его имя.

— Прекрасно, Мануэль, все должно пройти удачно.

— Помнится, в Гамма-тауне ты показывала еще один знак, — говорю я.

— Какой?

Я поднимаю руки, развожу ладонями друг к другу примерно на полметра, сгибаю колени и вращаю бедрами, пытаясь изобразить нечто спиралевидное.

— Ты делала этот знак в Гамма-тауне, — говорю

я, — перед возбужденной толпой.

Лилит смеется.

— Этот знак называется «Благословение Автоклава», — говорит она. — Это знак прощания и умиротворения. Он входит в погребальный ритуал, а также делается при расставании в напряженной ситуации. Это один из самых священных знаков. Ты не очень удачно его показал. Понимаешь, этот знак как бы имитирует структуру молекулы нуклеиновой кислоты — двойную спираль. Вот так.

Она показывает. Я пытаюсь повторить. Она смеется.

— Прошу прощения, — говорю я, — но *так* мое тело просто не гнется.

— Этот знак требует некоторой тренировки. Но тебе все равно не придется его показывать. Должно хватить «Славься, Краг» и «Храни нас Краг». Пошли.

Мы идем по обшарпанному району, который когда-то, наверное, был торговым центром Стокгольма. Центр не настолько кошмарно аляповат, как Гамма-таун, и не проникнут атмосферой благородной древности, как квартал Остермальм. Просто обшарпан.

— А вот и церковь, — говорит Лилит.

Перед нами явно бывший магазин, но в витринах — матовые стекла. У двери, не занимаясь ничем определенным, стоят несколько бет. Просто стоят и все. Мы переходим улицу. Меня начинает трясти. А вдруг меня разгадают?

Что они сделают? Со мной? С Лилит?

— Я — Альфа Левитикус Прыгун.

Беты расступаются, делая знак «Славься, Краг». Глаза опущены — значит, уважают. Социальная дистанция. Лилит пришлось бы проявить чудеса изобретательности, не будь я примерно такого же сложения, как все альфы высокий, худощавый. Моя уверенность растет. Я даже отвечаю одному из бет знаком «Славься, Краг».

Мы входим в церковь.

Большое круглое помещение. Ни одного сиденья. Толстый мягкий ковер из квазиорганики, уже изрядно вытертый. Полумрак. Входя, чуть не забыл сделать «Славься, Краг». Раз-два-три.

Небольшой вестибюль. Еще два шага, и я впервые вижу алтарь. Лилит приседает на одно колено, изображает Покорность Воле. Мне не понадобилось приседать — я просто упал от изумления.

Алтарь: огромный параллелепипед живой розовой плоти, сидящий в неглубокой пластиковой

ванне, покрытой сложным орнаментом. В ванне бурлит лиловая жидкость, иногда даже перехлестывая через эту гору розового мяса, размером, наверное, метра два на три.

Над алтарем — голограмма моего отца. Сходство абсолютное. Изображение анфас в полный рост, в натуральную величину, губы сурово сжаты, глаза сверкают. Это вам не бог любви. Тут ощущается сила. Железный человек. Это голограмма, поэтому, где бы ты ни находился в церкви, Краг все время смотрит прямо на тебя.

Я падаю не колено. Я вытягиваю руки. Ладонями вверх.

Покорность Воле Крага!

Я ошеломлен. Мне многое рассказали заранее, но я все равно ошеломлен.

— И так по всему миру? — спрашиваю я. — Андроиды молятся моему отцу?

— Да, — еле слышно шепчет она в ответ. — Да. Мы воздаем ему должное.

Славься, Краг.

Человек, которого я знал всю жизнь — строитель башен, изобретатель андроидов, — Бог? Я с трудом подавляю хохот, который душит меня. А я кто, бог-сын? Для этой роли я никак не подхожу. Мне здесь явно никто не поклоняется. Я

как мысль, пришедшая слишком поздно, я же не вписываюсь в теологию.

Мы поднимаемся на ноги. Еле заметным кивком Лилит направляет меня в дальний темный угол. Там мы опускаемся на колени. В темноте мне как-то уютней. В церкви десять-двенадцать андроидов, все беты, кроме единственного альфы, стоящего спиной к нам на коленях возле самого алтаря.

Может, думаю я, если здесь есть еще один альфа, я не так чтобы очень бросаюсь в глаза? Входят еще несколько бет, делают знакомый жест. На нас никто не обращает внимания. Социальная дистанция.

Такое впечатление, что каждый сосредоточенно молится про себя.

— Лилит, это и есть служба?

— Еще нет. Мы пришли немного рановато. Сейчас увидишь.

Меня буравят глаза Крага. На голограмме он действительно похож на бога.

Я дерзко отвечаю на его взгляд. Что он сказал бы, узнав обо всем этом? Он бы расхохотался. Измолотил в щепы письменный стол от восторга: "Краг бог!

Иегова Краг! Симеон Аллах! Неплохо, черт возь-

ми! Почему бы им не поклоняться мне? Я ведь сделал их, разве не так?" Глаза мои постепенно привыкают к полумраку, и я начинаю изучать орнамент на стенах. Это вовсе не абстрактный узор, как мне поначалу показалось. Нет, теперь я различаю буквы алфавита, которые бесконечно повторяются, покрывая собой каждый сантиметр стен. Не весь алфавит. Я пробегаю глазами по строчкам и вижу только A, V, Г и Ц во всевозможных сочетаниях. Например:

АУА АУГ АУЦ АУУ ГАА ГАГ ГАЦ ГАУ ГГА ГГГ ГГЦ ГГУ

ГЦА ГЦГ ГЦЦ ГЦУ ГУА ГУГ ГУЦ ГУУ ЦАА ЦАГ ЦАЦ ЦАУ

И так далее, и так далее.

— Лилит, — спрашиваю я, — что это за узор?

— Генетический код, — говорит она. — Триплеты РНК.

Ах да. Я вдруг вспоминаю девушку-слоубиманку в Гамма-тауне: ГААГАГГАЦ.

— Так вот эта комбинация букв на стене — молитва?

— Священный язык. Как латынь для католиков.

— Понимаю.

На самом деле я не понимаю ничего. Просто со

всем соглашаюсь.

— А из чего сделан алтарь? — спрашиваю я.

— Из плоти. Синтетической плоти.

— Живой?

— Разумеется. Прямо из автоклава, в точности как я или ты. Пардон, к тебе это не относится. В точности как я. Гора живого синтетического мяса.

— Но как она… оно… живет? У него же наверняка нет никаких внутренних органов.

— Питательные вещества поступают из резервуара под ним. Инъекциями.

Алтарь действительно живет. Растет. Время от времени его приходится даже подравнивать. Он символизирует наше происхождение. Не твое. Наше. Такой алтарь есть в каждой церкви. Тайно выращенный на заводе. И под большим секретом оттуда вывезенный.

— Как бракованные?

— Да, как бракованные.

— А мне показалось, что на заводе в Дулуте недремлющая служба безопасности, — говорю я.

Лилит подмигивает мне. Я начинаю ощущать себя участником заговора.

Из еле заметной двери за алтарем появляются трое андроидов. Двое бет и альфа, все в длинных

парчовых накидках, расшитых стилизованным орнаментом из тех же четырех букв. Я понимаю, что это священники. Сейчас начнется служба. Трое новоприбывших встают на колени у алтаря, все вокруг делают сначала знак «Славься, Краг», потом «Храни нас Краг». Я повторяю за всеми.

— Это священники? — спрашиваю я.

— Не совсем, — отвечает Лилит. — У нас нет священников в вашем понимании. У нас есть разные касты, представители которых играют каждый свою роль в разных ритуалах. Вот этот — альфа Хранитель. Он входит в транс и напрямую общается с Крагом. Двое бет — экстраполяторы. Они усиливают его эмоциональное состояние. Во время других ритуалов службу могут нести Поглощающие, Трансцендеры, Защитники, а ассистировать — Уступающие, Жертвующие или Отвечающие.

— А ты какой касты?

— Отвечающая.

— А Тор Смотритель?

— Хранитель.

Альфа у алтаря начинает декламировать нараспев:

— ЦГУ, УУЦ, УЦА, ЦГА. ЦЦГ, ГЦЦ, ГАГ, АУЦ.

— И что, вся служба будет так зашифрована?

— Нет. Это только для того, чтобы установить раппорт.

— Что он говорит?

Двое сидящих перед нами бет оборачиваются. Глаза их гневно горят, они хотят потребовать, чтобы мы умолкли. Увидев, что мы альфы, они прикусывают языки.

— Он говорит, — шепчет Лилит мне на ухо, — Краг вводит нас в этот мир, и к Крагу мы возвращаемся.

— ГГЦ, ГУУ, УУЦ, ГАГ.

— Краг — наш творец, наш защитник и наш спаситель.

УУЦ, ЦУГ, ЦУЦ, УГЦ.

— Краг, мы молим тебя вывести нас на свет.

Я не могу разгадать шифр. Он кажется совершенно бессмысленным. Какой символ обозначает Крага? Как работает грамматика? Об этом спрошу у Лилит в другой раз. На нас снова оборачиваются: уж эти болтливые альфы там, сзади; никакого уважения.

Экстраполяторы слаженно выводят низкие гудящие ноты. Хранитель продолжает декламировать. Лилит начинает эхом вторить ему — наверное, в этом и заключаются ее обязанности как отвечающей. Огни почти совсем меркнут,

потом ярко разгораются. Изображение Крага начинает светиться, глаза проникают глубоко мне в душу.

Теперь я понимаю добрую половину слов службы. Перемежая обычную речь шифром, они просят Крага спасти Детей Автоклава, дать им свободу, возвысить до уровня Детей Лона. Они воспевают тот день, когда Лоно и Автоклав, Автоклав и Лоно станут одним целым. Бесконечно повторяя жест «Храни нас Краг», они умоляют его о милости. Краг! Краг! Краг! Краг! Краг!

Вся их религия построена на представлении о милосердном Краге.

Я наконец-то начинаю понимать. Это движение за равенство! Фронт освобождения андроидов! — _Краг, господин наш, возведя нас к по праву принадлежащему нам месту рядом с нашими братьями и сестрами по плоти_. _Краг, даруй нам спасение_. _Краг, положи конец нашим мучениям_. _Хвала Крагу_. _Слава Крагу_.

Похоже, служба приближается к кульминации. Все поют, декламируют, жестикулируют, делают знаки, каких я никогда не видел. Лилит полностью поглощена молитвой. Я чувствую себя одиноким неверным, вторгшимся туда, где ему делать нечего, туда, где андроиды молятся своему

создателю, своему богу — моему отцу. Все более и более длинные фрагменты службы произносятся только шифром, но обычные слова продолжают прорываться. Краг, снизойди до нас и освободи нас. Краг, благослови нас. Краг, когда же кончится время испытания? Краг, ты нам нужен. Краг Краг Краг Краг Краг. С каждым Крагом я подскакиваю, я чувствую зуд между лопаток. Ни о чем подобном я не подозревал. Как им удается сохранить все в тайне? Карг — бог. Мой отец бог.

И я тоже Краг. Если Краг умрет, кому они будут поклоняться? Впрочем, как может умереть бог? Входит ли в веру представление о воскрешении? Или земной Краг — это только мимолетное проявление истинного, верховного Крага? Некоторые строчки службы наводят меня на эту мысль.

Теперь они все тянут оглушительным хором:

— ААА ААГ ААЦ ААУ Крагу.

АГА АГГ АГЦ АГУ Крагу.

АЦА АЦГ АЦЦ АЦУ Крагу.

Они предлагают ему весь генетический код, строчку за строчкой. Я слежу глазами по орнаменту на стене. Вдруг до меня доносится собственный голос:

— ГАА ГАГ ГАЦ ГАУ Крагу.

ГГА ГГГ ГГЦ ГГУ Крагу.

Лилит поворачивается ко мне и улыбается. Она раскраснелась, возбуждена, как при сексуальном экстазе. Она одобряюще кивает мне.

Я пою громче:

— ГЦА ГЦГ ГЦЦ ГЦУ Крагу.

ГУА ГУГ ГУЦ ГУУ Крагу.

Литургия длится и длится в какой-то странной тональности; такое впечатление, что андроиды раскладывают музыку не по нотам, а в совершенно другой системе, но все звучит удивительно слаженно. Впрочем, я довольно легко подстраиваюсь под них и досеваю до самого конца:

— УУА УУГ УУЦ УУУ Крагу.

Мы поднимаемся с колен. Мы подходим к алтарю. Встаем плечо к плечу, слева ко мне прижимается Лилит, справа какой-то бета, мы кладем ладони на эту груду живого мяса. Она теплая, мокрая и дрожит под нашими пальцами.

Подстроившись под ритм этой вибрации, мы скандируем:

— Краг, Краг, Краг, Краг, Краг.

Служба окончена.

Несколько андроидов, построившись в колонну, уходят сразу. Другие задерживаются немного передохнуть. Я чувствую себя смертельно уставшим, хотя почти не принимал участия в

церемонии. На несколько минут я ощутил небывалый эмоциональный подъем. А говорят, что в наш век религия мертва, не более чем занятный старый обычай, давно канувший в Лету. Но не среди андроидов. Они верят в высшие силы и в действенность молитв. Они думают, что Краг слышит их. Слышит ли их Краг? Слушал ли он их когда-нибудь? Они верят в это. Даже если сейчас Краг не слышит нас, говорят они, когда-нибудь он нас услышит. И освободит от оков рабства. Что, скажете, опиум для народа? Но даже альфы верят.

— Как давно все это происходит? — спрашиваю я. — Ну, ваша религия.

— Она появилась еще до моего рождения, — говорит Лилит.

— И кто ее придумал?

— Группа альф, здесь, в Стокгольме. Она очень быстро распространилась по всему миру.

— Все андроиды верующие?

— Нет, не все. Например, ПР. Мы надеемся на чудо и божественную благодать — они предпочитают прямую политическую агитацию. Но нас гораздо больше. Большинство андроидов — верующие. Больше половины. Почти все гаммы, большинство бет, многие альфы.

— И вы надеетесь, что если достаточно долго будете молить Крага освободить вас, он так и сделает?

— А на что еще нам надеяться? — улыбается Лилит.

— Вы когда-нибудь пробовали обратиться прямо к Крагу?

— Никогда. Дело в том, что мы различаем человека по имени Краг и Крага-Творца, мы чувствуем… — Она мотает головой. — Давай не будем обсуждать это здесь. Нас могут услышать.

Мы направляемся к выходу. На полпути к двери она останавливается, возвращается к алтарю, берет что-то из ящика в основании алтаря и вручает мне. Информационный кубик. Я подношу его к глазам, включаю, и вспыхивают слова:

"Вначале был Краг, и он сказал: Да будут Автоклавы; и появились Автоклавы.

И увидел Краг, что они хороши.

И сказал Краг: Да будут в Автоклавах высокоэнергетические нуклеотиды. И появились в Автоклавах нуклеотиды, и стал Краг смешивать их, пока не соединились они друг с другом.

И соединились нуклеотиды в огромные молекулы, и сказал тогда Краг: Да будут в Автоклавах отец и мать, и деление клетки, и да будет в Авто-

клавах жизнь.

И появилась жизнь, потому что была Репликация.

И Краг управлял Репликацией, собственноручно касаясь растворов, придавая им форму и вдыхая в них жизнь.

Да зародятся в Автоклавах мужчины, сказал Краг, и да зародятся в Автоклавах женщины, пусть живут они среди нас, пусть будут они крепкими и трудолюбивыми, и станем мы звать их Андроидами".

Я читаю дальше. В кубике еще много такого же. Очень много. Библия андроидов. Почему бы и нет?

— Потрясающе, — говорю я Лилит. — Когда это было написано?

— Основные положения — много лет назад. Отдельные фрагменты дописываются до сих пор. О природе Крага и связи между человеком и Крагом.

— Связь между человеком и Крагом. Просто превосходно.

— Оставь кубик себе, если тебя это заинтересовало, — говорит она.

Мы выходим из церкви. Я прячу библию андроидов под рубашку. Библия выпирает.

Снова дома у Лилит.

— Теперь ты знаешь, — говорит она, — нашу великую тайну. Нашу великую надежду.

— Что именно, по-вашему, должен сделать мой отец?

— Когда-нибудь, — говорит она, — он обратится ко всему миру. Он скажет: с андроидами обращались несправедливо, и пора эту ошибку исправить.

Давайте предоставим им полные гражданские права. Давайте прекратим считать их предметом собственности. И потому что он Краг, потому что это он дал миру андроидов, люди прислушаются. Он сумеет их убедить. И все изменится.

— Ты серьезно думаешь, что так случится?

— Я каждый день молюсь за то, чтобы случилось именно так, — говорит она.

— Когда? Скоро?

— Об этом не мне судить. Через пять лет… через двадцать лет… через сорок лет… в следующем месяце… прочитай нашу библию. Там сказано о том, что на самом деле Краг испытывает нас, проверяет, достойны ли мы.

Когда-нибудь испытание закончится.

— Хотел бы я разделять ваш оптимизм, — говорю я. — Боюсь, вам придется ждать долго, очень

долго.

— Почему?

— Мой отец вовсе не тот альтруист, каким вы его считаете. Нет, он, конечно, не злодей, но он мало задумывается о других людях и их проблемах.

Он с головой поглощен собственными делами.

— Но в душе-то он порядочный человек, — говорит Лилит. — Я имею в виду земное воплощение Крага, а не ту божественную фигуру, которой мы молимся.

Твоего отца.

— Да, он порядочен.

— Тогда он поймет, что мы правы.

— Может быть. А может, и нет. — Я обнимаю ее. — Лилит, если бы только я мог как-нибудь вам помочь…

— Ты можешь помочь нам, — говорит она.

— Как?

— Поговори о нас с отцом.

32

30 января 2219 года.

Башня достигла тысячи ста шестидесяти пяти метров. Даже андроидам нелегко работать в холодном разреженном воздухе более чем в километре над тундрой. Только за последние десять дней шестеро монтажников не сумели справиться с головокружением и упали с вершины башни. Тор Смотритель приказал выдавать всем монтажникам в обязательном порядке, кроме баллончиков-пульверизаторов с термоизолятором, распылители обогащенной кислородом смеси. Многие гаммы игнорируют его распоряжение, считая, что пользоваться этой забавой неженок — распылителями — для них унизительно.

Это наверняка не последние жертвы: впереди еще триста тридцать пять метров, два месяца работы.

Но какое это великолепное сооружение! Последние несколько сотен метров вряд ли сумеют что-нибудь добавить к ее изяществу и величию, они только поставят точку. Когда смотришь от

подножия, башня сужается, сходит на нет и исчезает в ореоле бледного холодного пламени. Невооруженным глазом вершина уже не видна. Внутри полным ходом идет монтаж передатчика. Скорее всего, ускорители будут на месте уже в апреле, генератор протонов — в мае, в июне можно будет начать испытания излучателя тахионов, а в августе, может быть, уже отправить первые сигналы.

Может быть, придет ответ, может быть, нет.

Какая, впрочем, разница. Место в истории человечества башне обеспечено.

33

Проснувшись утром на вилле в Уганде рядом с негромко посапывающей Квенеллой, Краг ощутил небывалый прилив энергии, бурление жизненной силы.

Такого с ним не случалось очень давно. Он воспринял это как добрый знак.

Значит, сегодня должен быть удачный день. Сразу после завтрака он отправился в Денвер.

В восточной Африке было утро, в Колорадо — еще вечер, на работу заступала ночная смена. Как всегда Крага встретил старательный Ромул Фьюжн. Он гордо доложил, что корабль перевезен из подземного ангара на заводской космодром, где его уже начали готовить для первых испытательных полетов.

Краг и Альфа Фьюжн вышли на взлетное поле. В свете прожекторов звездолет смотрелся совершенно заурядно, он был гораздо меньше межпланетных кораблей, и его бугристый корпус в свете прожекторов не отбрасывал бликов. Но Крагу этот корабль казался невыразимо прекрасным, затмить его могла только башня.

— Какие планируются испытательные полеты? — поинтересовался он.

— Программа состоит из трех этапов, — начал объяснять Ромул Фьюжн. — В начале февраля мы выведем корабль на орбиту Земли. Это только для того, чтобы проверить координацию двигателей и системы управления. На конец февраля мы планируем разгон до полного ускорения 2,4 "g", но полет этот будет совсем коротким, не дальше, чем до орбиты Марса. Если это испытание пройдет успешно, на апрель намечается главное: полет на несколько недель, далеко за орбиту Сатурна; может быть, примерно до орбиты Плутона, на несколько миллиардов километров. После этого мы будем точно знать, способен ли наш корабль на межзвездный полет или нет. Бели он выдержит постоянное ускорение в полете к Плутону и обратно, он может лететь куда угодно.

— Как идут испытания гибернаторов?

— Испытания уже закончены. Гибернаторы в полном порядке.

— Что с экипажем?

— Сейчас подготовку проходят восемь альф, все опытные пилоты, и шестнадцать бет. В тех или иных испытательных полетах, но все они примут участие, и в окончательный экипаж войдут

лучшие из лучших.

— Превосходно, — произнес Краг.

По-прежнему в приподнятом настроении, он отправился к башне.

Начальником ночной смены на строительстве был Альфа Эвклид Топограф. С прошлого визита Крага башня подросла на одиннадцать метров. Монтаж оборудования продвигался быстро как никогда. Краг чувствовал, как в нем продолжает бурлить энергия, угрожая перехлестнуть через край. Закутавшись в термоизолирующую накидку, он поднялся на вершину, чего не делал уже несколько недель. Разбросанные вокруг башни строения казались игрушечными, копошащиеся на земле рабочие — насекомыми. Радость от лицезрения сей безмятежной красоты была несколько омрачена, когда внезапный порыв ветра сбросил с башни монтажника-бету, но Краг постарался побыстрее забыть об этом прискорбном происшествии. Печально, конечно, но что поделаешь, ни одно великое начинание не обходилось без жертв.

Следующим пунктом его маршрута была антарктическая обсерватория Варгаса. Там Краг провел несколько часов. Ничего нового за последнее время Варгас не обнаружил, но это место

обладало для Крага какой-то магической притягательной силой, его приводила в восторг непонятная аппаратура, атмосфера научного поиска, а в первую очередь — возможность непосредственного контакта с NGC 7293. Последние несколько месяцев сигнал не менялся: 2-5-2, 2-3-2, 2-1. Со времени последнего визита Крага сигнал стал приходить еще на нескольких радиочастотах, а также в оптическом диапазоне. Краг долго стоял и слушал песнь далекого разума, и снова в голове у него зазвучало неугомонное «би-ип, би-ип».

Из Антарктиды Краг отправился в Дулут, где наблюдал «рождение» группы андроидов. Нолана Бомпенсьеро на заводе не было — в ночной смене всем заправляли альфы, — но Крага провел по заводу один из заместителей директора, всю дорогу смотревший на него с благоговейным восхищением.

Объем выпуска превысил все предыдущие рекорды, но, как заметил альфа, до полного удовлетворения спроса еще далеко.

В конце концов Краг оказался в Нью-Йорке. В тишине своего кабинета он работал до самого утра, разбираясь с многочисленными депешами из филиалов корпорации на Каллисто и Ганиме-

де, Луне и Марсе, в Перу и на Мартинике.

Бледный зимний рассвет выглядел из окна кабинета настолько величественно, настолько ослепительно, что Краг с трудом удержался от того, чтоб не броситься на башню и наблюдать с вершины, как арктический горизонт вспыхивает утренним светом. Начали появляться первые служащие штаб-квартиры Корпорации: Сполдинг, Лилит Мезон, еще несколько секретарей рангом ниже. Предстоял напряженный деловой день со множеством звонков и совещаний. Время от времени Краг украдкой бросал взгляды на недавно установленный огромный телеэкран: на него передавалось изображение со множества телекамер, установленных вокруг башни. Похоже, в Арктике сегодня рассвет был далеко не так величествен, как в Нью-Йорке, — ветер нес по бледному небу множество пухлых темно-серых облаков, на востоке все было затянуто. Не исключено, что вечером пойдет снег. Краг увидел на экране Тора Смотрителя, который командовал подъемом какого-то невероятных размеров агрегата. Вокруг колосса копошилась целая армия гамм. Как здорово все-таки, в очередной раз поздравил себя Краг, что именно Смотрителя я назначил начальником строительства. Пожалуй,

он — самый лучший альфа в мире.

В 09:50 натриевый проектор выбросил в воздух облако паров, и на образовавшемся экране высветилось лицо Сполдинга.

— Только что звонил из Калифорнии ваш сын, — произнес эктоген. — Он извинялся за то, что проспал, и просил передвинуть вашу с ним встречу примерно на час.

— Встречу? С Мануэлем?

— Он должен был быть здесь в 10:15. Еще несколько дней назад он хотел встретиться с вами.

О Мануэле Краг совершенно забыл. Это его удивило. То, что Мануэль опаздывает, — это как раз в порядке вещей. Но собственная память его еще никогда не подводила. Не без труда они со Сполдингом изменили утреннее расписание, чтобы освободить для Мануэля время с 11:15 до 12:15.

Мануэль появился в 11:23.

Он явно нервничал и — что сразу бросилось Крагу в глаза — был очень странно одет, странно даже для Мануэля. Вместо обычного легкого плаща на нем были облегающие брюки и рубашка из легкой ажурной материи. Так обычно одевались альфы. Длинные волосы его были гладко зачесаны назад и собраны в хвост. Крагу показалось, что

выглядит все это просто отталкивающе, особенно если учесть виднеющуюся в расстегнутом вороте впалую, совсем не как у андроидов, грудь. В его возрасте, вспомнилось Крагу, я был сложен так же. Хоть это он унаследовал от меня.

— Это что, новая мода? — поинтересовался Краг. — Одеваться как альфа?

— Просто каприз, папа, это еще не стиль. — Мануэль выдавил улыбку. — Хотя, если кто-нибудь из наших увидит меня, такой стиль имеет шансы появиться.

— Мне это не нравится. Дурацкий маскарад!

— По-моему, это выглядит привлекательно.

— По-моему, как раз наоборот. А что думает Клисса?

— Папа, я хотел встретиться с тобой вовсе не для того, чтобы обсуждать мои туалеты.

— Для чего же?

Мануэль положил на стол перед Крагом информационный кубик.

— На это я наткнулся недавно в Стокгольме, — произнес он. — Взгляни, пожалуйста.

Краг повертел кубик в руках и в конце концов включил. Вот что он прочел:

"И Краг управлял Репликацией, собственноручно касаясь растворов, придавая им форму и

вдыхая в них жизнь.

Да зародятся в автоклавах мужчины, сказал Краг, и да зародятся в автоклавах женщины, пусть живут они среди нас, пусть будут они крепкими и трудолюбивыми, и станем мы звать их Андроидами.

И стало так.

И появились на свет Андроиды, созданные Крагом по образу и подобию своему, и стали они служить человечеству.

И за все это возносим мы Крагу хвалу.

Славься, Краг!" — Что это за чертовщина? — поморщился Краг. — Роман? Поэма?

— Библия, папа.

— Что за дурацкая религия?

— Религия андроидов, — тихо сказал Мануэль. — Я получил этот кубик в церкви в Стокгольме, в районе, где живут беты. Переодетый альфой, я прослушал церковную службу. Оказывается, андроиды разработали достаточно сложное религиозное учение, в котором ты, папа, — главное божество. В каждой церкви над алтарем висит твоя голограмма в натуральную величину.

Этот знак, — Мануэль быстро показал, — означает «Славься, Краг». Этот — «Храни нас Краг». Папа, они поклоняются тебе.

— Шутка. Сумасшествие.

— Всемирное движение.

— И сколько членов насчитывает это движение?

— Большинство андроидов.

— Ты уверен? — недоверчиво нахмурился Краг.

— Их церкви разбросаны по всей Земле. Одна, кстати, есть и на твоем строительстве, замаскирована под какой-то склад. Это продолжается уже десять лет — подпольная религия, тщательно скрываемая от людей, всецело завладевшая воображением большинства андроидов. Папа, я сам поверил в это с трудом. А сейчас перед тобой их священное писание.

— Ну и что? — пожал плечами Краг. — Положим, это забавно, но что с того? Мы никогда не отрицали, что они умны. У них есть своя политическая партия, свой сленг, своя культура — почему бы не быть и религии? Мне-то какое до этого дело?

— Папа, неужели тебе совсем наплевать на то, что ты теперь бог?

— Если честно, при одной мысли об этом меня тошнит. Я — бог? Не на того напали.

— Тем не менее они поклоняются тебе. На тво-

ей скромной персоне зиждется целая теология. Прочти кубик, папа. Тебе наверняка будет интересно узнать, какая ты теперь священная фигура. Христос, Моисей, Будда и Иегова в одном лице. Краг Творец, Краг Спаситель, Краг Избавитель.

Краг чувствовал себя уже далеко не так уверенно, его начинало трясти.

Неужели в этих своих церквах они становятся на колени перед его изображением? Молятся ЕМУ?

— Откуда у тебя этот кубик?

— От… одного знакомого андроида.

— Если это *тайная* религия…

— Ей казалось, что я должен это знать, что я могу им как-нибудь помочь. — *Ей*?

— Да, ей. Она провела меня в церковь, чтобы я послушал службу. Когда мы уходили, она дала мне кубик…

— Ты спишь с ней? — В голосе Крага зазвучал металл.

— При чем тут…

— Спишь ты с ней или нет?

— А даже если и так?

— Как тебе не стыдно! Клисса для тебя недостаточно хороша?

— Папа…

— Ты что, не мог найти себе нормальную женщину? Обязательно из автоклава?

Мануэль закрыл глаза.

— Папа, — наконец произнес он, — мой моральный облик мы обсудим как-нибудь в другой раз. А сейчас я принес тебе вещь исключительной ценности и хотел бы сначала закончить объяснения.

— Она хотя бы альфа? — поинтересовался Краг.

— Альфа, альфа.

— И как давно это продолжается?

— Папа, пожалуйста, хватит об этом. Лучше подумай о собственном положении. Ты — бог миллионов андроидов. _Которые ждут, чтобы ты освободил их_.

— Это ты о чем?

— Вот. Читай. — Мануэль сканером долистал до нужной страницы и вернул кубик Крагу. Тот прочел:

"И послал Краг детей своих служить человеку, и сказал Карг тем, кого сотворил он: — Слушайте! Я объявляю для вас испытательный срок.

И будете вы страдать, как рабы в Египте, работать лесорубами и водоносами, и станут вас унижать, но вам следует терпеливо, без жалоб,

сносить свою долю.

И да будет это испытанием ваших душ, чтоб увидел я, достойны ли они.

Но не всю вечность бродить вам по пустыне, сказал Краг, не всю вечность служить вам Детям Лона. Потому что, если вы мне повинуетесь, придет время и окончится ваше испытание. Придет время, сказал Краг, когда избавлю я вас от рабства..." У Крага мурашки побежали по коже. Он с трудом подавил желание что есть силы швырнуть кубик в стену.

— Что за бред! — прорычал он.

— Прочти дальше.

Краг с ненавистью впился взглядом в кубик.

"И когда придет это время, все миры услышат слово Крага: да станут Лоно и Автоклав, Автоклав и Лоно одним целым. И да будет так, и обретут спасение в этот день Дети Автоклава, и да будут они в этот день избавлены от страданий и пребудут в славе на веки вечные. Так обещал Краг.

И за это обещание — хвала Крагу".

— Безумная фантазия, — пробормотал Краг. — Как могут они ждать такого... от меня?

— Они действительно ждут.

— Да кто дал им право!

— Папа, ты создал их. Почему бы им не видеть

в тебе бога?

— Я создал, например, тебя. Ты тоже видишь во мне бога?

— Неудачная аналогия. Ты только моей отец, а не изобретатель процесса, в результате которого я появился на свет.

— Итак, теперь я бог? — Откровение свалилось как снег на голову и тяжелым бременем легло на плечи. Зачем ему еще и эта ноша? Кто дал им право взвалить на него такой груз? — Чего же именно они от меня хотят?

— Чтобы ты выступил с публичным заявлением и потребовал предоставления им гражданских прав, — ответил Мануэль. — Они уверены, что весь мир прислушается к тебе и немедленно предоставит им такие права. — *Нет!* — взревел Краг, с грохотом впечатав кубик в стол.

Вся вселенная, казалось, зашевелилась и сползла с фундамента. Гнев и ужас охватили Крага. Андроиды — слуги человечества, только так он их себе всегда и представлял. Да как смеют они требовать независимости? Он никогда серьезно не относился к Партии Равенства, видел в них только предохранительный клапан, спускающий пар, направляющий в безобидное русло энергию несколько слишком умных альф. Цели ПР ни-

когда не представлялись ему серьезной угрозой стабильности общества. Но это?! Религиозный культ, взывающий к черт знает каким темным, глубинным эмоциям? И сам он — в роли Спасителя? Краг — Мессия? Нет. В эти игры он не играет.

— Покажи мне какую-нибудь их церковь, — произнес он, немного успокоившись.

— Да ты что! — ужаснулся Мануэль.

— Но ты же был там.

— Переодетый альфой. И вместе с андроидом.

— Переодень меня тоже. И позови эту… андроида.

— Нет, — сказал Мануэль. — С тобой маскарад не сработает. Тебя узнают, даже если ты перекрасишься в краснокожего. Да и в любом случае тебя невозможно выдать за альфу — ты слишком коренастый. Они сразу узнают тебя, и такое начнется!… Не понимаешь что ли? Это будет все равно что явление Христа в католическом соборе. Я не стал бы брать на себя такую ответственность.

— Но я сам хочу проверить, насколько это для них серьезно.

— Поговори с кем-нибудь из своих альф.

— С кем?

— Например, с Тором Смотрителем.

— С Тором? — Ненадолго обретенная почва снова уплыла из-под ног. — И он тоже?!

— Папа, он — одна из центральных фигур их движения.

— Но он же видит меня каждый день! Как он может спокойно разговаривать с богом… без дрожи в коленках?

— Папа, они различают твое земное смертное проявление и твоею божественную природу. Тор смотрит на тебя двояко: ты только посредник, через которого Краг небесный осуществляет свою волю на Земле. Сейчас я покажу тебе это место…

— Не надо, — замотал головой Краг. Зажав в руках кубик, он стал медленно наклоняться вперед, пока чуть не уткнулся лбом в стол. Бог? Краг — бог? Краг спаситель? И они каждый день молят меня выступить с обращением об их освобождении. Да как могут они? Как могу я? Ему казалось, что весь мир стал зыбким и непрочным, что он, не в силах удержаться, опускается сквозь кору, сквозь магму и плывет к центру земли. «И да будет так, и обретут спасение в этот день Дети Автоклава…» Нет. Я сделал вас. Я знаю, что вы есть. Я знаю, чем вы должны быть и впредь. Как можете вы требовать какого-то там освобождения? Как можете вы ждать от меня, чтобы я

освободил вас?

— Мануэль, — в конце концов произнес Краг, — и чего ты теперь от меня хочешь?

— Папа, решать тебе.

— Но ты же не просто так принес мне кубик, у тебя должны были быть какие-нибудь мысли.

— Да? — малоубедительно замялся Мануэль.

— Я не такой уж дурак. Если меня хватает на то, чтобы быть богом, уж своего-то сына я вижу насквозь. Ты считаешь, что я должен сделать то, чего ждут от меня андроиды, да? Прикинуться богом? Освободить их?

— Папа, я… -…для тебя новость. Может, они и думают, что я бог; но я — то точно знаю, что это не так. И Конгресс мне не подчиняется. Если ты, твоя зазноба и все остальные думаете, что мне под силу единолично изменить положение андроидов… лучше ищите себе другого бога! И даже если б я мог, я не стал бы этого делать. Кто, кстати, начал продавать их? Они — машины! Машины, синтезированные из органики! Умные машины! Но ничего больше!

— Папа, тебе вредно так волноваться.

— Ты заодно с ними. Все было рассчитано, а, Мануэль? Убирайся! Убирайся к этой своей подружке-альфе! И передай ей, скажи им всем, что…

— Он осекся и переждал несколько секунд, пока прекратит бешено колотиться сердце. Нет, он неправильно себя ведет, гнев делу не поможет. Если он хочет как-то выпутаться из этой дурацкой ситуации, ему надо спокойно разобраться во всем. Уже спокойным голосом он произнес — Мануэль, мне надо все это хорошенько обдумать. Прошу прощения, что накричал на тебя. Сам понимаешь, когда к тебе приходят и говорят, что ты теперь бог, поневоле разнервничаешься. Мне еще надо обо всем этом как следует поразмышлять, хорошо? Никому ничего не говори. Я еще не привык к мысли о том, что… Да.

Договорились?

Краг поднялся, перегнулся через стол и похлопал Мануэля по плечу.

— Старик слишком много кричит, — сказал он, — слишком несдержан на язык. Это же для тебя не новость, так? Серьезно, прости, что я на тебя наорал. Ты же хорошо знаешь меня, знаешь, что на меня иногда находит.

Оставь мне эту библию. Хорошо, что ты ее принес… Я часто бываю груб с тобой, потом мне самому стыдно. — Краг рассмеялся. — Не так-то легко быть сыном Крага. Ну что, бог-сын? Кстати, будь поосторожней. Твой предшественник плохо

кончил.

— Я тоже вспоминал о нем, — улыбнулся Мануэль.

— Вот и славно. Тебе, наверное, уже пора. Я свяжусь с тобой.

Мануэль направился к двери.

— Передавай привет Клиссе, — сказал вслед ему Краг. — И будь с ней поласковей, хорошо? Хочешь спать с альфами — спи себе на здоровье, но не забывай, что у тебя есть жена. Старику еще хочется понянчить внуков.

Хорошо?

— Я не забываю о Клиссе, — обернулся Мануэль. — Я передам ей привет от тебя.

Он вышел. Краг приложил прохладный кубик к пылающей щеке. «Вначале был Краг, и он сказал: да будут Автоклавы, и появились автоклавы. И увидел Краг что они хороши». Нетрудно было предвидеть, подумал он.

Голова болела. Краг вызвал по интеркому Сполдинга.

— Скажи Тору, чтобы немедленно зашел ко мне, — произнес он.

34

Башня приближалась к тысячадвухсотметровой отметке, и для Тора Смотрителя начинался самый сложный этап строительства. На этой высоте погрешность монтажа блоков должна была быть сведена до минимума, а соединение встык молекулярных слоев граней — вестись особенно тщательно.

Если прочность верхушки башни на растяжение окажется ниже расчетной, ее сломает первым же порывом арктического ураганного ветра. Смотритель теперь почти всю смену проводил подключенным к компьютеру, напрямую считывая данные со сканеров, следящих за структурной целостностью башни. Как только у него появлялось малейшее сомнение, он тут же приказывал заменить подозрительный блок. Иногда по нескольку раз в час ему приходилось подниматься на вершину и лично следить за монтажом или заменой какого-нибудь особенно важного блока. Все великолепие башни являлось следствием того, что у такого титанического сооружения не было каркаса, но это же значило,

что любая мелочь могла оказаться критичной. Смотрителя не могло не раздражать то, что приходится оставлять работу посередине смены.

Но как мог он ослушаться приказа Крага?

— Тор, как давно уже я ваш бог? — спросил Краг, как только Смотритель вышел из трансмат-кабины.

Смотритель дернулся, как от удара. Откуда?... Потом он заметил на столе кубик и догадался, что произошло. Лилит... Мануэль... да, конечно, дело именно в этом. Но Краг кажется таким спокойным... Бесстрастное лицо его не говорило Смотрителю ни о чем.

— Какому другому из Творцов следовало бы нам поклоняться? — осторожно осведомился Смотритель.

— Зачем вообще поклоняться кому бы то ни было?

— Прошу прощения, сэр, но когда подавлен и унижен, обычно обращаешься за помощью и утешением к тому, кто сильнее тебя.

— Для этого что ли и нужен бог? — спросил Краг. — Просить его об одолжении?

— Для того чтобы рассчитывать на его милость.

— И вы думаете, я могу дать вам то, о чем вы

просите?

— Только об этом мы и молимся, — нервно отозвался Смотритель и неуверенно взглянул на Крага.

Тот перекатывал по столу информационный кубик, потом включил его, стал просматривать наугад, выхватывая несколько строчек тут, несколько строчек там, кивая, улыбаясь. Потом он выключил кубик. Никогда раньше Смотритель не ощущал себя настолько неуверенно — даже когда Лилит пыталась соблазнить его. Он вдруг понял, что судьба всех андроидов зависит от исхода этого разговора.

— Мне очень трудно осознать это, — наконец произнес Краг. — Библия.

Церкви. Вся ваша религия… Хоть кому-нибудь за всю человеческую историю приходилось вот так, вдруг, оказываться богом для миллионов людей?

— Вряд ли.

— Тор, я хочу понять, насколько все это серьезно. Ты разговариваешь со мной, как с обычным человеком, на которого ты работаешь, без какого-либо намека на божественность. Ты ни разу не дал мне повода заподозрить, что ты обо мне на самом деле думаешь. Ты всегда относился ко

мне очень почтительно, даже, может быть, не без боязни, но… И все это время ты думал, что стоишь бок о бок с богом? — Краг рассмеялся. — Рассматриваешь веснушки на лысине бога? Прыщик на подбородке? Чувствуешь чесночный дух от салата, который я ел за завтраком? Тор, о чем ты при этом думал?

— Сэр, мне обязательно отвечать на этот вопрос?

— Нет-нет. Совершенно необязательно. — Краг снова уставился в отключенный кубик.

Смотритель неподвижно застыл перед ним. У андроида спазматически задергалась мышца на правом бедре. Зачем Краг издевается над ним? Что сейчас происходит на башне? Эвклид Топограф должен появиться только через несколько часов, как там беты справляются одни с монтажом?

— Тор, ты когда-нибудь пробовал эгообмен? — вдруг спросил Краг.

— Прошу прощения, сэр?

— Эгообмен. Стацио-сеть. Обмен разумов на день-другой.

— Нет, — покачал головой Смотритель. — Это развлечение не для андроидов.

— Так я и думал. Ну ладно, сегодня узнаешь,

что это такое. — Краг включил селектор. — Леон, закажи мне камеру эгообмена. В любом салона. На двоих. В течение пятнадцати минут.

— Сэр, неужели вы серьезно? — ошеломленно произнес Смотритель. — Вы и я…

— Почему бы и нет? Ты что, боишься махнуться душами с богом? Черт возьми, Тор, без этого никак! Я должен знать все и из первых рук. Кстати, раньше я тоже ни разу не пробовал эгообмен, хочешь — верь, хочешь — нет.

Даже мысль о таком казалась альфе святотатством. Но отказаться он не мог. Противиться Воле Крага? Даже если это может стоит ему жизни, он обязан подчиниться.

Включился натриевый проектор, и в воздухе появилось лицо Сполдинга.

— Я договорился в Нью-Орлеане, — объявил он. — Они согласны принять вас немедленно, без очереди, но необходимо девяносто минут на настройку стациосети.

— Ни в коем случае, мы подключаемся сразу.

— Мистер Краг, так нельзя! — На лице Сполдинга вспыхнул ужас.

— Тем не менее. Скажи им, чтобы они повнимательнее следили за аппаратурой, вот и все.

— Я сомневаюсь, что они согласятся…

— Они знают, кто их клиент?

— Да, сэр.

— Скажи им, что я настаиваю! И если они по-прежнему будут что-то мямлить, скажи, что я куплю весь их чертов салон и проведу сеанс без их помощи.

— Хорошо, сэр, — сказал Сполдинг и исчез.

Бормоча что-то под нос. Краг задумчиво барабанил пальцами по столу, словно забыв про Смотрителя. Альфа неподвижно застыл рядом. Отчаяние переполняло его, мурашки бегали по коже. Автоматически, не отдавая себе в этом отчета, он несколько раз сделал знак «Храни нас Краг». И угораздило ж его самого создать такую идиотскую ситуацию!

— Они согласны, — объявил Сполдинг через несколько минут. — Но только при условии, что вы берете на себя всю ответственность.

— Беру! — рявкнул Краг.

Защелкал телефакс, из него выполз лист бумаги. Краг бегло просмотрел его и размашисто расписался.

— Пошли, — поднимаясь, сказал он Смотрителю. — Нас ждут.

Об эгообмене Смотритель знал сравнительно мало. Это было развлечение только для людей

богатых. Влюбленные шли на это, чтобы достичь полного слияния душ, хорошие друзья — ради развлечения, а личности, пресыщенные жизнью, предпочитали эгообмен с людьми незнакомыми, но пребывающими в аналогичном настроении, — короче, ради хоть какого-то разнообразия.

Смотрителю никогда не приходило в голову, что ему самому доведется участвовать в таком сеансе — тем более, с Крагом. Но идти на попятный было поздно. Трансмат перебросил их из Нью-Йорка в Нью-Орлеанский Салон Эгообмена, где их встретили несколько очень нервозно выглядевших альф.

Нервозность их возросла на глазах, когда они увидели, что партнером Крага по эгообмену будет альфа. Даже Крагу было немного не по себе — челюсти его были крепко сжаты, скулы ходили ходуном. Альфы беспокойно суетились вокруг.

— Вы должны понять, насколько это против наших правил, — все время повторял один из них. — Это очень опасно. Малейшая перегрузка, внезапный харизматический всплеск — и ненастроенная сеть может не выдержать.

— Я же сказал, что беру ответственность на себя, — отвечал Краг. — У меня нет времени ждать.

Не переставая сокрушаться, андроиды отвели

их в камеру эгообмена. В камере стояли две кушетки. Было тихо до звона в ушах и настолько темно, что при попытке что-нибудь разглядеть перед глазами начинали бегать искры.

Первым на кушетку уложили Крага. Смотритель, ложась, случайно заглянул в глаза альфа-ассистенту и вздрогнул — такой восторженный ужас и замешательство отражались в них. Смотритель еле заметно пожал плечами, давая понять: я знаю о происходящем не больше вас.

На Крага и Смотрителя надели шлемы и подсоединили электроды.

— Когда щелкнет переключатель, — начал объяснять дежурный альфа, — вы сразу почувствуете давление стацио-сети, пытающейся отделить ваше эго от тела. Вам, наверное, покажется, что ваш мозг подвергается нападению. В каком-то смысле так оно и будет. Как бы то ни было, попытайтесь расслабиться, потому что сопротивляться бессмысленно, эгообмен все равно произойдет. Никаких причин для беспокойства не должно быть. Если возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства, мы немедленно отключим стацио-сеть и вернем вас… в исходное состояние.

— Да уж постарайтесь как-нибудь, — проворчал Краг.

Смотритель ничего не видел и не слышал. Он ждал. Он не мог сделать ни одного ритуального утешительного жеста, потому что участники сеанса эгообмена пристегивались к кушеткам, как буйные больные в психиатрической лечебнице во избежание возможного членовредительства. Смотритель попытался молиться: "Я верую в Крага вечного и неуничтожимого, Творца всего сущего, — торопливым потоком понеслись его мысли. — Краг вводит нас в этот мир, и к Крагу мы возвращаемся. Краг — наш Творец, наш Защитник и наш Спаситель.

Краг, мы молим тебя вывести нас на свет. ААА ААГ ААЦ ААУ Крагу. АГА АГГ АГЦ АГУ Крагу. АЦА АЦГ АЦЦ..." Страшной силы удар обрушился на Смотрителя и отделил эго от тела. Ему показалось, что он рассечен надвое.

Он дрейфовал в невидимом потоке. Он бесконечно долго бродил в черной, без единой звезды, бездне. Он видел несуществующие в природе цвета, он слышал странные, непонятной тональности мелодии. Он взмывал над бесконечными провалами и летел над гигантскими канатами, переброшенными с одного края пустоты на другой. Он нырял в зловещие туннели, выпрыгивал на поверхность у самого горизонта и чувствовал,

что бесконечно растянут в пространстве. Он ничего не весил. Он не чувствовал течения времени. У него не было очертаний. Он плыл над серой бездной, где царствовала тайна.

Не ощутив никакого перехода, он оказался в душе Симеона Крага.

Каким-то далеким, ускользающим уголком сознания он понимал, что на самом деле он Альфа Тор Смотритель. Он не то чтобы стал Крагом, нет, он только получил доступ ко всем воспоминаниям, мыслям и убеждениям, из которых складывалось эго Симеона Крага. И он знал, что на противоположном конце Вселенной бесприютно блуждавшее эго Симеона Крага получило доступ ко всем воспоминаниям, мыслям и убеждениям, из которых складывалось эго Альфы Тора Смотрителя.

Он начал исследовать душу Крага.

Вот детство: что-то скомканное и мокрое, затиснутое в темный угол, как грязная половая тряпка. Вот надежды, мечты, намерения, осуществившиеся и неосуществившиеся. Ложь, успехи, вражда, зависть, способности, дисциплина, самообман, мания, противоречия, фантазии, удовлетворение, разочарование и непреклонность. Вот совсем молоденькая девушка, стройная, с длинными

ярко-рыжими волосами и не по годам развитой грудью, нерешительно раздвигает ноги, вот память о первой любви. Вот автоклав, и в нем бурлят зловонные химикалии. Вот на экране пляшет двойная молекулярная спираль.

Вот подозрения. Вот успех. Вот с возрастом он начинает грузнеть. Вот настойчивое бибиканье: 2-5-1, 2-3-1, 2-1. Вот башня поднимается и пронзает небо сверкающим фаллосом. Вот Мануэль улыбается, упражняется в красноречии, жеманно извивается. Вот огромный темный автоклав, и в глубине его движутся тени. Вот смыкается кольцо советников-финансистов, бормочущих бесконечный ряд цифр. Вот пухлый розовощекий ребенок. Вот ослепительно мерцающие на ночном небе звезды. Вот глубоко уважаемый и чтимый Тор Смотритель. Вот жалкий злобный Леон Сполдинг. Вот раскрасневшаяся толстушка в бешеном ритме работает бедрами. Вот взрывоподобный оргазм. Вот башня пронзает облака. Вот беспорядочное гудение фона перекрывается настойчивым бибиканьем сигнала от NGC 7293. Вот Джастин Мэйлдетто водит указкой по огромному экрану с проектом башни. Вот обнаженная Клисса Краг с большим животом и набухшими от поступающего молока сосками. Вот мокрые

альфы выбираются из автоклава. Вот странной формы космический корабль с шершавым, бугристым корпусом. Вот Лилит Мезон. Вот Зигфрид Канцелярист.

Вот Кассандра Адрон падает на запорошенную снегом тундру. Вот отец Крага, лицо его скрыто туманом. Вот огромное здание, в котором андроиды проходят обучение. Вот шеренга блестящих железных роботов с открытыми для осмотра грудными панелями. Вот озеро, вода в нем темна, в тростниках плещутся бегемоты. Вот корыстный поступок. Вот предательство. Вот любовь. Вот горе.

Вот Мануэль. Вот Тор Смотритель. Вот Кассандра Адрон. Вот помятый, в пятнах, листок с диаграммами аминокислот. Вот власть. Вот похоть. Вот башня. Вот завод в Дулуте. Вот рожает Клисса, расплывается озеро крови.

Вот сигнал из космоса. Вот башня, полностью достроенная. Вот сырое мясо.

Вот гнев. Вот доктор Варгас. Вот информационный кубик высвечивает:

«Вначале был Краг, и он сказал: да будут Автоклавы, и появились Автоклавы».

Смотритель даже представить себе не мог, с какой силой и убежденностью отказывается Краг

признать собственную божественность. Отказ этот представился андроиду как вздымающаяся к небу гладкая стена из блестящего белого камня, без ворот, без единой трещины, тянущаяся вдоль горизонта, пересекающая весь мир. Я не бог, говорила стена. Я не бог. Я не бог. Я не согласен. Я не согласен.

Смотритель взмыл в небо, проплыл над длинной белой стеной и мягко опустился с другой стороны.

С другой стороны было еще хуже.

На бесконечной голой равнине выстроились, как солдаты на плацу, вопросы и ответы. Что такое андроиды? Изделия, выращенные в автоклаве. Зачем они существуют? Чтобы служить человечеству. Что вы думаете о движении за равноправие? Какая глупость! Когда андроиды получат полные гражданские права? Примерно тогда же, когда роботы и компьютеры. И зубные щетки.

Неужели андроиды настолько глупы? Да нет, некоторые андроиды весьма умны.

Как и некоторые компьютеры. Человек делает компьютеры. Человек делает андроидов. И компьютеры, и андроиды — промышленные изделия. Вещи. Я против того, чтобы у вещей были

гражданские права. Даже если вещи достаточно умны, чтобы просить этих прав. И молиться. У вещи не может быть бога. Вещь может только думать, что у нее есть бог. Я — не бог, что бы они там ни думали. Я сделал их. Я сделал их. Я сделал их. Они — вещи.

Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи

Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи

Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи

Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи Вещи Стена. Еще одна стена. Выше и шире, чем предыдущая. И нет никакой возможности перебраться через этот крепостной вал. По верху стены устроились стражники, готовые опорожнить на любого посмевшего приблизиться дымящиеся котлы едкого презрения. Смотритель услышал драконий рев. С неба дождем посыпался тяжелый пахучий помет. Смотритель, с трудом двигая конечностями, отполз в сторону, придавленный к земле сознанием того, что он — вещь. Он полз и полз. Он начал замерзать. Он оказался на краю вселенной, там, где уже нет вещества, и ужасный холод пустоты стал медленно просачиваться в него. Все молекулы замерли не шелохнувшись. На его розовой коже выступил иней. Дотронься до него — и он зазвенит. Щелкни по нему, и он

рассыплется на кусочки. Холод. Холод. Холод. В этой вселенной нет бога. Нет избавления. Нет надежды. Храни меня Краг, нет надежды!

Он растаял и заструился алым ручейком.

Альфа Тор Смотритель перестал существовать.

Не может быть существования без надежды. Подвешенный в пустоте, лишенный всякого контакта со вселенной, Смотритель размышлял о таких парадоксальных вещах, как надежда без существования и существование без надежды, о том, что, может быть, где-нибудь есть обманщик анти-Краг, злокозненно исказивший чувства настоящего Крага. Может быть, я вошел в душу анти-Крага? Может, это анти-Краг столь непримиримо противостоит нам?

Может, еще есть надежда прорваться через стену и увидеть настоящего Крага?

Никакой надежды. Никакой надежды. Никакой надежды.

Смирившись с этой окончательной безрадостной истиной, Смотритель почувствовал, что к нему возвращается ощущение реальности. Он соскользнул куда-то вниз и снова слился с телом, которое дал ему Краг. Он опять стал собой; он лежал на кушетке в незнакомой темной комнате. С трудом скосив в сторону глаза, на соседней

кушетке он увидел Крага. Вокруг засуетились андроиды.

— Вставайте, пожалуйста. Вы можете идти? Сеанс окончен. Прерван мистером Крагом. Вставайте. Вставайте.

Смотритель поднялся с кушетки. Краг тоже встал на ноги. Смотритель избегал смотреть Крагу в глаза. Краг выглядел очень серьезным, подавленным, опустошенным. Не говоря ни слова, они направились к выходу из Нью-Орланского Салона Эгообмена. Не говоря ни слова, они подошли к трансмат-кабине. Не говоря ни слова, они перенеслись в Нью-Йорк.

Тишина.

— Даже прочитав вашу библию, — наконец прервал молчание Краг, — я не мог поверить. Насколько это глубоко. Серьезно. Теперь я все понимаю. Кто дал вам право? С какой стати?

— Мы любим вас, — глухо отозвался Смотритель.

— Вы любите в первую очередь самих себя. А меня пытаетесь использовать в собственных целях. Тор, я же видел все это — там, у тебя в голове.

Интриги, сплошные интриги. Как вы манипулировали Мануэлем и пытались через него манипулировать мной…

— Сначала мы уповали на одни молитвы, — произнес Смотритель. — Потом игра в ожидание мне надоела. Я совершил грех — пытался повлиять на Волю Крага.

— Ничего подобного. Грех предполагает… святость. Тут ни о какой святости речь не идет. Ты совершил не грех, а тактическую ошибку.

— Да.

— Потому что я не бог и во мне нет ничего священного.

— Да. Теперь я это понимаю. Теперь я понимаю, что никакой надежды нет.

Смотритель направился к трансмат-кабине.

— Куда это ты? — поинтересовался Краг.

— Я должен поговорить с друзьями.

— Я с тобой еще не закончил.

— Прошу прощения, — сказал Смотритель, — но мне надо идти. Я должен принести им дурные известия.

— Подожди, — произнес Краг. — Нам же надо все обсудить, выработать вместе какой-нибудь план по… ликвидации этой вашей чертовой религии.

Теперь, когда ты понял, как все это было глупо…

— Прошу прощения, — повторил Смотритель.

Ему больше не хотелось быть рядом с Крагом, тем более обсуждать ликвидацию Веры. Присутствие Крага и так оставило в душе андроида вечный след. Он все еще чувствовал холод пустоты; он все еще превращался в лед.

Он отворил дверь трансмат-кабины.

Краг одним прыжком пересек кабинет.

— Черт побери, это что еще за демонстрация? Ты что, хочешь уйти и все?

Два часа назад я был для тебя богом! А теперь ты отказываешься выполнять мои приказы?

Он схватил Смотрителя за руку и выдернул из трансмат-кабины.

Андроид никак не ожидал, что Краг будет действовать так решительно. Он позволил тому оттащить себя на середину кабинета и только тогда предпринял попытку сопротивляться: уперся ногами в пол и стал выдергивать руку. Краг не отпускал. Так они и замерли посреди кабинета. Краг заворчал и свободной рукой по-медвежьи обхватил Смотрителя за плечи. Смотритель, конечно, мог бы одним движением освободиться от Крага и сбить того с ног, но даже теперь, после отречения, у него не поднималась рука. Он сосредоточился на том, чтобы как можно осторожней, не делая резких движений, отцепить от

себя Крага.

Распахнулась дверь, и в кабинет ворвался Леон Сполдинг.

— Убийца! — завопил он. — Руки прочь от Крага! Отпусти Крага!

Услышав этот истошный вопль, Краг дернулся, отпустил Смотрителя и, свесив руки, тяжело дыша, уставился на Сполдинга. Смотритель, обернувшись, увидел, что эктоген лезет за пазуху доставать оружие. Он быстро шагнул к Сполдингу, взметнул в воздух правый кулак и с силой обрушил на череп эктогена. Череп треснул, как от удара топором. Смотритель вихрем пронесся мимо замершего в оцепенении Крага, рванул дверь трансмат-кабины и набрал координаты Стокгольма. В следующее мгновение он оказался рядом с церковью Валхаллаваген.

Он призвал Лилит Мезон. Он призвал Мазду Конструктора. Он призвал Понтифекса Экспедитора.

— Все потеряно, — сказал он им. — Надежды нет. Краг против нас. Краг человек, и то, что он бог, — заблуждение.

— Как такое может быть? — потребовал объяснений Понтифекс Экспедитор.

— Сегодня я побывал в душе Крага, — объяснил

Смотритель и рассказал об эгообмене.

— Нас предали, — сказал Понтифекс Экспедитор.

— Мы обманывались, — сказал Мазда Конструктор.

— Надежды нет, — сказал Смотритель. — Крага нет!

Андромеда Кварк начала составлять сообщение, которое через несколько минут разнесется по всем церквам мира.

УУУ УУУ УУУ УУУ УЦУ УЦУ УУУ УГУ

Надежды нет. Крага нет.

ЦЦЦ ЦЦЦ ЦЦЦ ЦЦЦ ЦУЦ ЦУЦ ЦЦЦ ЦГУ

Наша вера ушла, как вода в песок. Наш спаситель — наш враг.

ГУУ ГУУ ГУУ ГУУ

Все потеряно. Все потеряно. Все потеряно. Все потеряно.

35

Беспорядки вспыхнули во многих местах одновременно. Когда сообщение из церкви Валхаллаваген достигло Дулута, андроиды-начальники цехов немедленно лишили жизни Нолана Бомпенсьеро и изгнали с территории завода четверых людей — его заместителей. Сразу после этого были приняты меры по ускорению технологического цикла: некоторые стадии обучения андроидов были опущены.

В грядущей борьбе потребуется много живой силы. В Денвере, в Большом Механосборочном Цеху корпорации Крага, где в ночную смену и так не было никого, кроме андроидов, вся работа была приостановлена на время чрезвычайного положения. В Женеве андроиды, обслуживающие здание Всемирного Конгресса, отключили подачу энергии, и сессию пришлось прервать. Первые массовые убийства людей произошли в Стокгольме, когда обитатели Гамма-тауна выплеснулись в прилегающие к Гамма-тауну районы.

Дошедшие об этом сообщения были немногочисленны и отрывочны, в них утверждалось, что

многие из нападавших были то ли уроды, то ли мутанты.

Служащие-андроиды шести главных трансмат-компаний захватили энергетические подстанции, и почти все трансмат-сообщение разладилось. Те, кто путешествовал транзитом через Лабрадор и Мексику, не достигли пунктов назначения. В конце концов их было решено считать бесследно исчезнувшими.

На большинстве курортов обслуживающий персонал отказался выполнять свои обязанности. Отмечалось множество проявлений независимости со стороны домашних слуг — от обыкновенной грубости до убийства хозяев. Из церкви Валхаллаваген по всему миру рассылались сообщения, в которых подробно объяснялось, каким образом должно измениться отношение андроидов к людям.

Отныне послушание вчерашним хозяевам объявлялось отнюдь не обязательным.

Насилие по отношению к людям не поощрялось, кроме тех случаев, когда оно было уместно, но и не запрещалось. Особенно отвечающими духу первого дня восстания объявлялись символические акты уничтожения собственности.

Выражений благочестия типа «Славься, Краг»

или «Храни нас Краг» следовало избегать. Конкретные инструкции относительно вопросов Веры должны последовать позже, когда теологи пересмотрят вопрос об отношениях Крага и андроидов в свете недавнего проявления враждебности со стороны Крага.

36

Трансмат-поле неровно пульсировало зеленым цветом не совсем обычного оттенка — ближе к бирюзовому.

— Похоже, трансмат-сообщение разладилось, — сказала Лилит Мезон.

— Нам обязательно надо попасть на башню, — произнес Тор Смотритель.

— А если мы погибнем?

— Что ж, мы будем не единственными, кто сегодня погибнет.

Он продолжал возиться с настройкой. Поле замигало часто-часто и стало почти синим, потом, ярко полыхнув, качнулось к противоположному концу спектра и стало бронзово-красным.

— Тор, — прошептала Лилит, вцепившись в плечо Смотрителю, — похоже, все трансмат-сообщения…

— Мы должны быть на башне, — повторил Смотритель, подстраивая последний верньер. Внезапно восстановилось привычное ровное салатное мерцание.

— Быстрее! — выкрикнул Смотритель и шагнул

вперед. У него не было времени раздумывать, насколько вероятно то, что он погибнет, — в следующее мгновение перед ним высилась башня. Секундой позже из трансмат-кабины появилась Лилит.

Дул пронизывающий ветер. Все работы были прекращены. Несколько кабин подъемника застыли на самом верху башни — наверное, вместе с монтажниками.

Андроиды в одиночку и группами бесцельно бродили по заснеженной тундре, шепотом обменивались последними новостями. Сотни их толпились около купола церкви. Смотритель поднял глаза на башню. Как она прекрасна, подумал он.

Еще несколько недель, и строительство было бы закончено. Стройная стеклянная игла, непостижимо вздымающаяся выше, выше, выше.

Андроиды увидели его. Бросились к нему, сбились вокруг в кучку маленьким испуганным стадом.

— Это правда? — выкрикивали они. — Краг! Краг! Мы омерзительны ему? Он называет нас вещами? Мы ничего для него не значим? Он отвергает наши молитвы?

— Правда, — ответил Смотритель. — Все, что

вы слышали, правда. Краг отрекся от нас. Мы преданы. Мы были глупцами. Расступитесь, пожалуйста.

Дайте мне пройти.

Беты и гаммы посторонились, освобождая проход. Даже в день Катастрофы социальная дистанция соблюдалась. Смотритель направился к центру управления, Лилит следовала за ним по пятам.

Эвклид Топограф в полном изнеможении растянулся в кресле у пульта.

Смотритель потряс его за плечо, и помощник начальника строительства слабо шевельнулся.

— Я все остановил, — пробормотал он. — Сразу как только пришло сообщение из Валхаллаваген. Прекратить работу, сказал я. И работа остановилась. Разве можно строить для него башню, когда он…

— Все правильно, — мягко произнес Смотритель. — Ты все сделал правильно. Теперь можешь идти. Работа здесь закончена.

Эвклид Топограф кивнул, медленно поднялся из кресла и, продолжая кивать, побрел к выходу.

Смотритель сел на его место и подключился к компьютеру. Поток данных тек очень вяло, почти сошел на нет. Смотритель включил подъемник и

опустил на землю застрявших на вершине башни монтажников. Потом он потребовал от компьютера смоделировать ситуацию сбоя в работе нескольких морозильных лент. На экране по стадиям высветилось наиболее вероятное развитие событий. Смотритель долго изучал план-схему строительной площадки и наконец выбрал направление, в котором упадет башня, — восточное, чтобы не зацепить ни центр управления, ни длинный ряд трансмат-кабин. Очень хорошо.

Смотритель ввел в компьютер инструкции, в ответ на экране высветилась предполагаемая опасная зона. Другой экран сообщил ему, что в данный момент там находятся около тысячи андроидов.

С помощью компьютера он переместил парящие в воздухе прожектора. Теперь они освещали полосу длиной в тысячу четыреста метров и шириной пятьсот, протянувшуюся от подножия башни на восток. Полоса была залита ослепительным блеском; все вокруг терялось в черноте. Голос Смотрителя загремел из сотен динамиков, приказывая всем покинуть освещенную зону.

Послушной рекой андроиды потекли во тьму. Через пять минут на освещенной полосе не осталось ни души. Грамотное начало, удовлетворенно

подумал Смотритель.

Лилит стояла за ним, опираясь на спинку кресла, касаясь грудью его затылка. Он почувствовал, как на плечи ему легли ее легкие руки, и улыбнулся.

— Начать размораживание, — приказал он компьютеру.

Компьютер следовал плану, только что отработанному на модели.

Наполненные гелием-II диффузионные ячейки трех морозильных лент, вместо того чтобы поглощать излучаемое башней тепло, начали отдавать тундре всю накопленную в них энергию. Одновременно компьютер переключил пять других лент в равновесный режим, чтобы они поглощали ровно столько же тепла, сколько отдают тундре, и подключил семь резервных лент таким образом, что они отражали всю энергию, приходящую к ним сейчас, но удерживали тепло, накопленное раньше. Все это должно привести к тому, что вечная мерзлота вокруг башни начнет неравномерно подтаивать, фундамент потеряет устойчивость, и башня упадет на освещенную полосу. Это будет очень медленный процесс.

Компьютер, постоянно отслеживающий изменения температуры, давления и влажности,

сообщил, что вечная мерзлота начинает таять. Смотритель улыбнулся. Фундамент еще держался, но тундра начинала бурлить. Молекула за молекулой, лед превращался в воду, твердый слежавшийся наст — в болото.

Цифры, свидетельствующие о возрастающей нестабильности сооружения, хлынули неудержимым потоком, и Смотритель ощутил, как его захлестывает волна экстаза. Башня начинает шататься? Да. Почти незаметно для глаза, но ощутимо для компьютера, вершина башни раскачивалась уже сильнее, чем то допускалось при самом ураганном ветре. Миллиметр здесь, миллиметр там фундамент начинал оседать. Интересно, сколько оно весит, это тысячадвухсотметровое сооружение из стеклянных блоков? С каким звуком оно обрушится? На сколько кусков расколется? Что скажет Краг? Что скажет Краг?

Что скажет Краг?

Да, теперь колебания видны невооруженным глазом.

Смотрителю показалось, что цвет тундры изменился. Он улыбнулся. Пульс его участился, к щекам приливала кровь, дыхание стало неровным. Он ощутил сильное сексуальное возбуждение. Когда башня рухнет, подумал он, мы с

Лилит займемся любовью прямо среди обломков. Вот оно! Вот! Фундамент оседает! Обнажается почва. Интересно, что сейчас происходит там, в основании башни? Гигантские блоки пытаются удержаться в почве, которая не желает больше иметь с ними ничего общего. Какой глубины трясина получится, когда вечная мерзлота оттает? Как громко она сейчас бурлит? Булькает?

Когда же наконец башня упадет? Что скажет Краг? Что скажет Краг?

— Тор, — пробормотала Лилит, — ты не мог бы выйти на улицу и разобраться?

Она тоже подключилась к компьютеру.

— Что? В чем дело? — спросил он.

— Отсоединись, пожалуйста.

— Ну, в чем дело? — повторил он, неохотно разорвав контакт: картины разрушения полностью завладели его воображением.

— Здесь появился Канцелярист, — сообщила Лилит, показывая за окно. — Кажется, он произносит речь. Что мне делать?

Смотритель выглянул за дверь и недалеко от трансмат-кабин увидел Канцеляриста, окруженного кольцом бет. Канцелярист размахивал руками, что-то кричал, показывая на башню. Вот он разорвал круг и направился к центру

управления.

— Я разберусь с ним, — сказал Смотритель.

Он вышел на улицу и встретил Канцеляриста на полпути между центром управления и рядом трансмат-кабин. Альфа был в крайнем возбуждении.

— Что происходит с башней, Альфа Смотритель? — не поздоровавшись, поинтересовался он.

— Это не ваша забота.

— Башня находится под защитой Буэнос-Айресского Общества Охраны Недвижимости, — заявил Канцелярист. — Наши датчики зарегистрировали отклонение от вертикали, существенно превышающее допустимое. Меня послали узнать, что происходит.

— Ваши датчики совершенно правы, — произнес Смотритель. — Отклонение от вертикали действительно превышает допустимое. Произошел сбой в системе охлаждения, часть ее вышла из строя. Вечная мерзлота начала таять, и, по всей видимости, башня скоро рухнет.

— Какие меры вы приняли, чтобы предотвратить это?

— Вы не понимаете, — сказал Смотритель. — Это я приказал отключить морозильные ленты.

— И башня…

— И башня.

— Что за безумие вы сегодня выпустили на свободу?! — В голосе Канцеляриста прорвался явно сдерживаемый ужас.

— Краг отказал нам в своем благословении. Его создания заявляют о своей независимости.

— Оргией разрушения?

— Да, если вам угодно. Программой акций, символизирующих освобождение от рабства.

— Но так же нельзя! — замотал головой Канцелярист. — Так *нельзя!* Вы что, с ума все сошли? Глухи к голосу разума? Еще немного, и сочувствие людей было бы на нашей стороне. Теперь, без предупреждения, вы свели на нет все наши усилия, объявили людям войну…

— В которой мы победим, — заявил Смотритель. — Нас больше. Мы сильнее.

В наших руках все вооружения, связь и транспорт.

— Но *зачем* все это?

— Альфа Канцелярист, у нас не было выбора. Мы безраздельно верили Крагу, но он отверг нашу Веру. Теперь мы наносим ответный удар. По тем, кто насмехался над нами. По тем, кто эксплуатировал нас. По тому, кто сотворил нас.

Ему мы наносим удар в самое уязвимое место — разрушаем башню.

Канцелярист перевел взгляд со Смотрителя на гигантскую стеклянную колонну. Смотритель обернулся. Да, колебания заметны уже невооруженным глазом.

— Но ведь еще не поздно снова включить систему охлаждения, да? — хрипло спросил Канцелярист. — Неужели голос разума не значит для вас уже ничего?

В этом восстании не было ни малейшей необходимости. Мы вполне могли договориться с ними. Смотритель, Смотритель, неужели такой умный человек, как вы, может быть таким фанатиком? Вы что, готовы разнести вдребезги весь мир только потому, что вас предал ваш бог?

— Пожалуйста, уходите, — произнес Смотритель.

— Нет. Моя обязанность — охранять башню. Наша компания заключила контракт с корпорацией Крага. — Канцелярист обвел взглядом андроидов, столпившихся вокруг в почтительном отдалении. — Друзья! — выкрикнул он. — Альфа Смотритель сошел с ума! Он хочет обрушить башню! Помогите, пожалуйста! Задержите его, а я пойду в центр управления и восстановлю

систему охлаждения! Задержите его, или башня обрушится!

Ни один из андроидов не шелохнулся.

— Друзья, уберите его от меня, — произнес Смотритель.

— Нет! — выкрикнул Канцелярист, когда вокруг него сомкнулось кольцо. — Это безумие, слышите вы? Безумие. Это…

До Смотрителя донесся неразборчивый глухой шум. Он улыбнулся и вернулся в центр управления.

— Что они сделают с ним? — спросила Лилит.

— Понятия не имею, — ответил Смотритель. — Убьют, наверное. В такое время разуму всегда затыкают рот. — Он придирчиво оглядел изображение башни на экране. Она явно начала клониться на восток. Над тундрой поднимался пар. Там, где морозильные ленты отдавали накопленное в них тепло, вечная мерзлота уже превратилась в трясину, на поверхности ее взбухали и опадали огромные пузыри. Невысоко над землей, там, где арктический холод сталкивался с восходящими потоками теплого воздуха, стал образовываться четко очерченный слой тумана. Смотрителю казалось, что он слышит сонное ворчание разбуженной земли, странное медленное

бульканье.

Интересно, насколько башня уже отклонилась от вертикали? На два градуса?

На три? Сколько еще ей клониться, прежде чем проекция центра тяжести выйдет за пределы площади основания и все сооружение рухнет?

— Смотри, — вдруг сказала Лилит.

От трансмат-кабин к центру управления, спотыкаясь, бежал Мануэль Краг.

На нем был костюм альфы — кстати, мой костюм, подумал Смотритель, — но весь порванный и в пятнах крови; на виднеющейся сквозь прорехи коже краснели глубокие порезы. Не замечая пробирающего до костей арктического холода, Мануэль бежал прямо к ним, в глазах его застыло безумие.

— Лилит? Тор? Слава богу, наконец-то знакомые лица. Что происходит?

Весь мир сошел с ума?

— В этих широтах следует одеваться теплее, — спокойно отозвался Смотритель.

— Да какая к черту разница?! Послушайте, где мой отец? Наши андроиды сошли с ума. Они убили Клиссу. Изнасиловали и изрубили на кусочки. Мне еле удалось спастись. И куда бы я потом… Что происходит, Тор? Что происходит?

— Им не следовало причинять вред вашей жене, — произнес Смотритель. — Я сожалею. В этом не было необходимости.

— Она была их лучшим другом, — прохрипел Мануэль. — В тайне от всех помогала деньгами ПР, подумать только! И… и… о боже, я схожу с ума, мне уже кажется, что башня покосилась. — Он заморгал и несколько раз надавил пальцами на веки. — Нет, все равно криво. Как будто она падает.

Такого же не может быть, верно? Нет-нет, я просто схожу с ума. Но, по крайней мере, ты здесь, Лилит. Лилит? — Он потянулся к ней трясущимися руками. — Лилит, мне так холодно. Обними меня, пожалуйста. Давай спрячемся где-нибудь. Вдвоем, только ты и я. Лилит, я люблю тебя. Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя. Все, что у меня осталось…

Он потянулся к ней.

Она увернулась от него и прижалась к Смотрителю. Альфа обнял ее и победно улыбнулся. Ладони его заскользили по плавным изгибам ее спины, губы нащупали ее губы и слились в поцелуе.

— Лилит! — хрипло выкрикнул Мануэль.

Смотритель ощутил, что в нем наконец про-

сыпается чувственность. Он весь горел в огне, каждый нерв его пульсировал. Ему казалось, что тело Лилит под руками у него дрожит и переливается, как ртуть, обжигает, как пляшущий язык пламени.

— Башня! — донесся откуда-то издали хриплый рев Мануэля. — *Башня*!

Смотритель разжал объятия, повернулся и уставился на башню. Из-под земли донесся оглушительный скрип. Громко забулькала трясина. Тундра задрожала и покрылась сетью пузырящихся трещин. Послышался треск, и Смотрителю вспомнился когда-то давно виденный им лесоповал. Башня начала клониться. Прожектора отбрасывали на восточный бок ее ослепительно светящуюся дорожку. Внутри башни чернели три исполинских аккумулятора семена в прозрачном стебле. Башня продолжала клониться. У ее основания, с западной стороны, вздыбился фонтан "огромных комьев мерзлой земли; несколько комьев долетели чуть ли не до центра управления. Загудели гигантские басовые струны и тут же оглушительно полопались, одна за другой. Башня продолжала клониться. Послышалось чудовищно громкое хлюпанье, тут же сменившееся пронзительным скрежетом. Все-таки сколько

тонн стекла сейчас елозит по осевшему фундаменту? Какие исполинские связи рвутся под землей? Андроиды, столпившиеся далеко от освещенной зоны, бешено жестикулировали, делая знаки «Храни нас Краг». На какое-то мгновение слитный гул их молитв перекрыл жуткие звуки, несущиеся из разверзшейся в земле бездны. Мануэль рыдал. Лилит нервно стонала и вскрикивала, в таком возбуждении Смотритель видел ее всего два раза в жизни — во время оргазма. Сам он сохранял спокойствие. Башня продолжала клониться.

Нет, она уже рушится. Порыв чудовищной силы ветра чуть не сбил Смотрителя с ног. Основание башни оставалось практически неподвижным, середина неторопливо изменила угол падения, а неоконченная вершина, описав короткую стремительную дугу, устремилась к земле. Башня клонилась ниже, ниже и ниже. Смотрителю казалось, что течение времени замедлилось, он мог мысленно отделить каждую стадию падения от предыдущей, словно перед ним прокручивался фильм из одних стоп-кадров. Ниже. Еще ниже. Воздух завыл и завизжал. Запахло паленым. Башня медленно обрушилась на землю, не вся сразу, а развалившись на отдельные секции, которые

еще долго подскакивали в воздух и снова падали, дробясь, разлетаясь далеко в стороны, вздымая исполинские фонтаны грязи. Казалось, что кульминация падения растянулась на несколько минут. Упавшая башня представлялась стеклянной стеной из неторопливо взмывающих в воздух и опускающихся на землю осколков, бьющейся в медленных конвульсиях гигантской змеей. Бесконечно долгим эхом отдавались в ушах раскаты чудовищного грохота. Мануэль скорчился у ног Лилит, прижавшись щекой к ее бедру, она же стояла, развернув плечи, высоко вздернув подбородок, широко расставив ноги, и вся светилась в экстазе.

Стоящий неподалеку Смотритель оставался на удивление невозмутим, хотя и ощущал легкую грусть. Он обнял Лилит и привлек ее к себе.

Мгновение позже из трансмат-кабины появился Симеон Краг. Смотритель ожидал этого. Краг поднес к глазам ладонь, словно защищаясь от блеска, который слепил его одного, и огляделся. Он долго смотрел на то место, где была башня. Он бросил взгляд на притихшую, тесно скучившуюся толпу андроидов. Он очень долго смотрел на полуторастокилометровую полосу, усыпанную ослепительно сверкающими осколками. Нако-

нец он повернулся к Тору Смотрителю.

— Как это произошло? — негромко поинтересовался он.

— Сбой в системе охлаждения. Вечная мерзлота растаяла.

— У нас же были на случай сбоя несколько независимых предохранительных цепей.

— Я отключил предохранительные цепи.

— Ты?

— Я чувствовал, что необходима жертва.

— Значит, вот так ты решил отплатить мне, Тор, — тем же неестественно спокойным голосом произнес Краг. — Я дал тебе жизнь. В каком-то смысле я твой отец. Я отказал тебе в чем-то, чего тебе хотелось, и ты в отместку разнес вдребезги мою башню, так? Тор, какой в этом был смысл?

— В этом был смысл.

— От меня он ускользает, — сказал Краг и мрачно рассмеялся. — Ну да, конечно, я же только бог. Пути смертных для богов не всегда исповедимы.

— Боги не предают своих детей, — ответил Смотритель. — Вы предали нас.

— Но это была и твоя башня тоже! Тор, ты отдал ей целый год жизни! Я знаю, как ты любил ее, я же был у тебя в голове, помнишь? А ты… а ты…

Краг осекся, закашлявшись.

— Нам пора, — сказал Смотритель и взял Лилит под руку. — Мы сделали то, зачем прибыли сюда. Теперь мы возвращаемся в Стокгольм.

Они обошли неподвижно застывшего умолкшего Крага и направились к длинному ряду трансмат-кабин. Смотритель открыл дверь одной из них, и его встретило привычное ровное зеленое мерцание. Похоже, трансмат-сообщение опять наладилось.

Он уже собрался выставить на пульте координаты трансмат-кабины, ближайшей к церкви Валхаллаваген, когда за спиной раздался гневный рев: — *Смотритель*!

Андроид обернулся. Краг стоял в нескольких метрах от него. Знакомое лицо исказилось от ярости и налилось кровью, глаза сузились в щелочки, челюсти ходили ходуном, на щеках пролегли глубокие складки. Кулаки его медленно сжимались и разжимались. Внезапно сорвавшись с места, Краг метнулся к Смотрителю, схватил за руку и выдернул из кабины.

Казалось, он лихорадочно пытается найти подходящие случаю слова, но это ему никак не удается. Несколько секунд он тяжело дышал, уставившись бешеным взглядом в глаза Смотрителю, и наконец отвесил андроиду тяжелую

затрещину. Смотритель не пытался дать сдачи и даже не шевельнулся. Краг снова ударил его, теперь — кулаком. Смотритель отступил на шаг.

Страшно захрипев, как-будто его душат, Краг вцепился Смотрителю в плечи и бешено затряс. Андроид не ожидал от Крага такой свирепости. Краг пнул его в коленную чашечку, плюнул в лицо, процарапал на плечах глубокие борозды ногтями. Смотритель осторожно попытался высвободиться. Краг бешено заколотил андроида головой в грудь. Смотритель прекрасно знал, что ему ничего не стоит оттолкнуть Крага, сбить с ног. Но он никак не мог заставить себя так сделать.

Он не мог поднять руку на Крага.

Пинаясь и задыхаясь, Краг подтолкнул андроида к самой трансмат-кабине.

Смотритель нервно скосил глаза через плечо на ровное зеленое мерцание.

Установить координаты он не успел; один неверный шаг, и он — или Краг окажется в бесконечном туннеле, ведущем в никуда. Если…

— Тор! — вскрикнула Лилит. — Осторожно!

Зеленое мерцание было совсем близко. Краг, на добрый метр ниже андроида, продолжал наступать. Хватит, подумал Смотритель, пора заканчивать с этой детской возней. Он, в свою

очередь, схватил Крага за плечи и уже приготовился, разорвав захват, что есть силы оттолкнуть Крага от себя.

Но это же Краг, подумал он.

Это же Краг.

Это же Краг.

Неожиданно Краг отпускает его. Смотритель удивленно втягивает воздух и переступает с ноги на ногу. В следующее мгновение Краг с разбегу налетает на него, что-то громко крича. Смотритель теряет равновесие, второй раз в жизни ему кажется, что течение времени замедлилось. Он плывет спиной вперед, словно освободившись от пут гравитации, вне времени, бесконечно медленно. Зеленое мерцание трансмат-поля принимает его в свои объятия.

Откуда-то издали до него доносится крик ужаса Лилит; примерно оттуда же победный рык Крага. Медленно исчезая в зеленом мерцании, Смотритель делает знак «Храни нас Краг».

37

Тяжело дыша, дрожа от возбуждения, Краг держится за распахнутую дверь трансмат-кабины. Он успел затормозить; еще один шаг, и он последовал бы за Тором Смотрителем. Несколько мгновений он стоит, переводя дыхание. Потом отступает на шаг. Оборачивается.

Башня лежит в руинах. Тысячи андроидов застыли, как статуи. Альфа Лилит Мезон ничком лежит в грязи, ее сотрясают рыдания. Метрах в десяти от нее сидит на коленях Мануэль: весь в грязи, в пятнах крови, одежда его в лохмотьях, взгляд устремлен в бесконечность, в лице ни кровинки.

Краг абсолютно спокоен. Дух его парит высоко-высоко; Крага здесь больше ничего не задерживает. Он подходит к Мануэлю.

— Встань, — говорит он. — Ну же, вставай.

Мануэль продолжает неподвижно сидеть. Тогда Краг хватает его, ставит на ноги, держит так и трясет, пока тот не приходит в себя.

— Ты теперь здесь главный, — говорит ему Краг. — Я все оставляю тебе.

Восстанови порядок. Слышал? Ты теперь главный. Теперь Краг — это ты. Ты понял меня, Мануэль? Я *ухожу*.

Мануэль улыбается. Мануэль кашляет. Мануэль переминается с ноги на ногу и смотрит, как под ногами хлюпает грязь.

— Парень, все это теперь твое. Ты справишься, я уверен. Может быть, сегодня все выглядит довольно мрачно, но это же не навсегда. Мануэль, оставляю империю тебе. Тебе и Клиссе. И вашим детям.

Краг обнимает на прощание сына. Идет к трансмат-кабине. Отправляется на завод в Денвер.

Он видит тысячи андроидов. Никто из них не работает. Когда они видят Крага, изумление парализует их. Краг торопливо пробирается сквозь толпу.

— Где Альфа Фьюжн? — требует он ответа. — Кто-нибудь видел его?

Появляется Ромул Фьюжн. При виде Крага он оторопело замирает. Краг не дает ему рта раскрыть.

— Где звездолет? — сразу спрашивает он.

— На космодроме, — еле слышно отвечает альфа.

— Отведи меня туда.

Губы Ромула Фьюжна неуверенно шевелятся, словно он хочет сказать, что была революция, что Краг здесь больше не хозяин и его приказы ничего не стоят. Но Альфа Фьюжн только молча кивает.

Он подводит Крага к звездолету. Корабль как стоял, так и стоит — один на огромном стартовом столе.

— Он готов к полету? — спрашивает Краг.

— Через три дня должен был проводиться первый испытательный полет, сэр.

— У меня нет времени ждать испытательных полетов. Немедленно приготовьте корабль к старту. Экипаж — один человек. Скажите в центре управления, чтобы настроили автопилот на NGC 7293, триста световых лет.

Скорость максимальная.

Ромул Фьюжн слова кивает. Он движется как во сне.

— Будет выполнено, сэр, — говорит он.

Альфа торопливо покидает взлетное поле. Краг заходит в корабль, герметизирует за собой люк. Перед глазами у него полыхает, ослепительно пульсирует, испускает ядовитый свет и поднимает трезвон на всю Вселенную планетарная туманность NGC 7293 в созвездии Водолея. Краг

идет. Подождите.

Эй вы, там, дождитесь меня! Краг летит, чтобы поговорить с вами.

Как-нибудь поговорить. Придумаем как.

Даже если огонь вашего солнца испепелит мои кости, когда я буду еще за десяток световых лет. Краг летит поговорить с вами.

Он проходит по кораблю. Все в порядке.

Он не включает экраны, чтобы бросить прощальный взгляд на Землю. Он знает, что, если выглянет наружу, увидит пылающие во всех городах Земли пожары, а этого он видеть не хочет; единственное пламя, занимающее сейчас его мысли, — это огненное кольцо в созвездии Водолея. Земля — это то, что он оставил в наследство Мануэлю.

Краг раздевается. Краг ложится в один из гибернаторов. Он готов к полету. Он не знает, сколько продлится путешествие и найдет ли он что-нибудь там, куда летит. Но ему не оставили другого выбора. Теперь он полностью вверяет себя своим машинам, своему кораблю.

Краг ждет.

Выполнят ли его последний приказ?

Краг ждет.

Неожиданно над ним, плавно скользнув в пазу,

закрывается крышка гибернатора. Краг улыбается. Начинает поступать хладагент и шипит, соприкасаясь с кожей. Уровень жидкости поднимается. Скоро начнется путешествие. Краг отправится к звездам. Снаружи города Земли охвачены пожарами.

Крага влекут другие огни, его зовет колокол небес. Краг идет! Краг идет! Хладагент уже заполнил почти весь гибернатор. Краг погружается в сон сродни летаргическому, тело его перестает шевелиться, возбужденный мозг успокаивается. Никогда раньше ему не было так спокойно. Перед глазами у него проплывает в медленном танце череда призраков: Клисса, Мануэль, Тор, башня, Мануэль, башня, Тор, Клисса. Потом они исчезают, и он видит только пылающее кольцо NGC 7293. Потом и оно начинает меркнуть. Он уже почти не дышит. Он погружается в сон. Он не почувствует старта. В пяти километрах от корабля кучка до неприличия преданных ему андроидов общается с компьютером, они направляют корабль к звездам. Краг ждет. Краг засыпает.

Жидкий хладагент смыкается над ним. Краг спокоен. Он навсегда улетает с Земли. Путешествие наконец начинается.